

ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА

увлекательные истории
жизни римлянок всех сословий

Джон Перси Бэлсдон

Annotation

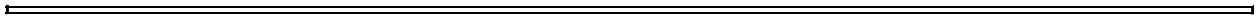
Профессор Оксфордского университета, член Британской академии, автор ряда исследований по древней истории Джон Перси Бэлсдон посвятил свою книгу женщинам Древнего Рима. История римских женщин – это многовековая история представительниц всех слоев римского общества. Женщины никогда не управляли Римом, но это не означает, что они не участвовали в формировании имперской политики. От них, в особенности от исполнения ими жреческих обязанностей, например, зависело здоровье общества, а символом государственной морали были девственницы-весталки, которые гарантировали экономическое процветание страны. Автор охватил более чем тысячелетний период, описывая многих женщин, родившихся в римских провинциях и ставших частью римской истории.

- [Джон Перси Бэлсдон](#)
  - [Введение](#)
  - [Часть первая](#)
    - [Глава 1. Ранний республиканский Рим](#)
      - [Основание Рима: волчица и другие женщины](#)
      - [Похищение сабинянок](#)
      - [Невинные девушки, жадные до утех мужчины и, как следствие, улучшение управления](#)
      - [Мать Кориолана](#)
      - [Жертвы и службы](#)
      - [Нравственный упадок в послевоенные годы](#)
      - [Вакхический скандал](#)
      - [Благородные женщины](#)
    - [Глава 2. Освобождение женщин](#)
    - [Глава 3. Введение в историю империи](#)
    - [Глава 4. Женщины при дворе Августа](#)
    - [Глава 5. Мессалина, Агриппина и Поппея](#)
      - [Жизнь императрицы Мессалины и ее смерть в 48 году н. э.](#)
      - [Жизнь императрицы Агриппины и ее смерть в 59 году н. э.](#)
      - [Дочери Клавдия и женщины Нерона](#)

- [Эпилог: последние женщины из рода Юлиев](#)
  - [Глава 6. От Флавиев до Константина](#)
    - [Женщины при дворе императоров из рода Флавиев](#)
    - [Женщины Траяна и Адриана](#)
    - [Женщины Антониев](#)
    - [Достижения Юлии Домны и ее сестры](#)
    - [Мать Константина и дочь Диоклетиана](#)
- [Часть вторая](#)
  - [Глава 7. Брачная церемония](#)
    - [Выбор мужа](#)
    - [Помолвка](#)
    - [Формы брака](#)
    - [Выбор дня свадьбы](#)
    - [Свадьба](#)
    - [Приданое](#)
  - [Глава 8. Дети](#)
  - [Глава 9. Счастливые браки](#)
  - [Глава 10. Неудачные браки и разводы](#)
    - [Неудачные браки](#)
    - [Развод](#)
    - [Разведенные женщин и вдовы](#)
  - [Глава 11. Женщины недостойного поведения](#)
    - [Проститутки](#)
    - [Куртизанки](#)
    - [Рабыни, отпущенницы и наложницы](#)
  - [Глава 12. Святые, религиозные и божественные женщины](#)
    - [Святые женщины](#)
    - [Религиозные женщины](#)
    - [Женщины, причисленные к лику богинь](#)
  - [Глава 13. Повседневная жизнь римских женщин](#)
    - [Одежда](#)
    - [Прически](#)
    - [Косметика и драгоценности](#)
    - [Бани](#)
    - [Женщина у себя дома](#)
    - [Женщины за пределами своего дома](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)
  - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Джон Перси Бэлсдон
Женщины Древнего Рима. Увлекательные
истории жизни римлянок всех сословий

*В истории нет ничего такого, что могло бы меня
рассердить или расстроить: мужчины ни на что не
способны, а уж женщины – и подавно.*

Мисс Морлэнд

Нортенджерское аббатство

Введение

Эта книга охватывает более чем тысячелетний период, от «основания Рима» Ромулом и Ремом в 753 году до н. э. и до смерти Константина в 337 году н. э. Но поскольку нельзя не упомянуть об Энее, бежавшем из Трои после ее падения, которое, по мнению александрийских ученых, случилось в 1184 году до н. э., временные рамки нашего рассказа были раздвинуты. Он охватывает эпоху царей (753–510 гг. до н. э.), республику (509–27 гг. до н. э.) и первые три с половиной столетия существования империи – то есть то время, когда Рим впервые привел свой дом в порядок и подчинил себе весь Итальянский полуостров, а потом создал империю, которая раскинулась от залива Солвей до Сахары и от Атлантического побережья до Евфрата.

Женщины никогда не управляли Римом. В древности, во времена царей, и позже, в эпоху империи, действовал римский эквивалент салического права (которое запрещало женщинам управлять государством. – *Пер.*). В Древнем Риме не было цариц (все они были женами правящих царей), а в более поздние времена – императриц, которые правили бы самостоятельно. Трон передавался только по мужской линии. Однако это вовсе не означает, что женщины время от времени не приобретали огромной власти в республике, а позже не участвовали в управлении империей (и не всегда – за сценой), а также в формировании имперской политики.

Исторические документы не ограничиваются деятельностью царей, королей и императоров. Они включают в себя и социальную историю римского народа, а история римских женщин – это многовековая история представительниц всех слоев римского общества. И в этом нам повезло, ведь начиная с V века до н. э. иностранцы – в основном греки – постоянно писали о Риме, и нам хорошо известно, как они характеризовали римских женщин. К примеру, в своих «Римских вопросах» Плутарх подробно описывает женщин и их обычаи. Почему в далеком прошлом, когда римлянин возвращался из деревни, он посылал гонца предупредить жену о скором приезде? Почему римские женщины целовали своих близких родственников – мужчин, а вступив в брак, и близких родственников своего мужа? Чем объясняется исключительная сложность римских брачных ритуалов? Но больше всего поражало греков то, что в Риме женщинам из благородных семей разрешалось присутствовать на пирах!

Участие женщин в общественной и социальной жизни Рима объясняется, как и во всех древних обществах, двумя причинами.

Во-первых, у женщин были собственные ритуалы и праздники. От их примерного поведения и, в особенности, жреческих обязанностей зависело здоровье общества. Жены некоторых жрецов сами были жрицами. Символом государственной морали были девственницы-весталки, которые гарантировали экономическое процветание страны. Поэтому моральная нечистоплотность весталок расценивалась как государственная измена и безответственные выходки мужчин, вторгавшихся в дом во время отправления культа, в котором могли принимать участие только женщины, считались преступлением против общества. (Описание такого культа приводится в гл. 12.)

Во-вторых, женщины рожали детей, обеспечивая продолжение рода и выживание всего общества. Отсюда проистекало политическое значение браков между родовитыми семействами. Если же заглянуть глубже, то мы увидим, что начиная со II века до н. э. римляне были обеспокоены демографическими провалами из-за высокой детской смертности и гибели женщин во время родов. Во II веке до н. э. мудрые государственные мужи, а за ними и императоры стали принимать меры для повышения рождаемости. Когда призывы уже перестали действовать, власти начали выплачивать семьям, имевшим детей, в которых государство отчаянно нуждалось – в особенности для пополнения легионов, – крупное вознаграждение.

В развивающемся обществе история женщин – это история их эмансипации. Более чем за сто лет до гибели республики женщины восставали против брачных обычаев, которые намертво приковывали их к мужчинам и не позволяли сбросить эти цепи. Они боролись против бессмысленной строгости закона. Разводов, сначала очень редких, становилось все больше, и они превращались в большую неприятность. Новые веяния приходили в Рим из Греции; молодые девушки – и юноши тоже – стали учиться петь и танцевать. Хроники отмечают, как возмущались по этому поводу старики, пуритане и ханжи. Тем не менее подобные процессы в обществе остановить было уже нельзя. Женщины сами себя освободили. Они обрели свободу, а в последние годы республики и во времена империи наслаждались полной вседозволенностью.

В Риме были проститутки; на закате республики и позже – дорогие содержанки; были уважаемые всеми наложницы, и были *casta puella*, добропорядочные жены, матери семейств, которые руководили образованием своих сыновей и, совместно с дочерьми, пряли пряжу и шили домашнюю одежду для мужей. Во времена поздней республики

прославились дамы, которым надоело быть добропорядочными матронами и которые пустились во все тяжкие. Они становились куртизанками, иногда весьма знаменитыми; или же начинали вмешиваться в политическую карьеру своих мужей и сыновей и обретали славу другого рода. Во времена империи статус подобных женщин сильно вырос. Редко какая имперская семья не имела своих выдающихся женщин. Возможности для удовольствий и развлечений были безграничны, такими же были возможности и для власти, если женщина имела слабохарактерного мужа или ее муж был младшим сыном императора.

С основания Рима до смерти Константина прошло много лет, но только в последние четыреста лет, в последние годы республики и в течение всего периода империи, в Риме жили женщины, которые оставили после себя заметный след.

До этого в древнем римском мире настоящими сильными характерами, и то преимущественно на сцене, обладали вовсе не римлянки, а гречанки. Многочисленные дошедшие до нас пьесы Плавта и Теренция, которые ставились в Риме в конце III века до н. э. и в первые годы II, были адаптацией пьес Менандра и других греческих драматургов. Они были написаны и сыграны в Афинах более чем за сто лет до этого. Мир этих комедий был столь же условен, как и мир современной пантомимы. Это был мир престарелых мужей и подозрительных жен, их красивых, полнокровных и развращенных сыновей, мир куртизанок, сводников и доносчиков. В конце пьесы обнаруживалось, что куртизанка (рабыня, которую выкупил на свободу ее любовник) вовсе не была рабыней. Выяснялось, что она родилась свободной, что ее украли в детстве и она стала жертвой совершенно невероятного стечения событий. И ее любовник наконец мог жениться на ней и сделать из нее честную женщину.

Но это были греческие пьесы, переведенные на латынь, и порой трудно понять, имеют ли они какое-нибудь отношение к жизни римских женщин.

После этого жили поэты, которые посылали молодым женщинам стихи и посвящали им поэмы. Самые талантливые появились в течение полувека – в последние дни республики, в годы гражданской войны и правления Августа. Катулл и Проперций были страстными и романтическими любовниками, а Гораций и Овидий – филантропами самого изысканного толка.

От Римской империи до нас дошли яркие и ядовитые сатирические изображения женщин, в особенности сатиры Ювенала. Однако называть Ювенала, Марциала – и даже Тацита – женоненавистниками глупо. На

языке ненависти и презрения женщины не могут рассчитывать на лучшее отношение, чем все общество в целом, которое, по мнению сатириков, не только способствовало их деградации, но и само было ей подвержено.

Но насколько правдивы описания сатириков? В том, что такие женщины, которых вывели Ювенал и Марциал, в Риме существовали, не может быть никаких сомнений. Однако думать, будто все они были такими, совершенно неправильно – это все равно что представлять себе английское общество конца XIX века по пьесам Оскара Уайльда или это же общество 20–30-х годов XX века по романам Олдоса Хаксли и Ивлин Во. Леди Брэкнел, миссис Уимбуш и леди Метролэнд вряд ли помогут нам составить верное представление о том, как жили и какими были английские женщины в первой половине прошлого века. Тут надо обратиться к писателям с менее язвительным складом ума, каким был Голсуорси; и хотя героини Голсуорси тоже склонны к сумасшествию, его больше интересует характер нормальных людей, вроде тех, которые описывал в конце I века н. э. молодой Плиний.

Женщины, знакомые нам по произведениям литературы, созданным в основном историками и поэтами, принадлежали высшим слоям римского общества или были ему интересны. Тем не менее художники и скульпторы оставили нам изображение и других женщин из разных слоев общества. Музеи всей Италии, большей части Европы и даже Америки наполнены их бюстами, имеющими портретное сходство. Что же касается женщин времен цезарей, то мы видим их изображения на монетах – на которых, по обычаю того времени, люди были сильно приукрашены. Портреты женщин находим и на фресках, украшавших дома и виллы в Помпеях и других местах. Однако это совсем небольшая и не репрезентативная часть римских женщин, ибо на фрески попадали лишь знаменитые и богатые. Жизнь простых женщин – рабынь или отпущенниц, а также представительниц низшего и среднего классов – можно воссоздать лишь приблизительно и только в том случае, если имеются данные археологии и эпиграфии. На могилах и надгробных камнях сохранились надписи, которые можно прочитать. Эти надписи рассказывают нам о достоинствах простых женщин. Их иногда дополняют вырезанные из камня рельефы, по которым, хотя они частенько выполнены весьма неумело и неточно, мы можем судить, как выглядели эти женщины. Сохранилось огромное количество портретных голов и бюстов, которые демонстрируют одежды римских женщины и, что самое интересное, их прически. А благодаря находкам археологов мы можем увидеть и подержать в руках вещи, которыми пользовались эти женщины. Это ювелирные украшения, которые они

носили, предметы, которые держали на своих туалетных столиках, а также их кастрюли и сковородки.

Однако все поэты, историки и сатирики были мужчинами, и можно только сожалеть, что до нас не дошло ни одного женского описания внешности римских представительниц прекрасного пола в первые годы существования Римского государства, в дни поздней республики и гражданской войны или в экстравагантном и опасном мире цезарей. Лишь очень немногие женщины писали книги, а из написанных – ни одна не сохранилась. Все на свете можно было бы отдать за то, чтобы хотя бы мельком заглянуть через плечо Тацита, когда он читал рассказ Агриппины Младшей, матери Нерона, о трагической жизни своей семьи, написанный ее собственной рукой!

К удивлению греков и других иностранцев, мужчины римских семей имели два, а то и три имени (второе имя всегда было фамильным), зато женщины – в эпоху республики – почти всегда должны были довольствоваться лишь одним – фамильным^[1]. Если в семье было несколько дочерей, то все они получали одно и то же имя^[2]. Для того чтобы различать их, к нему добавляли слово «старшая» или «младшая» или число: «первая», «вторая» и «третья». Женщина сохраняла свое имя после замужества^[3], прибавляя к нему имя мужа (в родительном падеже).

Во времена империи эта экономия женских имен прекратилась. Для женщин стало обычным явлением иметь два имени – первым было фамильное, вторым – третье имя отца или матери. Чаще всего использовалось именно это имя. В результате одна нелепость сменила другую. К примеру, жена Германика (Випсания Агриппина) и ее дочь, мать Нерона (чье полное имя было Юлия Агриппина), известны нам как Агриппины. Аналогичным образом жену Марка Аврелия и ее мать, жену Антония Пия, звали Фаустинами. По мере того как империя расширялась, женщины приобретали все больше и больше имен. Старшую дочь Марка Аврелия и его жены Фаустины звали Анния Аурелия Галерия Луцилла. Но самое длинное имя имела жена Александра Севера: Гнея Сейя Херенния Саллюстия Барбия Орбиана.

Поскольку героинями этой книги являются римские женщины, мне пришлось отказаться от удовольствия описать женщин из варварских племен, живших по обеим сторонам границ империи. Например, храбрых женщин Британии, которые встретили на берегу римлян, высадившихся в Англии в 60 году н. э. Тех, которые, как писал Тацит, «держали в руках

горящие факелы и напоминали фурий, облаченных в черное, с всклокоченными волосами», или добродетельных девиц Германии, вроде тех, что захватили в плен Каракаллу. Когда их спросили, что они предпочитают – рабство или смерть, они ответили: «Смерть», а когда их все-таки продали в рабство, они убили себя и своих детей. Кроме того, мне пришлось отказаться от описания многих замечательных женщин: легендарной Дидоны и существовавшей в действительности Карфагенской Софонисбы, Клеопатры, а также дамы, возглавившей защитников Англси, королевы Боадии, «огромной женщины, дородной и сильной, как мужчина, с горящими глазами и резким голосом, чьи густые светлые волосы ниспадали до самой талии». Однако в поздней империи нашлось место для Зенобии; кроме того, я описал многих женщин, родившихся в римских провинциях, которые стали частью римской истории. Это императорские жены из Галлии, Испании и Африки и две потрясающие дочери Сирии: жена Септимия Севера Юлия Домна и ее сестра Юлия Меса. Она стала бабушкой Элагабала и Александра Севера, которая воспитала этих двух императоров. Здесь будет рассказано и о женщине простого происхождения, предки которой были британцами и которую Марциал назвал настоящей римской женой. Ибо римляне умели превращать варваров в цивилизованных людей, в чем и заключалась причина их неизменных побед.

Часть первая
История

Глава 1. Ранний республиканский Рим

Основание Рима: волчица и другие женщины

Существует миф, основанный на рассказе Аристотеля, о том, что предположительно в XII веке до Рождества Христова Эней и его товарищи, бежавшие из павшей Трои, закончили свое путешествие в Италии. Когда мужчины отправились на охоту, их измученные женщины, поддавшись убеждению человека по имени Рим, подожгли свои корабли, и дальнейшее плавание стало невозможным. Этот рассказ был приукрашен такой историей: после того как дело было сделано, женщины испугались и бросились на шею своим братьям и отцам, умоляя защитить их от гнева мужей. Некоторые исследователи полагали, что отсюда и пошел обычай женщин Древнего Рима целовать при встрече своих родственников по мужской линии. Впрочем, другие ученые объясняли эту привычку желанием мужчин убедиться, что их женщины не пили вина.

Женщины не сыграли в основании Рима заметной роли, ограничившись лишь поджогом кораблей. Зато богиня Венера не осталась в стороне. Эней был сыном Венеры, следовательно, ее можно считать прародительницей всего римского народа, а в будущем – разве внук Энея не носил имя Иулий? – от нее пошел и род Юлия Цезаря. Однако римляне не имели прародительницы среди женщин – Ромулу и Рему подарила свою материнскую любовь дикая волчица (*lupa*).

Если верить легенде, родители положили своих нежеланных младенцев, братьев-близнецов Ромула и Рема, в корзину и бросили ее в воды разлившегося Тибра. Вскоре, однако, вода спала, и они очутились на сухой земле у подножия Палатинского холма. Пастух Фаустул, живший в хижине на склоне холма, спустился к реке и увидел волчицу, которая кормила двух младенцев. Пока они насыщались ее молоком, она старательно вылизывала их покрытые грязью тельца. Это место стало священным – чтобы отметить его, было посажено фиговое дерево (*figus Ruminalis*). Здесь же располагалась пещера (*Lupercal*), а на холме стояла хижина пастуха (*casa Romuli*), жене которого Акке Ларенции волчица доверила воспитание близнецов.

Бронзовая скульптурная группа, которую сегодня можно увидеть на Капитолийском холме в Риме (Кампидольо), состоит из двух частей, появившихся в разное время: фигура волчицы была создана этрусками в

V в. до н. э., а близнецы – в эпоху Возрождения. Памятник волчице, кормившей своим молоком младенцев, был установлен на Капитолии еще в 296 году до н. э; само это событие изображали на римских монетах начиная с III века до н. э., так что потомство о нем никогда не забывало. В наши дни у подножия Тарпейского холма в Риме стоит клетка, в которой мечется несчастная волчица, напоминая туристам о легенде, связанной с возникновением города.

Однако кто же на самом деле был матерью близнецов? Ибо только в самой примитивной версии легенды это была волчица. Существовало много противоречащих друг другу историй, появление которых можно объяснить тем, что слово *lupa* (волчица по-латыни) означает еще и проститутку.

Для начала вспомним легенды об Акке Ларенции, в честь которой ежегодно, 23 декабря, в Риме устраивался праздник. Согласно одной из них, она была первой благотворительницей в Риме, которому завещала свое огромное богатство, а о том, как она его приобрела, существует две версии. Самая грубая сообщает нам о том, что она была проституткой (*lupa*), и при этом исключительно успешной. Более живописен рассказ о жреце храма Марса, который однажды решил со скуки сыграть с ним в кости. Проигравший должен был накормить партнера и предоставить ему на ночь женщину. Жрец проиграл; он выставил на алтарь богатое угощение, которое тут же исчезло, и оставил на ночь в храме прекрасную Акку Ларенцию. Ей приснился сон, в котором Марс обещал ей, что она получит награду от первого же мужчины, которого встретит при выходе из храма. Этот мужчина (впрочем, мы не знаем, был ли он молодым и красивым или старым и уродливым, ибо легенды предлагали оба варианта) женился на ней, а когда умер – оставил ей все свое богатство, которое она, в свою очередь, завещала городу. Согласно третьей версии, она была женой Фаустула и заменила близнецам мать. Более поздняя легенда превратила ее в мать двенадцати сыновей; один умер, и вместо него она усыновила Ромула. Двенадцать жрецов входили в состав Арвальского братства, просуществовавшего все годы республики и еще очень долго – в Римской империи.

Греческие историки, стремившиеся связать Ромула и Рема с Энеем, который, в конце концов, был основателем Рима, не сообщают нам о столь выдающемся начале их жизни. Одни называют их сыновьями Энея, другие – сыновьями троянской женщины Роме, а третьи – внуками Энея от его дочери Илии. Но в этих историях имелась временная нестыковка – поскольку между Энеем (современником падения Трои в XII в. до н. э.) и

основанием Рима Ромулом в VIII веке образовался разрыв более чем в четыре столетия и его надо было чем-то заполнить. Сделали это так: Эней стал основателем династии, и «выпавшие» четыреста лет стали временем правления его потомков, альбанских царей. Все эти расчеты во II веке до н. э. проделали рационалисты. Между Энеем и Ромулом они поместили династию альбанских царей: сначала Аскания, сына Энея, которого он привез с собой из Трои, потом Сильвия, сына Энея и Лавинии, на которой он женился в Италии, а потом – несколько поколений потомков Сильвия. Илия превратилась в Рею (так звали мать Юпитера) Сильвию (женское имя Альбанской династии).

История превратилась в мелодраму, в которой участвовали злодей и героиня. С течением времени некий Амулий сверг Нумитора, короля Альбы, а чтобы потомки Нумитора не смогли ему отомстить, убил на охоте его сына, а дочь Рею Сильвию сделал весталкой, чтобы она никогда не смогла родить детей. Но ее совратил то ли какой-то неизвестный человек, то ли Амулий, то ли сам бог Марс, когда она, исполняя свои обязанности весталки, ходила за водой.

Рея родила близнецов, но по приказу Амулия их положили в корзинку и бросили в реку – что их и спасло. Они выросли, убили Амулия, восстановили Нумитора на троне, которому он по праву принадлежал, а потом покинули Альбу и создали колонию – город, который был назван Римом. На все эти события ушел ровно 431 год, прошедший после падения Трои. Таким образом, разрыв между 1184 и 753 годами был заполнен.

А что же случилось с Реей? Попала ли она в тюрьму, где и умерла? Была ли она заточена туда Амулием и, в должное время, освобождена своими сыновьями? А может, ее бросили в реку (в Анио или Тибр) и на ней женился речной бог? Обо всем этом нам рассказывают легенды.

Похищение сабинянок

Согласно легенде, в Риме жили молодые люди из Альбы. Когда были сооружены стены, встал вопрос о создании правил для нового общества, которые должны были лечь в основу некоторых традиций римской цивилизации. Главным вопросом стали взаимоотношения мужчин и женщин. Считают, что именно Ромул установил ту жесткую и неизменную форму брака, которая получила название *confarreatio*, то есть такого союза, в котором жена должна полностью разделять с мужем его судьбу. Этот союз несколько столетий воспринимался женщинами как нечто неизбежное; от

него отказались только тогда, когда дали трещину сами основы социальной жизни. Так объяснили бы нам моралисты вроде старшего Катона.

В таком браке жена находилась в полном подчинении у мужа и развод был абсолютно невозможен. Иными словами, женщина ни при каких обстоятельствах не могла избавиться от своего мужа. Он же, при определенных условиях, мог от нее отказаться. Если она ему изменяла или предавалась пьянству – а злоупотребление спиртным, как утверждали римляне, самая главная причина измены, – то ее жестоко наказывали; муж и ее собственная родня становились для нее безжалостными судьями. Но если все шло хорошо, жена на протяжении всей жизни мужа была хозяйкой в доме, а случись ему умереть раньше ее, то ей, вместе с детьми, доставалось все его имущество. Если же детей не было и муж не оставлял никаких распоряжений относительно наследства, как полагалось по закону, то жена получала все его имущество и имения. Таким образом, богатые вдовушки, о которых писали сатирики более поздних времен, когда империя пришла в упадок, появились в глубокой древности.

Однако самые лучшие брачные законы не имеют никакой ценности, коль скоро нет жен; и, если верить легенде, молодые поселенцы столкнулись с этой проблемой, ибо женщин среди них не было. Они их просто не привезли с собой, поскольку основание нового города – вовсе не женское дело, а их новые соседи не собирались отдавать своих дочерей в жены молодым людям, которые уже прославились варварским поведением. И тогда молодые римляне решили показать, что вполне заслуживают этой репутации. Они объявили, что хотят устроить праздник, желая привлечь на него девушек. В Древнем Риме этот магнит был не менее силен, чем в современной Италии. Это был фестиваль, который просуществовал несколько веков под названием консуалия.

На него собрались толпы народа, и по сигналу Ромула все молодые люди схватили самых красивых девушек, которых смогли найти, и бросились бежать. Толпа гостей в ужасе рассеялась, а к молодым девушкам, захваченным в плен, в основном сабинянкам, римляне отнеслись с большим уважением. Этой ночью их никто не тронул, а утром Ромул прочитал им лекцию о превосходстве римских брачных обычаев над другими и назвал удачей представившуюся им возможность сочетаться браком по этим законам, что они тут же и сделали.

Эта захватывающая история стала частью римских легенд еще во II веке до н. э. Впрочем, ее могли придумать и для того, чтобы объяснить римские брачные обычаи, существовавшие в то время: ритуал похищения невесты, например, а также слово «Таласио», которое кричали во время

свадебной процессии. Ибо, как гласит легенда, самые красивые сабинянки были похищены слугами богатого и привлекательного римлянина по имени Таласий. Слуги, пронося девушек через толпу, чтобы никто не попытался их отнять, кричали: «Таласио!», что означало «для Таласия», и все понимали, что эти девушки предназначены для всеми уважаемого господина.

Похищение сабинянок оказалось прибыльным для обеих сторон. Сабиняне объявили войну римлянам и, вероятно сыграв на алчности римской девы, весталки по имени Тарнея (хотя хотелось бы спросить: откуда здесь взялись римские девушки, и к тому же весталки?), они сумели захватить Капитолий. Римляне атаковали их со стороны Палатина. Началось славное сражение; тогда женщины, к тому времени уже беременные, вмешались и развели противников в разные стороны. Был заключен мир; сабиняне и римляне объединились и зажили в Риме рядом друг с другом. В одной из римских легенд говорится о том, что римляне дали родственникам своих жен торжественное обещание, что никогда не будут заставлять супруг молоть муку или готовить для них. Впрочем, об этом обещании, если оно и было сделано, очень быстро забыли.

Невинные девушки, жадные до утех мужчины и, как следствие, улучшение управления

Историю Рима писали не женщины, а мужчины, и к тому же ужасно консервативные и самоуверенные. Обуреваемые мыслями о том, что они живут во времена полного падения нравов, наступившего в последние два века до Рождества Христова, и уверенные в том, что женский пол не имеет никакого исторического значения, они тем не менее высоко ценили некоторых женщин, в особенности тех, кто прославился своим необыкновенно добродетельным поведением. Их пример должен был стать образцом для более поздних, еще более безнравственных времен или для тех женщин, которые погрязли в грехе и подвергались наказанию в соответствии со строгими моральными нормами, которые никогда не подвергались сомнению.

Впрочем, мы не можем сказать, что вся история Рима, с момента основания его Ромулом в 753 году до н. э. (или около того) и до захвата галлами в 390 году, связана с одними женщинами. Но она полна красочных легенд, в центре которых часто стоят женщины, хорошие или плохие.

Начнем с истории о жертве невинной любви, случившейся, вероятно, в

середине VII века. В ту пору жили, каким бы странным это ни казалось, две семьи: Горации в Риме и Курации в Альбе. В каждой было по три сына, которые приходились друг другу двоюродными братьями (их матери были сестрами). Достигнув зрелости, они не нашли ничего лучшего, чем вступить в бой, который должен был решить, кому властвовать – Риму над Альбой или Альбе над Римом. Один из Курациев получил от сестры римских Горациев, с которой он был помолвлен, залог ее любви – плащ, который она соткала своими собственными руками. Этот плащ он должен был надеть в день их свадьбы.

Она увидела этот плащ промокшим от крови, когда ее брат, единственный, кто выжил в битве, с победой вернулся в Рим. Накинув его, он с триумфом прошел по городу. Убитая горем, она не смогла произнести ни слова поздравления; тогда он выхватил меч и пронзил ее с криком: «Отправляйся вслед за своей любовью к человеку, за которого ты собиралась замуж. Ты не думаешь ни о своих братьях, живых или мертвых, ни о своей стране! Да погибнет всякая римская женщина, которая прольет слезы по врагам Рима!»

Это убийство видели судьи, но в тот момент оно было оправданно. Кем были эти люди – человеческими существами или дикими животными? Такой вопрос задал себе грек Дионисий Галикарнасский, описывая это событие шесть веков спустя.

История гибели этрусской монархии и основания Римской республики в 510 году до н. э. связана с двумя женщинами: одной хорошей, а другой – плохой.

Царей в конце монархического периода приводили к власти женщины: сначала восхваляемая верующими, благородная Танакиль, которая добилась передачи трона своему мужу Тарквинию Приску, а потом и Сервию Туллию, своему зятю. Ее место заняла дочь Сервия Туллия.

Туллия была леди Макбет и Гонерильей в одном лице. Она организовала убийства своего мужа и сестры, чтобы выйти замуж за Луция Тарквиния Гордого, своего шурина, а потом велела ему захватить трон ее отца, царя Сервия Туллия, что и было сделано. Когда она возвращалась из Сената на Эсквилин, возница вдруг резко затормозил – перед ним лежало тело убитого царя. Туллию, однако, это не смутило: она выхватила у него вожжи и проехала прямо по трупу отца.

Так началось правление Тарквиния Гордого. Окончание его было не менее впечатляющим. Его армия осаждала Ардею, столицу богатой Рутулии, расположенную в двадцати трех милях к югу от Рима. Однажды, пьянствуя в своем шатре, сыновья Тарквиния, одним из которых был Секст

Тарквиний, а другим – его кузен Тарквиний Коллатин, побились об заклад, чья жена ведет себя в отсутствие мужа приличнее. Вскочив на коней, они помчались в Рим и, прибыв туда уже в темноте, обнаружили, что жены царевичей веселятся на пиру. До Коллатии было девять миль (по дороге в Тиволи), и, когда они прибыли туда, стояла уже глухая ночь. Однако красавица Лукреция, жена Коллатина, еще не спала – вместе со своими рабынями она сидела за ткацким станком. Коллатин выиграл пари, не зная, что тем самым приговорил жену к смерти. Ее увидел Секст.

Через несколько дней Секст явился в ее дом один – в конце концов, он был двоюродным братом ее мужа – и попросил пустить его переночевать. Когда все уснули, он вошел в спальню Лукреции и лег рядом с ней. Он овладел ею, пригрозив, что если она ему откажет, то он сначала убьет ее, а потом раба и оставит его обнаженное тело в спальне, сообщив всему миру, что, обнаружив их занимающимися любовью, наказал обоих, как они того заслуживали. На следующий день, получив от Лукреции все, чего хотел, он вернулся в военный лагерь. Опозоренная Лукреция вызвала своего мужа, отца (которому царь Рима, уходя на войну, поручил охранять город) и своих родственников по мужской линии – тот самый трибунал, который судил бы ее, если бы Секст исполнил свое обещание, – и, рассказав им свою ужасную историю, вонзила себе в грудь кинжал. Ее тело было выставлено на Римском форуме; Юний Брут страстной речью убедил жителей города изгнать царя и выбрать двух консулов (позже эти выборы стали образцом для всех последующих выборов в Риме) и создать республиканское правительство. Секст Тарквиний был убит людьми – и их, вероятно, было очень много, – которые уже давно таили на него злобу; царица Туллия бежала из Рима, «преследуемая, где бы она ни появилась, оскорблениями мужчин и женщин, которые призывали на ее голову гнев отцовских фурий».

Но даже после установления республики история, если можно употребить такое слово, повторилась, и еще одна женщина стала жертвой похоти тирана. Это была Вергиния, погибшая в 449 году до н. э. Двумя годами ранее было приостановлено действие старых законов, и римляне избрали комиссию из десяти человек (децемвиров), которая должна была принять новые законы. Но, вкусив власти, децемвиры не захотели ее терять и после переизбрания в 450 году до н. э. оставались во главе Рима безо всякого на то права до 449 года до н. э. В тот год старший председатель комиссии Аппий Клавдий остался в Риме, хотя большинство его коллег отправилось в армию, чтобы отразить нападение врагов и защитить республику. И здесь произошел еще один скандал. Он стал следствием

сексуального домогательства, не менее опасного по своим последствиям, чем то, что погубило Лукрецию. Он привел к свержению Тарквиниев и изгнанию их из Рима. Децемвиры закончили тем же, чем и цари, и потеряли власть по той же самой причине. Аппий Клавдий решил изнасиловать девственницу из простонародья.

Ей было пятнадцать лет, вполне подходящий возраст для брака, хотя она была еще школьницей. Она шла в школу, которая находилась рядом с Форумом, в сопровождении своей гувернантки (нутрикс), когда ее остановил некий М. Клавдий, слуга Аппия Клавдия, который доверил ему проверить это гнусное дельце. М. Клавдий утверждал, что она – дочь одной из его рабынь, которая еще ребенком была украдена женой Вергиния и выдана за ее родную дочь. Он притащил девочку в трибунал Аппия Клавдия, чтобы доказать свое право на нее. Благодаря вмешательству бывшего трибуна Л. Ицилия, который был помолвлен с девушкой, и П. Нумитория, ее деда (или дяди), слушание дела было отложено на день. За это время ее отец Л. Вергиний успел приехать из армии. На следующий день Аппий Клавдий возглавил суд, выслушал дело и, невзирая на представленные доказательства, заявил, что Вергиния – дочь рабыни его слуги. Он по природе был не слишком умен и к тому же испорчен безмерной властью, а его душа и плоть воспламенились от страсти к этой девочке. У Вергиния был только один способ спасти честь дочери – заколоть ее. Рядом располагалась лавка мясника, а на столе лежал нож.

Ее тело, как и тело Лукреции, было выставлено на Форуме. Матроны и девицы прибежали из своих домов, оплакивая ее судьбу: одни бросали на ее гроб цветы и гирлянды, другие – пояса и ленты, третьи – игрушки своих детей, а иные – отрезанные локоны своих волос (так эту историю изложил Дионисий Галикарнасский).

После этого начался ужас: армия восстала, плебс (во второй раз в истории Рима) ворвался на священную гору; власть децемвиров была сброшена и восстановлена республиканская конституция; Аппия Клавдия арестовали. Он умолял вновь избранных трибунов не сажать его в тюрьму, «за компанию с ворами и разбойниками», но его никто не слушал. Он покончил с собой еще до того, как его дело было передано в суд. Слуга Аппия Клавдия, из-за которого разгорелся бунт, был изгнан из Рима. «Дух Вергинии, более счастливый после смерти, чем при жизни, бродил по домам, желая убедиться, что преступление не останется безнаказанным; но теперь, когда в живых не осталось ни единого преступника, он обрел свой покой», – сообщает Ливий.

Мать Кориолана

На четвертой миле от ворот Рима, отмеченной специальным камнем, по дороге Виа Латина, в последние годы республики стоял храм, посвященный женской удаче. Службы проводились в нем два раза в год – 1 декабря и 6 июля. Их посещали женщины, которые были замужем всего один раз. В храме стояла знаменитая статуя, на возведение которой женщины собрали деньги по подписке. После освящения она чудесным образом заговорила, и дважды произнесла: «Я дам вам собственность, которую вы мне отдали, собственность, которую вы мне посвятили, дамы». Это произошло очень давно, в начале V века до н. э. А событие, в честь которого, по мнению многих людей (совершенно ошибочному, кстати), был возведен этот храм, представляло собой самое благородное и удивительное деяние, совершенное женщинами ради Рима. Оно произошло между трагедией Лукреции и трагедией Вергинии, сразу же после 490 года до н. э.

В 493 году Марций одержал свою знаменитую победу над вольсками и захватил их город Кориоли; в честь этой победы он получил прозвище Кориолан. Он был патрицием самого реакционного толка: ненавидел простых людей, презирал трибунов. Он вел себя крайне бесцеремонно и, несмотря на свою военную славу, был изгнан из Рима. Тогда он поступил на службу к врагу и во главе вражеской армии двинулся на Рим. Сил отстоять город у римлян не было. Он стал лагерем в Фосса-Клуйлии, у четвертой дорожной вехи от Рима, и ему стоило лишь подойти и взять город. Жители отправляли к нему депутации, но он либо унижал их, либо прогонял. Наконец, в его лагерь прибыло посольство от женщин во главе с Ветурией, или Волумнией (Плутарх и Шекспир считали, что это была его мать), и его женой Волумнией (по другой версии – Вергилией). Мать принялась умолять его не входить в Рим; ее призывы к патриотическим чувствам не возымели действия, тогда она стала взывать к сыновнему долгу перед матерью (которому подчинялся сам Эней). И Кориолан покорился ей и увел армию вольсков домой. Относительно того, как закончилась эта история, существуют две версии. Согласно первой, вольски, которых он обманул и лишил легкой победы, его убили (как думали Плутарх и Шекспир), а согласно другой – он жил еще долго и написал эпиграмму: «Чем старше становишься, тем тяжелее изгнание» (об этом сообщает нам Ливий).

Сенат Рима решил увековечить победу женщин и приказал воздвигнуть на месте Кориоланова лагеря храм в честь женской удачи. Это

было сделано в 487 году до н. э. или около того.

Все это, конечно, выдумки. Марций не был патрицием, он даже римлянином не был. Он был латином из Андеи, и армия, которую он возглавлял, была латинской, а не вольской. В основе договора, заключенного в час победы, лежит латинская версия о foedus Cassianum, великом договоре между латинянами и римлянами, подписанном в 493 году до н. э. Всю эту трогательную историю сочинили писатели IV века и римские историки II века до н. э., как выяснили современные ученые. Это тот самый случай, когда выдумка красочнее правды.

Жертвы и службы

В IV веке до н. э. легенды начинают уступать историческим сведениям, но женщины по-прежнему располагаются не в центре, а по краям исторической сцены.

Дебют женщины-отравительницы, весьма популярной фигуры в римских анналах (как и в хрониках других городов, древних и современных, созданных до того, как стали ясны причины желудочно-кишечных заболеваний), состоялся в 331 году до н. э. В тот год состоялся первый, зафиксированный в летописях, суд по делу об отравлении. Тогда умерло много знатных людей, а обстоятельства их смерти были столь схожими, что предположить какую-нибудь случайность невозможно. Показания дала рабыня, она же отвела судей на место, где несколько замужних женщин готовили какой-то напиток. Они уверяли, что он не только не ядовит, но, напротив, тонизирует организм. Доказать это можно было, только выпив его; пригласили двадцать женщин высокого социального положения, которые должны были проверить, правда ли это. Они выпили напиток и тут же умерли. Было арестовано и осуждено 170 женщин-отравительниц. Однако Ливий не сообщает нам, что с ними стало – казнили их или нет. Он просто рассказал эту историю, сделав при этом оговорку: «Рассказ об этом содержится не во всех исторических книгах, а только в некоторых; и я надеюсь, что все это неправда».

Позже, в 180 году до н. э., произошел еще один случай. Умер консул; выяснилось, что он был отравлен женой Хостилией, которая хотела, чтобы освободившееся место занял ее сын. В 154 году два выдающихся человека – один из них Постумий Альбин, консул – были отравлены женами. Семьи этих женщин, не теряя времени, удавили их.

Сооружение второго храма Венеры, в честь Венеры Покорной, в 295

году не обошлось без черного юмора. Было обнаружено, что несколько замужних женщин занимаются проституцией. Их оштрафовали, а вырученную сумму пустили на строительство храма.

Однако другие римские женщины посвящали себя более достойным деяниям. Существует очень интересный, хотя, по мнению некоторых ученых, не соответствующий истине рассказ о сооружении храма Венеры Лысой (Венера Кальва). Говорят, он был воздвигнут в честь римских женщин, которые остриглись налысо и отдали свои волосы для изготовления тетивы для луков, когда в 390 году до н. э. галлы осадили Капитолий. Было также несколько случаев, когда женщины отдавали государству свое золото; в первый раз это случилось в том же 390 году, когда галлы под предводительством Бренна захватили и разграбили весь Рим, пощадив лишь Капитолий. Прежде чем покинуть город, они потребовали, чтобы им заплатили выкуп в тысячу фунтов золота. Второй случай произошел во время 2-й Пунической войны в 215 году до н. э., через год после разгрома римлян под Каннами, когда Ганнибал и его армия одерживали в Италии одну победу за другой. Трибун Ц. Оппий издал указ, согласно которому женщинам разрешалось иметь лишь половину унции золота; им было запрещено носить яркие одежды, и все они, за исключением жриц, направлявшихся к месту своей религиозной службы, лишились права ездить по улицам Рима в повозках. Эту привилегию, как считают историки, они получили в благодарность за свой вклад в сбор выкупа в 390 году до н. э.

В годы 2-й Пунической войны, когда погибло много народу, женщины страдали молча. Однако некоторых эта война сделала знаменитыми. В начале и в конце ее, если верить Плинию Старшему, в Риме жили две самые добродетельные женщины во всей истории этого государства. Первую звали Сульпиция: она была женой Фульвия Флакка, который четыре раза занимал пост консула. В соответствии с указаниями Сивилловых книг, ей было поручено освятить статую Венеры. В годы той войны, которая, казалось, никогда не кончится, люди в поисках помощи и совета частенько обращались к Сивилловым книгам. В 205 году до н. э., когда уже многие поверили в скорое наступление мира, книги сообщили, что Ганнибала удастся изгнать из Италии только после того, как из Пессина во Фригии будет принесена статуя Великой Матери. Обратились за советом в Дельфы; царь Пергамона, расположенного в Малой Азии, оказал римлянам помощь, и 4 апреля 204 года до н. э. по морю прибыла статуя этой богини, высеченная из черного камня. Этот день потом ежегодно отмечался большими состязаниями, которые получили название

мегаленсия. Статую богини перенес на берег молодой П. Сципион Насик, которого в Риме считали человеком исключительных моральных качеств. После этого матроны доставили ее в Рим и установили в храме Победы на Палатине. Так рассказывает Ливий. Однако Ливий хорошо знал, что у этой истории есть другая версия, на ней особенно настаивали поэты и семья Клавдиев. Корабль, который привез статую богини, сел в устье Тибра на мель, и никто не мог снять его оттуда. Тогда из толпы вышла Клавдия Квинта, замужняя женщина, а вовсе не девственница-весталка, и громко заявила, что корабль последует за ней, если она действительно целомудренна (о Клавдии ходили нелесные слухи). Корабль двинулся вверх по Тибру, и эти слухи были развеяны. Когда в 191 году до н. э. на Палатине был освящен храм этой богини, при входе установили статую Клавдии; утверждали, что она, как и сама богиня, умеет творить чудеса. И вправду, храм дважды сжигали, но на статуе не появилось ни единого пятнышка.

О путешествии богини вверх по Тибру сэр Джон Фрейзер писал: «Людам, конечно, больше нравится легенда о чуде... но мы должны признать, что рассказ Ливия гораздо ближе к истине». Как это ни печально, следует с этим согласиться.

Нравственный упадок в послевоенные годы

Начиная с 200 года до н. э. ход событий фиксировали римские историки того времени, работы которых до нас не дошли. Но они были доступны Ливию и другим авторам, по книгам которых мы теперь и изучаем историю Рима. По крайней мере, мы ступили на твердую почву, или надеемся, что ступили.

Среди историков, живших в середине II века до н. э., чьи работы до нас не дошли, был Катон Старший, очень самоуверенный и грубый человек, живое воплощение суровой морали. По его мнению и по мнению других римских историков, это была эпоха невиданного падения нравов. Они расходились лишь в одном: в какое время началось это падение. Одни считали, что его породило ослабление общества, которое наступило после разгрома Ганнибала в 202 году до н. э. и окончания тяжелой 2-й Пунической войны. Другие полагали, что критическим моментом стал разгром Македонии в 3-й Македонской войне, когда в 168 году до н. э. произошла битва при Пидне и армии-победительницы, вернувшись в римскую Италию, заразили ее жителей любовью к искусству и роскоши, которая царилла в грекоговорящем мире. Другим казалось, что моральный

упадок начался в 146 году до н. э., когда Карфаген был полностью разрушен и у Рима в средиземноморском мире больше не осталось соперника, власти и могущества которого можно было бы опасаться.

Главным симптомом упадка нравов стала прогрессирующая эмансипация женщин и рост их самосознания. В 195 году до н. э. сенат отменил закон Оппия, принятый двадцать лет назад в условиях военного времени, который привел к тому, что женщины и те, кто разделял их взгляды, лишились благоразумия. Дошло до того, что женщины стали вести себя, как суфражистки XX века (борцы за права женщин. – *Пер.*). Во время дебатов в сенате они устраивали на улицах демонстрации. Одного этого было достаточно, чтобы убедить несговорчивого Катона, который был в тот год консулом, занять жесткую позицию. Именно он однажды произнес с горечью: «Все мужчины управляют своими женами, мы управляем мужчинами, а кто же управляет нами? Наши жены!» Ливий приводит текст длинной и помпезной речи, которую произнес Катон.

В свою «Историю» («Происхождение») Катон включил и описание собственной карьеры. Кроме того, нам известно, он вставил в эту книгу и тексты своих речей, так что если историки, на основе трудов которых Ливий писал свою книгу, использовали «Историю» Катона, то можно надеяться, что у Ливия мы читаем речь, которую тот действительно произнес в 195 году в сенате. Историки, которым можно доверять, полагают, что это действительно так. Тем не менее существует мнение, будто это не подлинная речь, а придуманная, и автор ее либо сам Ливий, либо историк (вероятно, Валерий Антиас), труд которого тот использовал. Во всяком случае, если это и выдумка, то очень хорошая. Таковую речь не постеснялся бы произнести и сам Катон, а с некоторыми изменениями и многие викторианцы.

«Если бы всякий женатый мужчина заботился о том, чтобы его собственная жена смотрела на него с почтением и уважала бы его, мы не имели бы и половины тех проблем, которые создают нам женщины. Вместо этого женщины приобрели столько власти, что мы лишились свободы в своих собственных домах, а теперь нас уже топчут и унижают публично. Нам не удалось усмирить их по отдельности, и теперь они объединились, чтобы ввергнуть нас в панику... Несколько минут назад я, сгорая со стыда, пробирался через целый полк женщин, чтобы оказаться здесь. Мое уважение к положению и скромности каждой женщины в отдельности, уважение, которого я не чувствую, когда они собираются толпой, не позволяло мне, как консулу, сделать что-нибудь, что допускало бы применение силы. Мне надо было бы сказать им: «Чего вы хотите

добиться, бегая по улицам, чего прежде никогда не бывало, мешая движению и крича на мужчин, которые не являются вашими мужьями? Неужели вы не могли задать свои вопросы дома, и задать их своим мужьям? Или вы думаете, что на публике вас выслушают внимательнее, чем дома, что мужья других женщин воспримут ваши слова скорее, чем ваши собственные мужья? И дома, если женщины достаточно скромны, чтобы ограничить свои интересы тем, что их касается, они ни в коем случае не должны проявлять интерес к тому, какие законы были приняты в этом доме, а какие – отклонены...

Женщина – это дикое и неконтролируемое животное, и не стоит отдавать ей в руки вожжи, думая, что она не собьется с пути. Нет, вы должны крепко держать бразды правления в своих собственных руках, иначе обнаружите, что это дело совсем незначительное, по сравнению с другими ограничениями, налагаемыми на женщин обычаями или законами, которые женщины презирают и ненавидят. Они хотят одного – полной свободы или, если говорить прямо, полной вседозволенности. Уж если они задумали решить нынешнюю проблему бунтом, то что они сделают в следующий раз? вспомните, сколько запретов было введено в прошлом, чтобы ограничить их вседозволенность и подчинить их своим мужьям. И несмотря на эти запреты, вам с трудом удастся их контролировать. Предположим, вы позволите им приобрести возможность выбивать из вас одно право за другим и в конце концов добиться полного равенства с мужчинами, так неужели вы думаете, что сможете все это терпеть? Чепуха! Добившись равенства, женщины станут вашими господами...

Я не вижу ни смысла, ни прока в некоторых их жалобах. Вероятно, некоторым женщинам кажется вполне естественным злиться и стыдиться, если им не позволяют обладать тем, чем владеет другая женщина; однако сейчас, когда ограничения в одежде применяются повсеместно, стоит ли женщинам бояться, что на них будут с презрением указывать пальцем? Жить экономно или в бедности – это последнее, чего следует стыдиться; но, благодаря закону, вам не требуется стыдиться ни того ни другого. Чего у вас нет, вам не позволено иметь по закону. Конечно, богатые женщины презирают такое равенство. Почему, спрашивают они, мы не можем стать привлекательными для всех, облачившись в пурпур и золото? Почему другие женщины, которые не могут себе позволить подобной роскоши и защищены этим законом, думают, что они тоже так бы оделись, если бы им позволял закон? Я спрашиваю вас – вы что, хотите, чтобы началось соперничество в одежде? Богатые женщины хотят носить платья, которые никто в мире не может себе позволить, бедные женщины тратят больше

того, что имеют, потому что иначе на них будут смотреть с презрением? Если вы ощущаете стыд безо всякой причины, то вам уже не будет стыдно тогда, когда это нужно. Если женщина может себе что-нибудь позволить, она это купит; если нет, то обратится к своему мужу за деньгами. И жалок тот бедный муж, который уступает своей жене, и тот, который не уступает. Если он не найдет денег, их найдет другой...»

Речь, которую произнес трибун Л. Валерий, защищавший противоположную точку зрения, была не менее пылкой:

«В то время когда все наслаждаются возрождением всеобщего процветания, наши жены, похоже, не получают никаких выгод от восстановления мирной жизни. Мужчины конечно же будут носить пурпурные тоги, если они служат судьями или жрецами; это же касается и наших сыновей; это же касается и важных персон в провинциальных городах и здесь в Риме, даже чиновников на местах, которые, в конце концов, не относятся к сливкам общества. На это мы не имеем никаких возражений, и не только во время их жизни, но и после смерти, когда их сожгут в пурпурных одеждах. Но женщинам, видите ли, носить пурпурные одежды запрещено. Если вы мужчина, то вам позволено покрывать свое седло пурпуром; женщине же, которая занимается вашим домашним хозяйством, надевать пурпурное платье запрещено; таким образом, ваша лошадь будет экипирована лучше, чем ваша жена.

Однако, когда пурпур изнашивается, его выбрасывают, и здесь я вижу кое-какое основание, хотя и несправедливое, для вашего упрямства. Но что вы скажете о золоте? Вам, может быть, придется заплатить златокузнецу за его работу, но золото само по себе никогда не потеряет своей ценности. И для частного человека, и для государства, как показали недавние события, это полезная форма вложения капитала.

Но если принять за истину следующий аргумент Катона, в государстве, где никто не владеет золотом, между женщинами не может возникнуть ревнивого соперничества. А что же мы наблюдаем сейчас, когда все без исключения женщины чувствуют себя обиженными и злятся? Они смотрят на жен наших латинских союзников, и что же они видят? Этим женщинам разрешено носить украшения, которые запрещены римским женщинам; эти женщины поражают нас красотой в своих золотых и пурпурных облачениях; эти женщины ездят по улицам Рима, а нашим приходится ходить, словно это не римляне, а наши латинские союзники правят империей. Это и мужчинам покажется странным. Что же тогда говорить о женщинах, которых может расстроить любой пустяк? Женщины не могут занимать посты жрецов и судий, праздновать триумфы и

приобретать украшения или подарки или трофеи войны. Элегантность, ювелирные украшения и красоту – вот что ценят женщины; все это составляет то, что прежние поколения называли «женским туалетом». От чего приходится отказываться женщинам во время траура? От пурпура и золота. А когда время траура заканчивается, именно это они и надевают. Как они отмечают праздники и святые дни? Меняя одежду и облачаясь по этому случаю в самые лучшие свои наряды.

Перехожу к следующему аргументу Катона: если вы отмените закон Оппия, то никогда уже больше не сможете наложить ни одного ограничения, которое теперь накладывает этот закон; и обнаружите, что уже больше не можете контролировать своих дочерей, своих жен и даже сестер. Независимость, которую они приобретут, потеряв своих родителей или овдовев, – это то, от чего они умоляют их избавить. Что касается их внешнего вида, то они скорее согласятся с вашими требованиями, чем с требованиями закона. А вы, со своей стороны, не должны превращать своих женщин в рабынь и называть себя их господами; вы должны заботиться о них и защищать их; о вас должны говорить, как об их отцах или мужьях».

Хорошо это или плохо, но победил либеральный взгляд. Валерий Максим, живший более двух веков спустя, в эпоху императора Тиберия, считал, что это были черные времена в истории Рима. «Окончание Второй Пунической войны... поощряло более скудный образ жизни. Замужние женщины не побоялись запереть трибунов М. и П. Юниев Брутов в их домах, поскольку те собирались наложить вето на отмену закона Оппия... Им удалось одержать победу, и закон, действовавший в течение 20 лет, был аннулирован. Это произошло потому, что мужчины того времени не представляли, до каких крайностей может довести женщин их непреодолимая страсть к обновлению одежды или до чего дойдет их развязность после того, как они начнут добиваться отмены неудобных им законов. Если бы они могли предвидеть, во что превратится погоня за модой, когда ни дня не сможет пройти без изобретения какого-нибудь нового дорогого платья, они задавили бы эти экстравагантные стремления в самом зародыше. Но почему мы говорим только о женщинах? Лишенные интеллектуальных способностей и возможности развивать более серьезные интересы, они, естественным образом, сосредоточили свое внимание на том, чтобы их внешность производила все более потрясающее впечатление. А что же мужчины?..»

Вакхический скандал

Спустя девять лет: 186 год до н. э.

П. Эбутий, отец которого служил в кавалерии и погиб во время войны, имел опекуна. После его смерти воспитанием Эбутия занялись его мать Дурония и ее второй муж Т. Семпроний Рутил, в которого она была безумно влюблена. Не желая представить отчет о том, как управлял собственностью пасынка, Рутил столкнулся с выбором – либо убить его, либо полностью подчинить своей власти. Одним из способов было развратить юношу во время вакханалии. Поэтому Дурония послала за сыном и сообщила ему, что, когда он болел, она пообещала, в случае его выздоровления, приобщить его к вакхическому культу. Ее молитвы были услышаны, и она решила выполнить свое обещание. Он должен провести десять дней в полном воздержании, потом пообедать и, после исполнения ритуала, войти в храм Вакха.

В их городе жила девушка, которая когда-то была рабыней, по имени Гиспала Феценция, по натуре своей слишком добродетельная, чтобы заниматься своей профессией. Она была знаменитой куртизанкой – ее принудили к этому, когда она была еще рабыней. Получив свободу, Гиспала не стала менять свой образ жизни. Она жила неподалеку от молодого Эбутия и была его любовницей, но не слишком дорогой, так что не наносила вреда ни его кошельку, ни репутации. Гиспала была искренне привязана к Эбутию, а поскольку родители не оставили ему никаких средств к существованию, то он жил на ее средства. Женщина любила его так сильно, что, когда ее покровитель умер и она обрела независимость, решила обратиться к властям с просьбой дать ей наставника и составила завещание, назвав своим единственным наследником Эбутия. Их любовь была так сильна, что они не имели секретов друг от друга; и юноша с улыбкой сообщил ей, что пусть не удивляется, если не увидит его несколько ночей, поскольку, по религиозным соображениям, он хочет быть инициированным в культ Вакха, во исполнение обета, данного во время его болезни.

– Боже сохрани! – в ужасе воскликнула Гиспала. – Уж лучше нам с тобой умереть. Пусть проклятия и гибель падут на голову того, кто убедил тебя сделать это!

– Прибереги свои проклятия для кого-нибудь другого, – урезонил ее Эбутий в ответ. – Мне велела сделать это моя собственная мать, а отчим ее поддержал.

Он не мог понять, почему Феценция восприняла сообщенную ей новость с таким негодованием.

Тогда она сказала:

– Я не имею права осуждать твою мать; но скажу вот что: твой отчим хочет во что бы то ни стало погубить твою душу, твою репутацию, твои надежды и саму твою жизнь.

Эбутий еще больше удивился, а когда спросил ее, в чем дело, она стала умолять богов простить ее за то, что, побуждаемая горячей любовью, она вынуждена рассказать ему то, о чем говорить нельзя. Будучи рабыней, она должна была сопровождать свою госпожу в храм Вакха, но, когда стала отпущенницей, ее нога туда больше не ступала. Она знала, что это пристанище разврата и что в течение двух лет Вакху не было посвящено ни одного человека старше двадцати лет. Вначале, словно священную жертву, человека передают жрецам, которые отводят его туда, где ужасающий шум, рев, заклинания, грохот цимбал и барабанов заглушают его крики, когда его насильно совращают. Гиспала отказывалась отпустить его домой, пока не добилась обещания, что он откажется от мысли подвергнуться этой процедуре.

Эбутий вернулся домой. Мать объяснила ему, какой ритуал он должен исполнить в этот день и все последующие; тогда в присутствии отчима он заявил: «Я отказываюсь это делать. Я не хочу проходить ритуал посвящения Вакху». Услышав это, мать воскликнула: «Я знаю, в чем причина! Ты не можешь и десяти дней прожить без своей Гиспалы! Эта грязная сучка подчинила тебя, ты потерял уважение к матери и отчиму, и даже к богам!» Утратив над собой контроль, мать и отчим с помощью четырех рабов выставили юношу из дома, и он отправился к своей тетушке Эбутии, объяснил ей, почему его выгнали, и, по ее совету, на следующий день рассказал свою историю консулу Постулию, закрывшись с ним наедине. Консул велел ему через два дня явиться к нему домой.

Консул отправился к своей теще, Сульпиции, которую все очень уважали, и спросил ее, знает ли она старую женщину по имени Эбутия, которая живет на Авентине. Сульпиция ответила, что хорошо знает эту старомодную даму, которая славится редким здравомыслием. Постулий сказал, что хочет с ней поговорить, и попросил Сульпицию послать за ней кого-нибудь из слуг. Эбутия вскоре пришла, и в разговоре консул, якобы случайно, упомянул имя ее племянника. Услышав это, Эбутия разразилась слезами и с огорчением рассказала о несчастьях, постигших молодого человека, – он был лишен всех своих владений теми, кто должен был больше других заботиться о нем, выгнан из дому своей матерью и живет

теперь с ней, и все потому, что он добродетельный молодой человек. Да простит ее Господь за то, что она рассказывает об этом, но он отказался быть посвященным в культ, который, если верить молве, крайне непристоен.

Выслушав ее рассказ, консул понял, что Эбутию можно доверять. Он попрощался с пожилой женщиной и попросил свою тещу, не теряя времени, послать на Авентин и привести в его дом освобожденную рабыню Гиспалу, которую, очевидно, хорошо знают соседи, поскольку он хочет задать ей несколько вопросов. Узнав, что, по непонятной причине, ее вызывают в дом столь достойной и уважаемой дамы, Гиспала испугалась. Прибыв туда и увидев в зале консула и его слуг, она упала в обморок. Ее отнесли в отдаленную комнату, и консул стал расспрашивать ее в присутствии своей тещи. Он заверил Гиспалу, что если она расскажет ему правду, то может рассчитывать на слово Сульпиции и его собственное, что никто не причинит ей вреда. Все, что ему от нее нужно, – это узнать, что происходит во время вакханалий в пещере Семела после наступления темноты.

После этих слов Гиспала поежилась от страха и едва нашла силы заговорить: «Когда меня посвятили вместе с хозяйкой, я была еще девочкой. И в течение нескольких лет, после своего освобождения, не знала, что там происходит». Консул похвалил ее за то, что она призналась в причастности к культу Вакха, и стал убеждать рассказать ему все. Когда она заявила: «Я сообщила вам все, что знаю», пригрозил, что если им придется подвергнуть ее допросу, чтобы узнать всю правду, то к ней уже будут относиться совсем по-другому. Ей лучше во всем признаться сейчас, так как один человек уже сообщил им то, что рассказала она.

Догадавшись, что ее секрет выдал Эбутий, она упала к ногам Сульпиции и стала умолять не принимать слова, сказанные бывшей рабыней своему любовнику, всерьез и не доводить дело до смертной казни. Она и вправду ничего не знает и завела с Эбутием речь о культе только для того, чтобы напугать его.

Тут Постулий потерял терпение и заявил: «Ты, по-видимому, думаешь, что сумела одурачить своего любовника, но забыла, что находишься в доме уважаемой дамы и в присутствии консула». Но Сульпиция подняла обезумевшую от страха девушку и стала ее успокаивать; одновременно она утешила и своего зятя. Когда Гиспала вновь обрела уверенность в себе, она принялась проклинать Эбутия за то, что он так жестоко отплатил за ее великодушие. Еще она сказала, что если раскроет тайны ритуалов, то на нее обрушится гнев богов, а еще сильнее рассердятся поклонники

вакхического культа, которые, узнав о предательстве, разорвут ее на части. Она умоляла Сульпицию и консула тайно вывезти ее из Италии в такое место, где она сможет прожить остаток своих дней в безопасности. Консул заверил ее, что лично проследит, чтобы ее жизни в Риме ничто не угрожало.

После этого Гиспала рассказала о происхождении ритуалов. Сначала это был женский храм, куда мужчин не допускали. В году отмечали три праздника, во время которых при свете дня исполнялись вакхические ритуалы, а роль жриц по очереди исполняли замужние женщины. Однако жрица из Калиганьи по имени Пакулла Анния заявила, что ей якобы явился бог и потребовал все изменить. Она первая посвятила в этот культ мужчин: своих сыновей, Миния и Херенния Церриниев; она же изменила и время проведения церемонии. Теперь она начиналась после наступления темноты; Пакулла также увеличила число церемониальных дней – с трех в год до пяти в месяц. После того как мужчины стали отправлять культ бок о бок с женщинами, предаваясь разврату под покровом темноты, начали твориться безобразия и преступления. В ритуалах стали преобладать извращения. Отказ мужчин от этих греховных практик означал смерть. Поклонники культа Вакха не признают никаких моральных ограничений, и это составляет самую суть их религии. Мужчины вели себя словно одержимые: их члены им не подчинялись, они несли всякую чушь; замужние женщины одевались вакханками, распускали волосы, бегали на берег Тибра, опускали в воду горящие факелы, и они там не гасли (поскольку их обмазывали серой, смешанной с известью). Мужчин привязывали к механизму, который затаскивал их в глубокие пещеры; им объясняли, что их утащили боги; это были мужчины, которые отказывались принимать участие в заговоре, преступлении или разврате. Число участников было огромным, почти половина всего населения; среди них были мужчины и женщины самых знатных фамилий. Два года назад они установили правило – принимать только юношей и девушек не старше двадцати лет, поскольку молодых людей легче всего развратить и испортить.

Таков был ее рассказ, и, закончив его, она снова упала на колени и стала умолять отправить ее в безопасное место. Однако консул спросил свою тещу, может ли она отдать часть своего дома, чтобы там поселилась Гиспала. Теща согласилась, и в распоряжение бывшей рабыни были предоставлены комнаты наверху. Вход на внешние лестницы был перекрыт, и в ее комнаты можно было пройти только изнутри. В дом перенесли вещи Гиспалы и перевели ее слуг. Эбутию было велено поселиться в доме одного

из помощников консула.

Это был первый крупный религиозный скандал в истории Рима; как и во всех последующих скандалах, женщины сыграли в нем не последнюю роль.

Политические оппоненты Сципиона, одним из которых был Катон, а также Фламиния (который разбил Филиппа Македонского во 2-й Македонской войне и «освободил» Грецию в 196 г. до н. э.) считали увлечение греческой культурой опасным для Рима. Из нашего рассказа о вакхическом культе хорошо видно, какое разлагающее влияние оказывала на Рим религия, пришедшая из Греции. Твердолобые моралисты вроде Катона это предвидели; греческие культы воздействовали на эмоции людей и превращались в оргии. Они подразумевали такие действия, которые, по представлениям римлян, были несовместимы с религией. Не успел закрепиться в Риме культ Большой матери (Цибелы), и было сделано все, чтобы публичные празднования в ее честь, получившие название Мегаленсий, проходили строго в римских традициях, а римским мужчинам было запрещено превращаться в кастрированных жрецов этой богини, носивших огромное количество украшений, как прозвенел второй тревожный звонок. Можно себе представить, какую гневную речь произнес Катон; к сожалению, до нас не дошло ни единого слова из этой речи.

Консулу и соответствующим судьям были даны указания немедленно изловить поклонников вакхического культа, и, если суд признает их виновными в преступных действиях, для которых этот культ, по мнению властей, служил прикрытием, то и казнить. Это заняло много времени, поскольку культ Вакха укоренился уже во многих итальянских городах. Эти тревожные известия были сообщены народу консулом во время публичного собрания.

Утверждение, что в «заговоре» принимало участие семь тысяч человек, несомненное преувеличение римских хронистов, которые всегда любили большие числа. Мужчин, признанных виновными, предавали смерти целыми группами; женщин для казни передавали в руки их родственников. И когда с первым кризисом было покончено, сенат 7 октября принял законы, запрещающие в будущем отправлять вакхический культ без разрешения городского претора (которое утверждалось сенатом при наличии кворума). При этом разрешалось собираться в одном месте более чем пяти поклонникам (трем женщинам и двум мужчинам). Экземпляры с текстом этого закона были официально разосланы по всем землям Италии, которым вежливо предлагалось (по конституции им нельзя было приказывать) соблюдать его.

На юге Италии, где-то между Никастро и Катанцаро, в 1640 году была найдена бронзовая табличка с отчеканенным на ней текстом этого закона. Благодаря ей мы и узнали, какого числа сенат принял это постановление, что бывает крайне редко.

А что же Эбутий и Гиспала Феценция? Ливий пишет, что П. Эбутий, по решению сената, получил 100 000 сестерциев и был освобожден от военной службы, и Феценция тоже получила 100 000 сестерциев, а также все права, которыми пользовались в Риме свободные женщины. Теперь она могла выйти замуж за самого знатного аристократа.

Однако историки, как серьезные люди, не очень-то в это верят. Это не исторический факт, а выдумка, говорят они. Образ великодушной проститутки взят из пьесы греческого комедиографа Менандра. Если же это выдумка, то не очень удачная – развитие действия доведено до кульминации, но кульминации-то и нет! Почему Эбутий и Феценция не поженились и не зажили счастливо?

Между тем найденная бронзовая табличка с текстом свидетельствует о том, что Ливий абсолютно точно отметил по крайней мере два постановления сената, поэтому отрицать достоверность его информации о приказе, согласно которому оба информанта получили в награду деньги, – значит намеренно исказить истину. Поэтому придется все-таки признать, что основная заслуга в раскрытии «заговора» принадлежит юноше призывного возраста по имени Эбутий и бывшей рабыне, молодой девушке, мечтавшей о браке, по имени Гиспала Феценция. Это имя очень редкое и нигде больше не встречается, что только подтверждает нашу правоту.

В сложные для Рима дни нередко случалось так, что всю необходимую информацию власти Рима получали от рабынь и проституток. В 63 году до н. э. падшая женщина по имени Фульвия по своей собственной инициативе пришла к консулу М. Туллию Цицерону и сообщила ему сведения, которые помогли раскрыть заговор Катилины.

Рассказ Ливия о вакхическом «заговоре» частично объясняет, как был раскрыт более поздний «заговор» Катилины. Обратим внимание на то, что, хотя преступления поклонников Вакха, по словам Феценции, касались лишь узкого круга сексуальных извращений, перечень уголовных преступлений, за которые консул велел казнить людей, включает в себя все то, к чему призывал молодых людей своего круга Катилина: разврат, убийства, лжесвидетельство, подделка подписей и завещаний.

Однако у нас нет никаких причин не доверять рассказу Ливия о Эбутии и Феценции, если, конечно, мы не будем изучать историю, искренне

полагая, что все романтическое в ней – чистая выдумка.

Благородные женщины

Впрочем, самые выдающиеся женщины в истории республики избегали славы, и их имена в книги не попали. Это были представительницы очень узкого круга аристократических семей – патрицианки и плебейки, чьи мужчины в течение нескольких веков правили Римом. Их браки скрепляли политические союзы великих фамилий.

Лучшие из таких женщин, например Корнелия, давали своим детям отличное воспитание. Они без жалоб переносили трудности, как Папирия, первая жена великого Эмилия Паулла, с которой он развелся и которая жила в полной нищете, пока один из ее сыновей Сципион Эмилиан^[4] не унаследовал от своей тети гигантское богатство (он был к тому же ее приемным внуком). Эта матрона была вдовой старшего Африкануса; она отдала Папирии все свои драгоценности и украшения, все те экстравагантные вещи, на которые тратила свои деньги.

Естественно, среди них были и неприятные особы. Жила в Риме знаменитая Клавдия, дочь великого Аппия Клавдия, который в 312 году до н. э. занимал пост цензора. Ее брат потерпел в 249 году до н. э., во время 1-й Пунической войны, поражение в морской битве при Дрепане, потеряв при этом весь свой флот. Три года спустя, после спортивных игр, она попала в давку, и люди слышали, как она произнесла: «Что было бы, если бы эта толпа состояла из людей, утонувших на корабле моего брата? Как бы мне хотелось, чтобы этих людей погрузили на корабли, а великолепный адмирал, мой брат, воскрес из мертвых и всех их утопил!» Такое высокомерное отношение к людям было характерно для всей семьи Клавдиев; однако эдилы, которым были переданы ее слова, невзирая на традиции этой семьи, наложили на нее огромный штраф.

Все Клавдии, мужчины и женщины, жили по своим собственным законам. Сто лет спустя Ап. Клавдий Пульхер, бывший в 413 году до н. э. консулом, тесть трибуна Тиберия Гракха, спровоцировал войну с Салассией, в районе Валле-д'Аосты, и, потеряв семь тысяч солдат, ухитрился во втором сражении убить, как он заявлял, пять тысяч вражеских бойцов. За эту победу он стал добиваться права отпраздновать в Риме свой триумф; однако сенат ответил отказом. Невзирая на это, он решил провести триумф за свой счет. Его вторая дочь, Клавдия, была весталкой; узнав, что

трибун решил вмешаться и наложить на проведение триумфа вето, она бросилась в объятия отца и, вцепившись в него, проехала в колеснице в триумфальной процессии. Благодаря ее священной защите, никто из коллегии трибунов не смог помешать им. Из всех римских триумфов этот, проведенный благодаря наглости Клавдиев, был единственным.

Самой невыносимой из всех женщин-аристократок была жена консула, жившего во II веке до н. э. К счастью, ее имя никто не отметил. О ее бесцеремонной выходке рассказал в сенате Гай Гракх. Путешествуя со своим мужем, она приехала в Теанум Сидицидум в Кампанье и решила искупаться в мужских общественных банях. Главному судье города было поручено удалить оттуда всех мужчин; но на это потребовалось время, и до ее приезда бани убрать не успели. Она пожаловалась мужу, и главный судья был привязан к позорному столбу, раздет и подвергнут публичной порке.

Глава 2. Освобождение женщин

Римские женщины никогда не жили в отдельной половине, как в Греции. Жена была в доме хозяйкой и делила с мужем ответственность за соблюдение требований культа всеми членами семьи. Если она была своему мужу любящей и послушной спутницей, а также хорошей домохозяйкой и внимательной матерью, то, по представлению римлян, как и английских викторианцев, жила полной и насыщенной жизнью. У нее не было никаких прав. В семье своих родителей она полностью подчинялась отцу; а выйдя замуж – своему мужу, и была его полной собственностью, как и его дочь. Женщины были довольны таким положением вещей, как уверяют нас Катон Старший и подобные ему авторы.

Однако это не полностью соответствует действительности. Об этом говорит тот факт, что к III веку до н. э. старые формы брака и требование полного подчинения жены мужу начали уступать место свободному браку, в котором женщина оставалась во власти своего отца, а по достижении двадцати пяти лет подчинялась лишь формальной опеке своего наставника. Она уже имела собственность и могла без особых проблем освободиться от мужа, оформив развод. О том периоде, когда произошли столь разительные перемены, мы не знаем практически ничего. В последние пятьдесят лет существования республики, о которых у нас имеется множество свидетельств, в развращенном римском обществе появились женщины новой формации. Их интересы лежали за пределами дома. Они часто становились центром общественного скандала. У них было только одно желание – бежать из дома в мир культурной и умной богемы. Или жить вместе со своим мужем и сыном их общественными интересами и помогать им в продвижении по карьерной лестнице.

В то же самое время – если не считать большей независимости, которую женщины приобрели в системе свободного брака, – большинство замужних женщин, даже из высших классов, вероятно, были довольны – или их заставили быть довольными – обязанностями и делами домашней жизни. Такое положение сохранялось в провинциальных городах Италии; но и в Риме многие женщины, чьи мужья играли выдающуюся роль в политике, по-прежнему хранили верность вековым традициям. До нас дошло более девяти сотен писем Цицерона, из них двадцать четыре было написано его жене Теренции, и в них мы не находим даже намека на то, что она разделяла его литературные или политические взгляды; очевидно, она

считала его эгоистом и мирилась с этим, и до тех пор, пока у него не появилась навязчивая идея о том, что она крадет у него деньги, и он с ней не развелся, Теренция вела хозяйство в его доме. Ее ворчливая свояченица, строптивая жена строптивного мужа (брата Цицерона по имени Квинт), носилась со своими проблемами или, что случалось гораздо чаще, навешивала их на других людей, что ужасно всех раздражало. И при этом их брак продолжался более двадцати лет, пока не закончился разводом.

Греческого историка Полибия, жившего в Риме в середине II века до н. э., среди всех помпезных формальностей общественной жизни этого города больше всего поражали церемонии похорон государственных мужей, во время которых по улицам шли люди в посмертных масках его выдающихся предков, и речи над его гробом, в которых восхвалялись достижения этого мужа во благо общества. Вероятно, он очень удивился бы, если бы узнал, что через пятьдесят лет и женщины, после их смерти, будут удостаиваться подобных почестей! Первая публичная речь в честь усопшей женщины была произнесена в 102 году до н. э. Ее произнес консул Катулл в честь своей матери Попилии. После этого, в последние годы существования республики, посмертного чествования удостоилось еще несколько выдающихся женщин. Самая знаменитая речь была произнесена в честь Юлии, вдовы Мария, ее племянником Юлием Цезарем в 68 году до н. э. Он начал так: «Моя тетка Юлия по материнской линии была наследницей царей, а по отцовской – богов. Ее матерью была Марция, а цари из рода Марциев были потомками Анка Марсия; наша семья Юлиев ведет свое происхождение от Венеры. Поэтому она сочетала в себе безупречность царей и святость богов, которые даровали своим слугам царей».

В 54 году до н. э., когда умерла мать Цезаря, его в Риме не было – он в это время завоевывал Британию, но, будь он дома, вне всякого сомнения, произнес бы еще более помпезную речь в ее честь. Цезарь потерял отца в совсем юном возрасте; мать дала ему прекрасное воспитание и образование и помогала в ту пору, когда он закладывал основы своей карьеры.

Женщины голубых кровей всегда играли значительную роль в политике Рима; их браки (организованные, разумеется, родителями) помогали скреплять влиятельные союзы аристократических семейств. В III и II веках до н. э. эти союзы лежали в самой основе римской политики и дипломатии. Такими были браки великого П. Сципиона Африканского, победителя Ганнибала, с Эмилией, сестрой Л. Эмилия Паулла, который в

182 и 168 годах до н. э. был консулом и выиграл 3-ю Македонскую войну, а также его дочери Корнелии и Тиберия Семпрония Гракха, в семье которых родились два революционных трибуна: Тиберий и Гай Гракхи. Женитьбы были средством, с помощью которого политические династии гбнущей республики пытались удержать свою власть. Цезарь мог бы стать одним из «молодых людей Суллы», если бы пожелал развестись с дочерью Цинны и вступить в другой брак. Когда Цезарь, Помпей и Красс заключили в 60 году до н. э. политический союз, Сервилию Кепию^[5] было отказано в руке дочери Цезаря Юлии, с которой он был помолвлен, поскольку она должна выйти замуж за Помпея. Юлия умерла в 54 году до н. э., но Помпей отказался вступить в брак с девушкой из семьи Цезарей и, в знак смены своих политических пристрастий, женился на Корнелии, отец которой, Метелл Сципион, стал в 52 году до н. э. вместе с ним консулом Рима.

В последние годы республики женщинам стала свойственна самонадеянность – очень часто, хотя и не всегда, весьма вульгарного толка. Эту самонадеянность они демонстрировали после вступления в брак. Самым ярким примером может служить Семпрония, жена консула, занимавшего пост в 77 году до н. э., несмотря на ее благородное происхождение и хорошее воспитание. Если верить Саллюсту, в 63 году до н. э. она участвовала в заговоре Катилины, целью которого было свержение правительства. Вот как описывает ее Саллюст:

«В добавление к мужчинам разного рода, Катилина, как говорят, привлек в это время некоторое число женщин, которые, чтобы удовлетворить свою удивительную страсть ко всему необычному, сначала продавали свою благосклонность; но теперь, когда эта страсть так и осталась неудовлетворенной, они состарились и не могли больше ее себе позволить и поэтому залезли в большие долги. Катилина верил, что их можно использовать для того, чтобы подбить рабов в Риме на восстание, поджечь город и вовлечь в заговор их мужей.

В число этих женщин входила и Семпрония, многочисленные преступления которой потрясли бы даже закоренелого преступника.

Хорошего происхождения, красивая, имевшая своих собственных детей, эта женщина не имела причин жаловаться на жизнь. Она хорошо знала греческую, а также латинскую литературу; ее пение и танцы были слишком профессиональны для благородной женщины, и она имела много других достоинств, которые помогали ей рассеяться.

Однако самоограничение и целомудрие ничего для нее не значили; трудно сказать, что она проматывала быстрее – деньги или репутацию. Еще до этого она часто не держала слова, лгала, чтобы не платить долгов, даже

была пособницей убийц; и, не имея больше денег для оплаты своих причуд, полностью отдалась пороку. А ведь она была не глупа: писала стихи; была веселой; умела вести беседу (на языке ли гостинной или борделя), блистала остроумием и очарованием».

Сам Саллюст, похожий на злодея, который неожиданно увидел свет и совершенно преобразился, был буквально помешан на вопросах нравственности; однако это требует пояснения. Он утверждал, что в Риме существует общество высококлассных проституток-неудачниц (замужних дам), потерявших к тому времени свою былую красоту; и такие женщины дают взятки рабам, чтобы те подстрекали других к бунту, но все это, конечно, говорит о чрезмерно развитом воображении. А то, что Семпрония играла какую-либо роль в заговоре, опровергается молчанием самого Саллюста, и тем фактом, что ее имя не упоминается ни в одном из подробных рассказов об этом заговоре, дошедших до наших дней.

И как тогда объяснить этот ядовитый портрет Семпронии? Была ли она последней представительницей уважаемого когда-то дома, дочерью и последним выжившим ребенком Г. Гракха, ставшего в 123 году до н. э. революционным трибуном? И был ли Децим Брут, один из убийц Цезаря, ее незаконным сыном от самого Цезаря, а вовсе не сыном ее мужа? К таким догадкам прибегают ученые, пытаясь объяснить, почему Саллюст описал ее такой злодейкой.

Но чем бы мы это ни объясняли, портрет Семпронии очень ярок. Тацит ценил его так высоко, что даже позаимствовал для своего описания Поппеи. Напомним, что Семпрония была женой бывшего консула, который в 63 году до н. э. был еще жив и, по неизвестной причине, не считал нужным с ней разводиться. Так что вполне вероятно, она действительно была очень талантливой женщиной, в чем вынужден был признаться Саллюст, однако ее испорченность он сильно преувеличил.

Была еще одна женщина благородного происхождения, которую звали Фульвия – нам неизвестно, была ли она замужем, – которая сыграла в заговоре Катилины не последнюю роль. Она была любовницей Кв. Курия, мужчины, который опозорил одно из самых уважаемых римских имен. В 70 году до н. э. он был изгнан из сената цензорами и, подобно всем разочарованным людям, потерпевшим в жизни неудачу, в 63 году до н. э. присоединился к заговору Катилины. О Фульвии, по крайней мере, можно сказать, что она считала план убийства консула Цицерона неосторожным. Поэтому заставила Курия изменить свои показания, пообещав ему богатое вознаграждение, которое ненавидевший его Цезарь в конце концов убедил сенат не выдавать. В идеальном мире Фульвия усвоила бы полученный ею

урок и стала бы жить честно; но – увы! – мы снова встречаем ее через одиннадцать лет в качестве одной из главных участниц вечеринки в борделе, на которую был приглашен тесть Помпея Кв. Метелл Сципион, консул в 52 году до н. э.

Но следует признать, что в общественной жизни республики было много и замечательных женщин. Такой была еще одна Фульвия.

Это одна из немногих римских женщин, внешний облик которой нам известен, ибо, скорее всего, на одной из монет Антония она изображена в виде богини победы. Эта амазонка была женой Клодия, молодого Курио и Марка Антония по очереди. Во всех браках она проявила себя хорошей женой и родила нескольких детей^[6]. И, если в последние четыре года жизни она превратилась в мегеру, то это была мегера, бесконечно преданная мужу. После убийства Цезаря в 44 году до н. э. она приняла сторону Антония и жила, проматывая богатства Цезаря. Осенью вместе с Антонием Фульвия была в Бриндизи и смотрела, как рубят головы мятежным центурионам.

Весной, когда Антоний уехал в Галлию, Фульвия осталась в Риме и умоляла влиятельных политиков не объявлять ее мужа врагом народа. В 43 году до н. э. был создан триумвират, и Фульвия отказалась выступить в защиту тысячи четырехсот женщин, состоявших в браке с мужчинами, которые подверглись гонениям. Триумвиры требовали от них непомерных выплат. До и после Филиппов она была агентом Антония в Италии; а потом, вместе с братом своего мужа, который, несомненно, находился у нее под каблуком, командовала армией недовольных в битве с Октавианом. Мы до сих пор можем разобрать оскорбления, которые нацарапали на камнях осаждавшие Перуджу солдаты Октавиана. Они метали эти камни в город с помощью пращей. В книге Марциала можно прочитать грубые высказывания самого Октавиана в адрес амазонки, которая командовала защитниками города. Но когда война закончилась, с ней обошлись хорошо и разрешили присоединиться к Антонию в Афинах. Почти сразу же после этого он уехал в Италию на переговоры с Октавианом; и в 40 году до н. э. в Бриндизи до него дошла весть, что Фульвия умерла в Греции.

Нет ничего удивительного, что писатели того времени и более поздних эпох упоминали о ней без особой симпатии. Мог ли Цицерон не поливать грязью женщину, у которой первым мужем был Клодий, а последним – Антоний? Современные историки любят Фулвию не больше Цицерона. Однако нельзя отрицать, что это была выдающаяся женщина, которая впервые в римской истории сыграла роль жены правителя государства. Лучше всех историков, древних и современных, ее величие осознал

Шекспир:

Что до моей жены, то я хотел бы,
Чтоб дух ее вселился в ваших жен;
Вы б укротить сумели треть земли,
Но не мою жену.

Так говорит о Фульвии Антоний; а Домиций Агенобарб добавляет: «Если бы у всех были такие жены, мужчины ходили бы на войну вместе с женщинами».

Крайняя республиканская партия выдвинула из своих рядов двух замечательных женщин. Первой, вполне справедливо, стала дочь Катона Младшего, которую звали Порция. Она была женой М. Калпурния Бибула. Он был вторым консулом при Цезаре в 59 году до н. э., но не желал с ним сотрудничать. Их брак был счастлив, но к 45 году до н. э. от ее благополучия ничего не осталось. Она потеряла всех сыновей, кроме одного, а сражаясь с Цезарем в эпоху гражданских войн, лишилась отца, мужа и брата. В тот год М. Брут потряс римское общество своим разводом с женой и браком с Порцией. Она была дочерью своего отца и сделала все, чтобы укрепить намерение Брута убить Цезаря во время Мартовских ид. Они разговаривали, как вдруг Брут заметил, что она истекает кровью; Порция нанесла себе рану, чтобы таким необычным способом доказать мужу, что он может всецело ей доверять. Позже, когда Цезарь был убит, на его убийц начались гонения и Брут был вынужден бежать из страны, друзья Порции опасались, что она покончит жизнь самоубийством, и не спускали с нее глаз. Но она все-таки сумела их обмануть – у нее забрали кинжал, но она проглотила горячие угли из очага и умерла. Порция стала предтечей жен мучеников-стойков, которые позже будут выступать против власти цезарей.

Но самой великой из женщин поздней республики была Сервилия. Она приходилась старшей сестрой Катону Старшему, которую он глубоко уважал. Сервилия дважды выходила замуж и в 59 году была близка к тому, чтобы сочетаться браком в третий раз и не с кем-нибудь, а с самим Цезарем. Они поддерживали тесную связь и, возможно, единственной причиной, по которой Цезарь в тот год женился на Кальпурнии, стал тот факт, что Сервилии было уже сорок лет, а Кальпурнии – всего восемнадцать. Цезарь же очень хотел сына. Но его уважение к Сервилии (среди других причин) заставило его великодушно простить ее сына Брута,

который сражался против него в Фарсалии в 48 году до н. э., и доверять ему до того самого момента, когда он увидел Брута среди своих убийц.

В последующие за убийством пятнадцать месяцев, судя по письмам Цицерона, Сервилия находилась в самой гуще римской политической жизни и оказывала на нее большое влияние.

5 июня, через три месяца после Мартовских ид, два главных героя этих дней, преторы Брут и Кассий, которые, покажись они в Риме, сразу были бы растерзаны народом, получили оскорбительные предложения занять в провинции мелкие административные должности комиссионеров по заготовке зерна в Азии и на Сицилии. 8 июня в Анцио явился семейный консул, желая узнать, согласны ли они принять это предложение. На совет пришли Брут, Кассий, Сервилия, ее дочь Юния Терция (жена Кассия), жена Брута Порция и друг семьи Цицерон. Кассий, с горящими от гнева глазами, был похож на Марса, но советом руководила Сервилия. Когда Цицерон завел речь об упущенных возможностях, она перебила его и сказала, обращаясь к нему, что никогда не слыхала такой чепухи. Кассий отказался проглотить оскорбление и принять должность комиссионера, и она произнесла: «Хорошо. Мы заставим сенат забрать это предложение назад. Я прослежу за этим».

С того времени, когда Брут и Кассий летом 44 года до н. э. отправились в изгнание на Восток, а Октавиана, приемного сына человека, которого они убили, стало привечать римское правительство, тревога Сервилии за будущее, должно быть, с каждым днем все больше возрастала. На следующий год у нее появился еще один повод для беспокойства. 30 июня 43 года до н. э. другой ее зять, Лепид, дезертировавший из республиканской армии в Галлии и присоединившийся к Антонию, был объявлен в Риме врагом народа. Если его собственность конфискуют, а это было вполне вероятно, что станется с ее дочерью и сыновьями Лепида, ее внуками? И что она может посоветовать своему сыну Бруту, живущему на Востоке? Может быть, ему пришло время вернуться в Рим с армией, которой он теперь командует? 25 июля Сервилия собрала в Риме семейный совет, на котором присутствовал Цицерон, чтобы решить, что делать.

Мы знаем из писем Брута к Цицерону и из писем Цицерона к нему о неутрахающей тревоге Сервилии; она была, по словам великого оратора, «столь же неутомима, сколь и умна».

«Ты – в центре всех ее дум», – писал Цицерон Бруту. И после битвы при Филиппах победитель Брута продемонстрировал, что он тоже это понимает. Антоний прислал ей прах ее сына. На сколько лет она пережила Брута, мы не знаем.

Для римской и итальянской аристократии 40-е годы последнего века до Рождества Христова были десятилетием непрекращавшихся войн (Фарсамская, Фанская, Филиппийская и Перусинская войны) и убийств: убийство Цезаря в 44 году до н. э. и кровавая баня, устроенная попавшим в опалу людям на следующий год. А в конце десятилетия мир был столь же далек, как и в его начале: Октавиан в Италии враждовал с Антонием, жившим на Востоке, а Секст Помпей, в руках которого находились морские пути в Италию, мешал ввозу продовольствия в Рим.

Надежды на установление мира, пока три великих полководца не придут к соглашению, не было; этого удалось достичь только в 40 году до н. э., когда Октавиан и Антоний заключили соглашение в Бриндизи, а на следующий год – с Секстом Помпеем в Мизенуме. И хотя мир продолжался недолго, его достижение было дипломатической победой, которая стала возможной в значительной степени благодаря усилиям двух искренне уважаемых женщин: матерей Антония и Секста Помпея. В обоих случаях эта победа увенчала жизнь женщин, которые досыта хлебнули горя и лишений. Мать Антония Юлия (дальняя родственница диктатора) после смерти своего совсем не выдающегося супруга вышла замуж во второй раз. Ее нового мужа в декабре 63 года до н. э. казнили по приказу Цицерона, как участника заговора Катилины. Мать Секста Помпея звали Муция. Помпей, вернувшись с Востока в 62 году до н. э., развелся с ней; она вышла замуж во второй раз и родила сына Эмилия Скаура.

Секст Помпей пожалел Юлию, которая всячески старалась облегчить участь людей, попавших в опалу в 43 году до н. э.; в их числе был и ее брат. После Перусинской войны она нашла у него убежище и в благодарность за это помогла ему заключить союз со своим сыном. В Бриндизи она помогла Антонию примириться с Октавианом. Возможно, она вместе с Муцией помогла Антонию и Октавиану в 39 году до н. э. заключить соглашение с сыном Муции Секстом Помпеем в Мизенуме. Октавиан не забыл доброты Муции и продемонстрировал свою благодарность, пощадив, после битвы при Акциуме, жизнь ее сына Эмилия Скаура, который сражался против него и попал в плен.

Все эти женщины были благородного происхождения. Но в более мрачные времена политической жизни – а таковым было десятилетие после смерти Суллы в 78 году до н. э. – в Риме жили влиятельные женщины, характер которых был гораздо менее привлекательным. Среди них можно назвать Прецию, женщину очень низкого происхождения, которая держала салон, где главную роль играл Корнелий Цетег, перебежчик 80-х годов до

н. э., когда Сулла воевал со сторонниками Мария. Это был влиятельный и беспринципный серый кардинал 70-х годов до н. э. Плутарх описывает эту непривлекательную женщину так:

«Среди тех, кто прославился красотой и недостойным поведением, была женщина по имени Преция. Она была на самом деле не лучше обычной проститутки; но благодаря тому, что использовала свои контакты и разговоры с людьми к политической выгоде своих друзей, стала более привлекательной благодаря репутации женщины, которая заботится об интересах своих друзей. А поскольку Цетег, чья репутация и влияние находились на самом пике, был ее любовником, она стала в Риме всемогущей. Не принималось ни одного общественного решения, если его не поддерживал Цетег, а сам Цетег получал приказания от Преции».

Так Л. Лукулл, занимавший в 74 году до н. э. пост консула и не отличавшийся безупречной репутацией, смог получить пост командующего армией для войны с Митридатом только при поддержке Цетега, а чтобы добиться его, он вынужден был заплатить Преции, сколько она запросила.

Менее вредным было влияние прекрасной актрисы Волумнии Цитории (любовницы Антония и М. Брута), присутствие которой в качестве гостьи на обеде однажды так сильно шокировало Цицерона, поскольку он не подозревал, что это будет пир подобного типа.

В последние годы республики были и другие женщины – красивые, умные и развращенные, которые, не занимаясь политикой, стремились в полной мере использовать свое очарование, пока оно еще не пропало. Одной из них была Клодия, другой – Фауста. В венах обеих текла кровь благородных Метеллов; из этой семьи вышли многие выдающиеся консулы. По отцовской линии Клодия происходила из семьи Аппиев Клавдиев, имена которых встречаются во всех главах книг по римской истории начиная с V века до н. э. Фауста была дочерью Суллы. Обе имели мужей, которые играли важную роль в общественной жизни Рима. Мужем Клодии был большой сноб, Метелл Целер, который стал консулом в 60 году до н. э. и умер на следующий год. Фауста вышла замуж за Анния Милона, который, как и брат Клодии (которого он убил в 52 году до н. э.), был шумным и опасным бандитом и бездарным политиком. Им восхищался Цицерон – и никто больше.

В 61 году до н. э. Клодии было тридцать три года; в этот год в нее без ума влюбился поэт Кв. Валерий Катулл из Вероны, который был на шесть лет ее младше. Они страстно любили друг друга и столь же страстно ругались. До нас дошли стихи, которые он ей посвящал – его «Лесбия» и три года их экстаза остались в веках. «Лесбия, будем жить и будем

любить». В 59 году до н. э. неожиданно скончался ее муж, по слухам отравленный женой. Она, несомненно, не была безутешной вдовой, поскольку в том же самом году Катулла сменил новый любовник – еще более юный человек, М. Целий Руф, сын благородного семейства, который мечтал о карьере сенатора. Ему было двадцать три года, Лесбии – тридцать пять. Целий был другом Катулла; до нас дошли горькие жалобы отставленного любовника.

Целий недавно покинул родной дом и поселился на Палатине у брата Клодии. Его жизнь с Лесбией была полна удовольствий: «ухаживания, любовь, посещение Байи – римского эквивалента Брайтона, купания, обеды, вино, песни, музыкальные вечера, катания на лодках». Однако в 57 году до н. э. непрерывные развлечения утомили Целия; Катулл сумел выдержать три года такой жизни, а он – всего два. Подобные женщины считают своей привилегией бросать любовников, когда им вздумается, но они никак не ожидают, что бросят их. В апреле 56 года до н. э. Целий вынужден был приходить в суд и отвечать на фантастические обвинения, придуманные Клодией. Он первым произнес речь в свою защиту, в которой назвал ее Клитемнестрой – ибо Клитемнестра убила своего мужа – и, выражаясь вульгарным языком, обозвал ее уличной девкой. Цицерон выражался менее вульгарно, но столь же ярко – он разнес ее в пух и прах. Она жила как проститутка; ее дом «пользовался дурной славой, был диким, преступным и развратным»; она давала приют «похоти, необычным выходкам, неслыханным порокам всякого рода и оскорблениям».

Это одна из самых кратких и самых лучших речей Цицерона. Защищая права юноши – своего клиента, он отдавал дань увлечениям юности, а высмеивая слабость некоторых утверждений обвинения, был беспечным, веселым и смешным. Он забыл, что для Клодии, подавшей в суд, из-за того что она чувствовала себя униженной и оскорбленной, приговор станет настоящей трагедией. Ей было уже тридцать восемь лет, и она понимала, что впереди ее не ждет ничего хорошего. Мы никогда больше о ней не слышали.

Нравственный облик Целия никогда не внушал уважения, но он был умен, остроумен и отлично образован, о чем свидетельствуют его письма Цицерону, дошедшие до нас. Катулл тоже обладал всеми этими качествами, и, несмотря на язвительный язык, он был нежным, чувствительным и любящим человеком. То, что Клодия, глаза которой ярко сверкали, была очень красива и надолго сохранила свою красоту, не подлежит сомнению. Но помимо этого, она была остроумна, умна и хорошо образованна, иначе ей не удалось бы так сильно привязать к себе двух юношей, которые были

значительно моложе ее. Семпрония, чей характер Саллюст – чопорный моралист – хотел переделать по своему разумению, был ее старше; она, по словам самого Саллюста, была умной женщиной, прекрасной собеседницей. Клодия была вдовой консула, Семпрония – бывшей женой консула. Обе они восстали против условностей общества, стремясь находить развлечения где только можно. Они рисковали и жили опасной жизнью. Но они готовы были на все, чтобы только спастись от скучного респектабельного существования.

Что касается Фаусты, то ее муж Мило, как говорят, застал ее в постели с историком Саллюстом – еще в те годы, когда Саллюст вел жизнь грешника, – и чуть было не убил его, а потом, прежде чем отпустить восвояси, потребовал выплатить ему большую сумму. Однако Мило не стал разводиться с женой, и эта пикантная история вполне могла быть выдумана.

Женщиной более благородного происхождения была Цецилия Метелла, невестка П. Лентула Спинтера, который был консулом в 57 году до н. э. и благодетелем Цицерона. В число ее любовников входил и зять Цицерона П. Корнелий Долабелла; а когда в 45 году до н. э. ее муж был вынужден развестись с ней, она вышла замуж за легкомысленного сына актера Эзопа и помогла ему промотать огромное состояние, доставшееся от отца.

Богатые, знатные, красивые и талантливые женщины, не связанные никакими моральными запретами, жаждали животных удовольствий или власти – а может, и того и другого. На обширной сцене поздней республики хватало места для всех. С воцарением империи их деятельность была сильно ограничена, если, конечно, они не принадлежали к семье императора или не были приняты в нее. В этом случае их возможности сильно возросли – но и риски выросли тоже, как обнаружили Юлия и Мессалина.

Рассказы о знаменитых развратницах поздней республики, которые содержатся в основном в книгах враждебных по отношению к ним авторов, сообщают нам, хотя и ненамеренно, что эти женщины получили хорошее образование и отличное воспитание. Мы можем найти в источниках рассказы и о таких женщинах, которые прославились не своими пороками, а прекрасным воспитанием и образованием.

В поздней республике не было более трагической женской судьбы, чем у Корнелии, дочери Метелла Сципиона, консула в 52 году до н. э. Ее первый муж П. Красс, красивый и одаренный молодой человек, которого, по разным причинам, очень любили Цезарь и Цицерон, был убит вместе со

своим отцом в Карре в 53 году до н. э. На следующий год, по политическим соображениям, ее выдали замуж за Помпея, жена которого, Юлия, умерла за два года до этого. Впрочем, ее второй брак оказался еще более трагичным, чем первый: он продолжался четыре года, два из которых пришлось на годы гражданской войны, а в конце четвертого она стала свидетельницей убийства Помпея, когда, бежав после своего разгрома под Фарсалом, он высадился в Египте. Вот ее описание, сделанное Плутархом: «Молодость, вне всякого сомнения, не была единственной причиной ее очарования. Она была начитанна, играла на лире, хорошо знала математику и могла внести полезный вклад в философскую дискуссию. В то же самое время в ней не было ничего непривлекательного, ничего от синего чулка, как часто бывает с подобным типом умудренных знанием молодых женщин...»

Культура, которой Проперций восхищался в образованных женщинах, носила литературный характер. Начиная со времен поздней республики многие римские женщины получали прекрасное образование. Выдающийся оратор Кв. Гортензий, умерший в 50 году до н. э., имел дочь, которая, вероятно, была женой Кв. Сервилия Цепиона, усыновившего М. Брута. Несмотря на то что женщины не могли выступать в римском суде, она так сильно увлеклась профессией своего отца, что в критический момент в истории Рима произнесла в суде речь и с большим успехом. Это произошло в 42 году до н. э., когда жена Антония Фульвия отказалась защищать жен попавших в опалу мужчин, на которых триумвиры наложили невыносимый налог. Гортензия в своей незабываемой речи выступила в их защиту. Эта речь дошла до наших дней – потому что это была хорошая речь, а вовсе не потому, что ее произнесла женщина.

Сатирики по традиции обвиняли женский пол в тщеславии, экстравагантности, безнравственности и пристрастии к подозрительным религиозным культам. В начале II века н. э. Ювенал в своей шестой сатире обрушился на женщин за все эти пороки – и за другие тоже.

Была в Риме женщина – синий чулок, а другая – сплетница, совавшая нос во все дела; таких полным-полно и в наши дни. Беседа за обеденным столом у первой превращалась в нудную лекцию на любую тему, приходившую ей в голову. Это могла быть литература или философия. У знатоков не было ни единого шанса – она затыкала рот всем. Если ее подруги ухитрялись вставить словечко, она превращалась в учительницу и исправляла их произношение; она даже критиковала своего мужа за его манеру говорить. Что касается сплетницы, то она всегда самой первой узнавала все новости – которые часто сама же и выдумывала – о

катастрофических наводнениях, необычных кометах, последних сообщениях из Китая или Фракии. В обществе генералов обо всем говорила она, а не ее муж. Ее женское начало проявлялось только в интересе к чужим делам; она знала и выдавала секреты всех римских спален.

Это – рассказ сатирика, не портрет, а карикатура. Цель ее совершенно очевидна. В обществе императорского Рима было много талантливых женщин, которые могли поддерживать умную беседу с мужчинами – о литературе и о текущих событиях.

Тесная связь замужних женщин с интересами своих мужей проявлялась в империи в очень мрачном виде. Во всех случаях, когда мужа подвергались гонениям за предполагаемую измену, вместе с ними страдали и их жены.

В конце правления Нерона в Риме жила женщина, столь бледная, что ее можно было принять за покойницу. Это была вдова Сенеки, Помпея Паулина, которая обещала мужу покончить жизнь самоубийством сразу же после его смерти. Этот момент наступил в 65 году н. э. Но ее сумели спасти по приказу Нерона и вернули к жизни, когда она была уже у самых ворот смерти. Завистники, правда, утверждали, что она сама хотела, чтобы ее спасли; однако недоброжелателям не всегда можно верить.

Сенека был философом и политиком. И преданность его жены можно сравнить с верностью жен других философов-политиков из школы стоиков-цициков, живших в первые годы Римской империи. Эти люди мечтали о возрождении республики и выступали против правительства на том основании, что если уж Риму суждено было иметь императора, то это должен быть человек, возвысившийся за счет своих достоинств, а не по праву рождения или силы. Эти люди выбирали себе хороших жен, которые разделяли их убеждения и были готовы, если потребуется, разделить с ними и их судьбу.

Три женщины были особенно знамениты: Аррия Старшая, ее дочь Аррия Младшая и ее внучка Фанния. Две последние были близкими подругами Плиния Младшего; Тацит, должно быть, тоже их знал.

Аррия Старшая, жена Цецины Пета, который был консулом в 37 году н. э. и почему-то дружил с императрицей Мессалиной, проявила свое мужество уже тогда. Когда ее муж опасно заболел, она утаила от него смерть сына и говорила о нем как о живом до тех пор, пока муж не выздоровел. После неудачного восстания иллирийских легионов против Клавдия в 42 году н. э. Цецина Пет был отозван в Рим и посажен под арест. Аррии было запрещено сопровождать его; но она наняла корабль,

принадлежавший частному лицу, и вскоре прибыла в Италию. Когда заботливые друзья спрятали от нее все орудия самоубийства, она разбила голову о стену. Ее спасли, но она заявила, что женщину, твердо решившую умереть, не остановит ничто. Когда Цецин был поставлен перед выбором – самоубийство или казнь, – она вонзила себе в грудь кинжал, а потом протянула нож ему, воскликнув, что это не больно: «Paete, non dolet» (Плиний. Письма. 3 и 16).

(Это бесстрашная решимость покончить жизнь самоубийством – одно из наиболее замечательных свойств римлян; им обладали не только мужчины, но и женщины. Тацит рассказывает нам о сенаторе, которому Нерон велел покончить с собой: теща и дочь этого сенатора тоже вскрыли себе вены. Все трое умерли на глазах друг друга.)

В 56 году н. э. консулом Рима был Фрасея; он в течение десяти лет критиковал Нерона и в 66 году до н. э., после заговора Пизона, вынужден был покончить с собой. Его семья не колебалась ни минуты: жена Аррия, дочь Фанния, муж дочери Гельвидий Приск и ее пасынок (сын от первого брака Приска) Гельвидий Младший – все последовали за ним. Аррия Младшая, как и ее мать, не знала более сильного долга, чем подчинение мужу; ей помешал совершить в 66 году самоубийство только его запрет. Ее, вместе с остальными членами семьи, отправили в ссылку; вернули назад при Гальбе, потом снова сослали и снова вернули. К моменту смерти Веспасиана она и ее дочь уже похоронили своих мужей, ибо Гельвидий Старший был казнен. Его сына казнил Домициан в 93 году н. э., а женщин снова отправили в ссылку. Их вернул оттуда Нерва. Смерть Фаннии была столь же жертвенной, как и ее жизнь. Она добровольно стала ухаживать за весталкой, заболевшей туберкулезом, заразилась от нее и умерла.

Самые большие перемены, которые принесла с собой Римская империя и которые касались жизни женщин, чьи мужья принимали активное участие в общественной жизни, произошли из-за того, что их теперь не заставляли оставаться дома, когда мужья уезжали по делам в провинцию. Во время гражданских войн женщины бежали со своими супругами за море, и в результате этого люди стали сомневаться в мудрости республиканских правителей. Законы, вполне разумные в прежние дни, когда проконсулы и их помощники активно участвовали в управлении провинциями в течение года, во II веке до н. э. были изменены. Дело управления провинциями перешло в руки гражданской администрации. Конечно же глупо было бы ожидать, что жены магистратов станут вести себя так же, как жена консула во времена Гая Гракха, которая заставила выгнать мужчин из бани в Теане Сидицинской в Кампанье и прославилась

своей глупостью на века.

В ходе своей общественной деятельности мужчине приходилось более трех раз уезжать из Рима и не менее года, а иногда и несколько лет исполнять административные или военные обязанности в какой-нибудь из провинций. Во время его отсутствия семья оставалась в Риме. Мальчики двенадцати лет и старше обычно отправлялись с отцом, и если не умирали в провинции (Порция лишилась двух сыновей, которые в 51 году до н. э. уехали с ее мужем Бибулом в Сирию), то их моральный облик часто ухудшался. Например, в Киликии в 51–50 годах до н. э. Марк приказал своему юному племяннику Квинтию Цицерону вскрывать письма, которые его мать писала из Рима отцу (он тоже находился в Киликии и работал в команде своего брата Марка). После этого Цицерон должен был передавать их дяде, потом снова запечатывать и вкладывать в почту своего отца. Более серьезные проблемы возникали в том случае, если привлекательная соломенная вдовушка становилась жертвой опытного соблазнителя. Ее мужу в провинции сообщали пикантные подробности ее падения, порой лживые, а порой – и правдивые. Узнав об измене, многие мужья, сразу же по возвращении домой, подавали на развод. Так Л. Лукулл развелся с Клодией (сестрой Лесбии), вернувшись с войны на Востоке в конце 60-х годов; его преемник Помпей, приехав из Италии в 62 году до н. э., расстался с Муцией. Чтобы избежать искушения, женщина должна была быть другой Элией Галлой, которая вела себя как Пенелопа. Ее муж в 20 году до н. э. уехал воевать с парфянами; Проперций мягко упрекал его в бессердечии.

После гражданских войн Августу было бы очень трудно возродить прежние обычаи, даже если бы он очень захотел. Но он был слишком умен, чтобы возрождать их.

Браки при нем были гораздо прочнее, чем во времена республики. Более того, жены теперь стали играть заметную роль в карьере своего мужа. Конечно, существовала опасность, что они начнут этим злоупотреблять, и в первые годы правления Тиберия две женщины чуть было не подчинили себе мужей – они стали вмешиваться даже в командование войсками. Это были Агриппина Старшая, жена Германика, и подруга Ливии Планцины, жена Кн. Пизо, губернатора Сирии. Публичное соперничество двух этих женщин в Сирии привело к трагедии – в 19 году н. э. Германик изгнал Пизо из своей провинции и вскоре умер, а Пизо был казнен в Риме по обвинению в измене.

Поэтому неудивительно, что на заседании сената в 21 году н. э., на котором председательствовал, в качестве консула, сын императора Друз,

обсуждалось присутствие жен в провинциях. Это были очень интересные дебаты; их открыл Север Цецина, «викторианские» взгляды которого на женщин совпадали со взглядами Катона Старшего, изложенными в его речи против отмены Оппиева закона более двух веков назад. Тем не менее этому реакционеру не удалось помешать развитию прогрессивных тенденций.

После длительного вступления, в котором Север Цецина рассказал о своей счастливой жизни с женой, родившей ему шестерых детей, он заявил, что в течение сорока лет своей службы в разных провинциях всегда настаивал на том, чтобы она жила в Риме. Все это было сказано для того, чтобы показать, что он всегда подчинялся закону, в защиту которого выступает. После этого он заявил, что ни одна женщина не должна сопровождать своего мужа, когда он отправляется на административную службу в провинцию. Север подчеркнул мудрость существовавшего когда-то закона, запрещавшего женщинам входить в состав дипломатических или административных миссий за пределами Италии. И все потому, что в мирное время женщин надо развлекать, а от этого страдает управление провинцией, а во время войн они мешают эффективным боевым действиям, поскольку впадают в панику и превращают римскую армию на марше в подобие свиты варварских царей, совершающих путешествие по стране. Проблема заключается вовсе не в том, что, в случае ослабления дисциплины, женщины начнут плести интриги с целью захватить власть. «Они бродят среди солдат, заставляют офицеров быть у них на побегушках. А недавно случилось неслыханное – женщина командовала парадом когорты и даже маневрами легионеров. Членам сената не надо напоминать о многочисленных случаях казни продажных чиновников, при которых наказали мужей, хотя виновны были женщины. Это были жены, которые, с первой же минуты своего появления в стране, начинали притягивать к себе людей самого дурного толка и участвовать в интригах и заговорах. Фактически мы имеем не одну, а две официальные свиты и два правительственных дома, и все неразумные и деспотичные распоряжения исходят от женщин, которым законы Оппия и другие указы когда-то указывали на их место, но которые в наши свободные времена управляют домашним хозяйством, судами – и даже армией» (Тацит. *Анналы*).

Эту речь неоднократно прерывали криками о том, что она неправильна, а Цецина – не тот человек, который может произносить речи о государственной политике по столь важному вопросу, и мало кто из членов сената ее одобрил. В конце концов Валерий Мессала, унаследовавший от своего отца ораторские способности, ответил на вопросы, которые поднял в своей речи Цецина. Он отметил, что многие

суровые законы прошлого были смягчены, и это правильно, поскольку времена изменились. Прошли те дни, когда у ворот Рима стояла война, а провинции находились в руках врага. Он полагает, что разрешение женам сопровождать своих мужей не так уж опасно, оно не нанесет серьезного удара по семейному бюджету, а провинциальным налогоплательщикам не будет стоить ничего; женщины просто будут жить рядом с мужьями, вовсе не мешая нормальной работе администрации. Если же разразится война, то мужчины наденут доспехи и пойдут воевать; но, когда они возвратятся после тяжелых боев, что может быть для них приятнее, чем отдых в обществе жен? Что касается обвинений в стремлении захватить власть и в жадности, которые Цецина выдвинул против женщин, то Валерий Мессала отметил, что, несмотря на склонность многих чиновников поддаваться различным искушениям, их не прекратили отправлять в провинции. «Если вы заявляете, что жены часто совращают мужчин с пути истинного дурными советами, то я задам вам простой вопрос: а что, холостяки безупречны? Оппиевы законы были хороши в прошлом, поскольку условия тех дней не оставляли иного выбора; если с тех пор были сделаны разные послабления, то только потому, что отвечают интересам общества. Не надо объяснять наши собственные слабости всякими отговорками. Если жена ведет себя недостойно, то виноват в этом ее муж^[7]. Один или два человека могут проявить слабость, но из-за этого не надо лишать мужей и жен их совместного партнерства в горе и радости. Женщины слабы от природы; а Цецина предлагает, чтобы мужья оставляли их одних и они становились жертвами искушения своей плоти и вожделения чужих мужчин. Если же мужчины будут следить за своими женами и спасут свой брак от гибели, то легко можно себе представить, что произойдет, если через несколько лет они будут расторгнуты под влиянием того, что в любом случае приводит к разводу. Мы стремимся провести реформы в отдаленных районах империи, но было бы большой ошибкой закрывать глаза на то, что происходит здесь, в Риме».

Друз произнес короткую речь в том же духе. Он сказал, что члены императорской семьи часто посещают отдаленные районы империи. Он сослался на свой брак и привел несколько примеров, когда Ливия сопровождала Августа в поездках по римским провинциям на Западе и на Востоке. Он сообщил о своем визите в Иллирию и в другие части империи, которые, в интересах страны, ему, возможно, потребуется нанести в будущем. «Я не думаю, что мне захочется поехать туда, – сказал он, – если для этого потребуется расстаться с женой, которую я горячо люблю, и не

только ради наших детей, но и ради нее самой»^[8].

В I веке н. э. посещение провинции правящим императором вместе с супругой было еще редким явлением, но в следующие века ситуация изменилась. Отправляясь на Восток, Траян взял вместе с собой жену и племянницу. Сабина путешествовала вместе с Адрианом вверх по Нилу. Младшая Фаустина умерла в Каппадокии; Юлия Домна была рядом с Септимием Севером, когда он умер в Йорке.

Глава 3. Введение в историю империи

В 27 году до н. э. Август восстановил мир после долгих лет гражданской войны. В 68 году н. э. умер Нерон. Между этими двумя событиями прошло менее ста лет. Пять императоров, правивших в течение этого периода, отличались яркими характерами, а их женщины, во многих случаях, вели себя совершенно неожиданно.

Август умер в 14 году н. э., в возрасте семидесяти пяти лет. Ливия стала его женой, когда закончилась гражданская война; и прожила с ним до его смерти. Она была одной из тех женщин, которыми он гордился; другими были его сестра Октавия и две племянницы, дочери Марка Антония, которых звали Антониями.

Тиберий, ставший императором в 14 году н. э., в возрасте пятидесяти четырех лет, был вдовцом; он оставался им и в 37 году н. э., когда умер в возрасте семидесяти семи лет. Его мать Ливия, влиятельная вдова, скончалась в 29 году н. э., дожив до восьмидесяти пяти лет.

В 37 году н. э. императором стал Гай Калигула, двадцатичетырехлетний юноша; он прожил после этого менее четырех лет, сменив за этот период четыре жены. Он имел трех сестер (одной из них была Агриппина Младшая).

В 41 году н. э., к своему собственному изумлению и удивлению всего мира, императором был провозглашен Клавдий. Ему шел пятидесятый год, и он правил до 54 года н. э. Его женами, в годы правления империей, были Валерия Мессалина и младшая Агриппина, его племянница. Мессалина была красива, весела, похотлива и глупа; Агриппина – честолюбива, как и ее мать, и поначалу более удачлива, чем она. Сын Агриппины Нерон стал императором в 54 году, в возрасте шестнадцати лет. Пять лет спустя он организовал ее убийство, впрочем довольно неумело. Первой женой Нерона стала его сводная сестра, фригидная Октавия. Она тоже была убита, и в течение трех лет, с 62 по 65 год, он был женат на Поппее. Статилия Мессалина стала третьей его женой; он у нее был пятым мужем.

Три дамы из этого списка пользовались влиянием и имели большие амбиции и политические интересы: это были Ливия и две Агриппины, мать и дочь. Другие всячески потакали своим желаниям, используя для этого свое очарование, подкрепленное огромным богатством: Юлия, Валерия Мессалина, Поппея.

В течение I века н. э. среди высших классов римского общества

процветали коррупция, интриги, жестокость и легкомыслие. Женщины и мужчины императорского дома испытывали страсть к необыкновенным поступкам, в которые трудно поверить, и на это имелись две причины. Первая крылась в развращенном воображении погрязшего в сплетнях римского общества, которое не опасалось наказания за клевету и очернение людей. Чем занимался на Капри в конце своей жизни Тиберий? Конечно же участвовал в небывалых по своему разврату оргиях! Почему Гай Калигула демонстрирует такую привязанность к своим сестрам? Разумеется, потому, что состоит с ними в кровосмесительной связи!

Если первой причиной были римские сплетни, то второй – отсутствие чистых помыслов у римских историков. Вместо того чтобы отвергнуть скандальные сведения, они их повторяют. Эти историки были моралистами по профессии, любителями эпитаграмм и сатириками по призванию и воспитанию. Поэтому портреты исторических деятелей, созданные ими, больше похожи на блестящие карикатуры. После того как оргии – или кошмары – Юлии и Клавдия ушли в прошлое, а их сменили Флавии, а потом Нерва и Троян, в моду вошла социальная респектабельность, и оргии Клавдиева двора стали казаться еще более шокирующими, чем раньше. Это было время, когда творили Тацит и Ювенал, и мы уже не можем представить себе историю той эпохи без их блестящего сатирического описания ее нравов. Они живописали их с огромным удовольствием, но будем надеяться, никогда не хотели бы испытать все это на себе.

Для императора было естественным ожидать, что его преемником станет сын – в лучшем случае родной, а в худшем – приемный. Трон переходил по наследству в семействе Флавиев (преемником Веспасиана стал сначала его старший сын, а потом и младший), а потом – от Нервы и далее. В четырех случаях его наследовали приемные сыновья, пока наследником Марка Аврелия не стал Коммод, его родной сын.

Что касается потомков Юлиа и Клавдия, то наследование после Тиберия хотя и подарило Риму трех императоров, которые, как поначалу казалось, не имели никаких прав на престол, было достаточно успешным. Тиберий умер, оставив двух внуков, одного родного, другого – от приемного сына. Последний, по имени Гай Калигула, получив необходимую политическую и военную поддержку, захватил трон и быстро избавился от соперника. Когда Гай был убит, императором стал Клавдий; после него осталось два сына – родной и приемный. Этот пасынок был к тому же его внучатым племянником; его звали Нерон. Благодаря своей матери, младшей Агриппине, он пользовался сильной военной и политической поддержкой; он стал императором, а его сводный брат

Британник был убран с дороги. Тем не менее мы не можем утверждать, что кто-либо из этих императоров был плохо подготовлен к исполнению своих обязанностей.

Во время долгого правления Августа (а он правил сорок лет начиная с 27 г. до н. э.) и Тиберия, который был императором двадцать три года, начиная с 14 года н. э., вопрос о престолонаследии представлял для римлян самый настоящий кошмар, который отравлял политическую жизнь Рима и личную жизнь императоров, а также их многочисленных родственников, но совсем не потому, что не было подходящих кандидатов, а потому, что все они умерли молодыми.

Тиберий, взойдя на престол, имел двух взрослых талантливых сыновей – Друза (родной сын) и Германика, своего племянника, которого он усыновил. Оба обещали стать умелыми правителями, если бы между ними не было конфликта. Этот конфликт постоянно поддерживался двумя заинтересованными партиями; в результате его, еще до того, как закончился девятый год правления Тиберия, оба юноши были мертвы.

В случае с Августом трагедия была ужасной. Он обладал слабым здоровьем, и с самого начала было ясно, что его правление не будет долгим. В то же самое время не всем нравилась система императорского правления, и немногие верили в ее неизбежность; Август мог только предположить – и то с большой осторожностью, в основном тонкими намеками, кто в случае его смерти может занять его место. Назначать преемника прямо было очень опасно.

Эту задачу сильно усложняло то обстоятельство, что у него не было сына. Однако, помня, что своим собственным возвышением он обязан в основном Юлию Цезарю (своему двоюродному деду и приемному отцу) и преданности войск Цезаря, которая досталась ему по наследству, он понимал, что его преемник должен, по возможности, быть из семьи Юлиев. Иными словами, это должен был быть сын или внук его сестры Октавии или его дочери Юлии. Это были единственные близкие родственники Августа и единственные женщины, в чьих жилах текла кровь Юлиев. Поэтому было очень важно подобрать Октавии и Юлии подходящих мужей.

Этим и объясняются все те сложности, которые отравляли семейную жизнь самого Августа и его родственников, и то значение, которое имели женщины его семьи в планах Августа по обеспечению римского будущего.

У Октавии был единственный сын, М. Марцелл, родившийся от ее первого мужа. В 25 году до н. э. Марцелл женился на Юлии, и Август решил, что его преемником станет либо сам Марцелл, либо один из его сыновей. Однако Марцелл умер два года спустя, не оставив детей. Тогда

Август выдал Юлию за М. Агриппу, который, несмотря на свое темное происхождение, был отличным солдатом, преданным другом и в значительной степени помог Августу добиться императорского трона. На этот раз надежды Августа оправдались. Вскоре у него уже было два внука, которых он в 17 году до н. э. усыновил: Гай и Луций Цезари. Август мог теперь надеяться, что кто-то из них возьмет будущее Рима в свои руки.

Юлия родилась от брака, который распался еще до того, как Август стал императором. В течение всего срока своего царствования он был женат на Ливии. Если бы она родила хотя бы одного сына, будущее было бы гораздо светлее. Однако ситуацию осложняло еще и то, что Ливия имела двух сыновей от первого брака – Тиберия и Друза. Тиберий был замкнутым и сложным человеком; Друз открытым и приятным в общении; оба показали себя выдающимися полководцами и администраторами. Оба достигли совершеннолетия еще до рождения Гая и Луция Цезарей. Но они не принадлежали к семье Юлиев. Поэтому, учитывая их таланты и душевные качества, они с точки зрения наследования создавали Юлиям большие помехи.

В 9 году до н. э., когда Гаю Цезарю было одиннадцать лет, а Луцию Цезарю – восемь, Друз умер. Он был женат на Антонии, младшей дочери Октавии (от ее второго мужа Марка Антония). Он имел троих детей; старший Германик, в ту пору шестилетний мальчик, унаследовал от отца его обаяние и популярность.

Но звезды, по-видимому, вознамерились разрушить все планы Августа. К 4 году н. э. Гай и Луций Цезари умерли. Если бы в это время прошли выборы, вне всякого сомнения, люди выбрали бы правителем девятнадцатилетнего Германика. Август понял, что ему не остается ничего иного, как усыновить Тиберия, которому в то время было уже сорок пять лет. Это был опытный военачальник и администратор. Август ввел его в состав правительства и распорядился, чтобы после его смерти Тиберий был провозглашен императором. У Тиберия был собственный сын (еще один Друз), но Август настоял, чтобы он усыновил Германика.

Все надежды Августа на наследника, в жилах которого текла бы кровь Юлиев, рухнули; он неохотно подчинился неизбежному и, когда пришло время составлять завещание, выразился весьма грубо: «Поскольку злая судьба украла у меня внуков, я назначаю своим наследником Тиберия».

Октавия закончила свою жизнь в тоске; после смерти Марцелла все ее надежды рухнули; она так и не оправилась от горя. Жизнь Юлии, как мы уже видели, закончилась трагедией. Зато Ливия чувствовала себя победительницей. Гонку за наследство выиграл ее талантливый и чудесный

сын Тиберий. Были попытки превратить ее в фигуру Иакиавеллиевого типа, возложить на нее ответственность за устранение наследников Августа, представить, что это она убирает с шахматной доски фигуру за фигурой, умело продвигая своего короля. В этом ее обвиняли члены семейства Юлиев и их сторонники и, к сожалению, сам Тацит.

Ниже мы расскажем об этом поподробнее, хотя нам придется повторяться. Но мы надеемся, что это поможет читателю разобраться в сложных взаимоотношениях членов семьи Августа, понять, почему они женились на тех или иных женщинах и какую роль играли эти браки в их династических планах. Все планы женщин этой семьи – в особенности Октавии, а за ней и младшей Антонии, Юлии и Ливии – были жестоко разрушены судьбой.

Глава 4. Женщины при дворе Августа

Император Август, основатель Римской империи, перед которым Рим, а после его падения и вся Западная Европа находятся в неоплатном долгу, родился в 63 году до н. э. и получил имя Ц. Октавий. Усыновленный в 44 году до н. э. своим двоюродным дедом Юлием Цезарем, он стал именоваться Юлием Цезарем Октавианом (современные историки зовут его просто Октавианом). В это время ему было всего восемнадцать лет. Семнадцать лет спустя, после гибели убийц Юлия в Филиппах, а также Антония и Клеопатры – после битвы при Актиуме, он принял имя Август. Умирая в 14 году н. э. в возрасте семидесяти пяти лет, он велел своей жене Ливии не забывать их счастливой семейной жизни. Это были его последние слова (об этом сообщает нам Светоний). Они поженились 51 год назад, в 38 году до н. э. За два года до этого Август, по политическим соображениям, женился на Скрибонии, родственнице Помпея, которая уже дважды была замужем и имела единственного ребенка, дочь Юлию. Вскоре после рождения Юлии в 39 году до н. э. император развелся со Скрибонией, обвинив ее в «моральном извращении».

«Моральное извращение» заключалось в том, что она не желала терпеть одну из любовниц Октавиана. В то же самое время он так страстно влюбился в Ливию, что не смог вытерпеть, пока пройдут три месяца после рождения ее сына (Друза, младшего брата Тиберия), которым она была в ту пору беременна. Они жили вместе, и 17 января 38 года, через три дня после рождения Друза, вступили в законный брак. Люди были шокированы, но жрецов удалось очень быстро убедить одобрить такую необычную спешку. Бывший муж Ливии, Тиберий Клавдий Нерон, послушно сыграл роль отца невесты и отдал ее императору.

Эту свадьбу обсуждал весь Рим. Может, Август и есть отец ребенка? Болтали и позже, после то как он вступил в связь с женой своего министра Мецена. Утверждали еще, что он любит лишать девственности молоденьких девушек, и Ливия, как добрая домохозяйка, какой она на самом деле и была, следила, чтобы их регулярно поставляли ко двору. Поскольку богатое и извращенное воображение римлян не смогло придумать для него более гнусных дел, можно с уверенностью утверждать, что, по меркам тех дней, он был довольно нравственным человеком. Тем не менее в отношениях с женщинами своей семьи он был на удивление равнодушным и несчастливым мужем и отцом. Первым его несчастьем

было то, что он не имел детей от Ливии, и этот факт считают причиной того, что история всей семьи Юлиев-Клавдиев сложилась трагично. Потомки Юлия по линии дочери Августа Юлии ненавидели и презирали потомков Клавдия: саму Ливию, ее сына Тиберия и его наследников, в жилах которых не было ни капли Цезаревой крови. Так люди, которые в годы республики считались самым цветом аристократии, подвергались презрению со стороны людей, не имевших ни капли голубой крови.

Сестра Августа Октавия родилась в 69 году до н. э. и была старше брата на шесть лет. Она, как и Август, обладала незапятнанной репутацией. Это считалось чудом для женщин новой императорской семьи, даже в самом начале империи, и ее поведение не подвергал критике никто. И не только потому, что пропаганда изображала войну Октавиана как священную, но и потому, что Октавию было очень удобно изображать глубоко оскорбленной женщиной, которая стала невинной жертвой кровожадной иностранки Клеопатры. Римляне видели, что она столь же добродетельна, как и красива.

В 54 году до н. э. Октавия вышла замуж за человека, который был старше ее более чем на двадцать лет, К. Клавдия Марцелла. Его истерика на посту консула в 50 году до н. э. спровоцировала вторжение Цезаря в Италию и начало гражданской войны. Их дети родились в конце 40-х годов до н. э. – сын М. Клавдий Марцелл и две дочери, обе носившие имя Клавдия Марцелла.

Осенью 40 года до н. э., благодаря усилиям и терпению государственных мужей, в Бриндизи было заключено соглашение, и непосредственная угроза войны между Октавианом и Антонием была, как надеялись люди, устранена. Антоний возглавил восточную часть империи, а Октавиан – западную. Самым лучшим способом закрепить достигнутый с таким трудом мир был брак по политическому расчету. По особой благосклонности судьбы Октавия совсем недавно овдовела, а из Афин прибыли известия о смерти жены Антония Фульвии. Октавия не могла и мечтать о таком красивом муже, а Антоний – о более подходящей жене и доброй мачехе для детей Фульвии. Сообщил ли он Октавии о том, что у него есть еще двое детей: двойняшки Александр Гелиос и Клеопатра Селена, которых совсем недавно родила ему царица Египта, мы не знаем. Клеопатра никак не могла сочетаться законным браком с Антонием, поскольку была чужеземкой, а браки римлян с иностранками закон запрещал. Октавия не сильно переживала, что у ее мужа есть любовница-царица. В конце концов, он изменял с ней Фульвии, а не ей.

Антоний велел выпустить монету в честь своей женитьбы на Октавии.

Так впервые на римских монетах появилось изображение женщины.

Поначалу их брак был счастливым; в нем родились дети – две дочери, Антония Старшая и Антония Младшая, которым суждено было стать: одной – матерью и бабушкой римских императоров, а другой – их бабушкой. Младшая Антония унаследовала от Октавии ее мягкость и очарование.

Зиму 39/38 года до н. э. Октавия провела с Антонием в Афинах, неспособная, да и не желавшая повторить то, что Клеопатра проделала в 41 году до н. э., а потом и позже, – сыграть роль Афродиты для своего Антония, выступавшего в роли нового Диониса. В 37 году до н. э. ее влияние ощущалось в Таранто, где Антоний и Октавия снова помирились, и, в тщетной надежде на долгий брак, двухлетняя дочь Октавиана Юлия была помолвлена с М. Антонием Антиллом, сыном Антонии и Фульвии.

Осенью 37 года до н. э. Антоний наконец-то надел свои латы и отправился воевать с парфянами – и наслаждаться отдыхом от войны в объятиях царицы Египта. Октавия, уехавшая в Корсиру, получила приказ вернуться под защиту Октавиана, взяв с собой своих дочерей и приемных детей. В 36 году до н. э. в Италии до нее дошла потрясающая весть о том, что ее муж и Клеопатра поженились. Юристы за верили ее, что, поскольку египетская царица не является римлянкой, их брак, по законам империи, недействителен, и, поверив и простив, она в 35 году до н. э. снова отправилась на Восток, взяв с собой армию и золото, в котором, после разгрома в Парфии, отчаянно нуждался ее муж. В Афинах ее ждало письмо, в котором было написано, что она должна была послать Антонию войска и золото, а сама вернуться в Рим. Три года спустя, в 32 году до н. э., Антоний прислал ей официальное извещение о разводе.

27 год до н. э. был отмечен полным восстановлением мира – *рах civilis*. В 31 году до н. э. состоялась битва при Актиуме (Акции); Антоний и Клеопатра погибли, и Октавиан, получивший за свои заслуги имя Август, восстановил свою безграничную власть, которая была ему возвращена под благовидным предлогом. Пришло наконец время заняться своей семьей, которая, как бы мало ни придавали этому значения его современники, должна была стать императорской семьей Римской империи. Это была очень молодая семья.

Августу было тридцать шесть лет, а Ливии – всего тридцать; они состояли в браке одиннадцать лет и к тому времени уже смирились с мыслью, что наследника им не видать. В семье было трое детей: Юлия, двенадцати лет, без каких-либо надежд выйти в ближайшее время замуж, ибо сын Антония Антилл, с которым ее обручили в детстве, был убит по

приказу Августа после Акция. Август строго следил за воспитанием Юлии; когда она сама станет матерью, ее дети будут страдать точно так же, как и она, и если бы королева Виктория жила в ту эпоху, то Юлия получила бы ее полное одобрение. Ее обучали прясть и ткать (Август любил носить одежду, сшитую из тканей, изготовленных женщинами его дома); ей запрещали вести легкомысленные разговоры; молодые люди, один раз посетившие ее, получали письмо от императора и больше уже не появлялись.

Из двух сыновей Ливии от первого брака Тиберию Клавдию Нерону (Тиберию) было пятнадцать лет, и он был помолвлен с девочкой шести или семи лет. Это была Випсания Агриппина – дочь друга и помощника Августа М. Агриппы и его жены Цецилии, дочери Цицеронова друга Аттика. К 28 году Цецилия то ли умерла, то ли получила развод, и Агриппа женился во второй раз. Его второй женой стала дочь Октавии Марцелла Младшая. Младшему сыну Ливии Нерону Клавдию Друзу было одиннадцать лет. Оба брата жили со своим отцом до его смерти в 33 году до н. э. После этого они поселились во дворце Августа и стали жить с матерью.

Дом Октавии был полон молодых людей – ее собственных детей от двух браков и детей Антония от трех его жен. Сыну Октавии от первого брака М. Клавдию Марцеллу было шестнадцать лет; он уже отказался от мальчишеской тоги и, по римским стандартам, достиг брачного возраста; из его сестер одна, а может, и обе были, скорее всего, замужем. За ними шли две дочери от Антония; старшей Антонии было двенадцать лет, а младшей – девять. Старше всех был Иулий Антоний, сын Антония от Фульвии. И наконец, в семье жила Клеопатра Селена, девочка из двойняшек, родившихся в 40 году до н. э. Она одна осталась в живых от связи Антония с последней царицей из рода Птолемеев. Под защитой своих высокопарных имен девочка была привезена в Рим и вместе с братом прошла по улицам этого города в колонне пленников во время триумфа, которым Октавиан отметил победу над ее родителями. Ее брат, очевидно, умер; сама она нашла приют в доме своей великодушной мачехи.

Племянник Августа Марцелл и его пасынок Тиберий разделили с ним славу победы в 29 году до н. э. Во время триумфа Марцелл ехал на одном коне, а Тиберий – на другом. Эти кони везли колесницу, в которой стоял сам Август. Оба сопровождали его в Испанию, где были ранены в конце того же 27 года до н. э. Легко представить себе, как сильно переживали обе матери. Тем не менее юноши не могли всю жизнь ездить бок о бок; не имея своего собственного сына, Август должен был выбрать, кому отдать предпочтение

и назначить своим наследником. В 25 году до н. э., увидев их в деле в Испании, он сделал этот выбор. Марцелл женился на Юлии и стал зятем императора.

Нет никаких сомнений, что Август не любил Тиберия (который в Испании пристрастился к пьянству); тем не менее Тиберий был уже помолвлен с Випсанией Агриппиной, и разорвать эту помолвку было нельзя, не оскорбив ее отца Агриппу, который был близким, влиятельным и очень обидчивым другом императора.

Но самым важным было то, что Марцелл приходился ему племянником и по матери принадлежал к семье Юлиев; поэтому вряд ли Август выбрал бы Тиберия наследником, даже если бы и любил его. Выбор отца стал и выбором Юлии, поскольку Тиберий был суровым и замкнутым человеком, а Марцелл – сама открытость и очарование. Присутствовала ли мать Юлии Скрибония, которая проявила благоразумие и не вступила во второй брак после развода с Августом, на бракосочетании, нам неизвестно. Юлия была выдана замуж М. Агриппой, поскольку ее отец еще не вернулся из Испании. Его задержала болезнь и, как говорили, страх; он боялся, что, встретив Ливию, ему придется объяснять ей, почему он выбрал наследником не ее сына.

Однако судьба была жестока к Марцеллу. Через два года он умер во время эпидемии. Врач Антоний Муза, спасший за несколько месяцев до этого жизнь самого Августа, прописал Марцеллу холодные ванны и холодное питье, но лечение не помогло, и больной скончался. Детей от этого брака не осталось.

Несмотря на то что Агриппа и многие из сенаторов считали, что Марцелл поторопился принять на себя образ всеми любимого обаятельного принца, его смерть изображалась и во многих местах искренне воспринималась как национальная трагедия. Речь на его похоронах произнес сам Август – это был самый настоящий панегирик Марцеллу. Поэты изощрялись в воспевании юноши, обещавшего так много и погибшего во цвете лет. Проперций написал элегию, которая считается «непонятной и сложной»: «Благородное происхождение, хороший характер, отличная мать, брак с девушкой из семьи Цезаря – что все это ему дало?»

А Вергилий, которому суждено было прожить после смерти Марцелла всего четыре года, отозвался на нее великолепными стихами: «Судьба позволила миру лишь взглянуть на него мельком – и не более».

Гораций, который отозвался на свадьбу Марцелла одой, не написал на его смерть ничего, по крайней мере, до нас не дошло ни одного стиха на эту тему.

Горько оплакивали юношу женщины. Октавия, столь мужественно встретившая свои предыдущие тяготы, была безутешна. Все последние двенадцать лет своей жизни не снимала траура. Она основала библиотеку в память о своем сыне, однако, если верить Сенеке, многие были убеждены, что в своей роли скорбящей матери она несколько переигрывает: «Она отказалась от портрета своего сына, которого так нежно любила, и никогда не позволяла произносить его имя в своем присутствии. Она затаила ненависть ко всем матерям, которые, подобно Ливии, впали в безумие; поскольку сын Ливии, как она считала, унаследовал счастье, которое было обещано ей. Проводя все больше и больше времени в одиночестве и темноте, позабыв даже о своем брате, она отказывалась слушать стихи и другие произведения, написанные в память о Марцелле, а когда ее пытались утешить, просто затыкала себе уши».

Однако Октавия не допускала и мысли о том, что Марцелла погубила Ливия, о чем нашептывали ей сплетники. Она не могла позволить себе роскоши ненавидеть Ливию, поскольку, несмотря на свою горе и скорбь, с удовлетворением отмечала, что все амбициозные планы Ливии – если, конечно, они у нее были – рухнули во второй раз. Потеряв сына, Октавия предпочла бы, чтобы наследником Августа стал ее зять, чем увидеть, что Юлия вышла замуж за Тиберия, хотя теперь ей целесообразнее было бы сделать именно это. Чтобы жениться на Юлии, Агриппе нужно было развестись со своей женой, дочерью Октавии, Марцеллой Младшей, но ради себя самой и своей дочери скорбящая Октавия готова была пойти на эту жертву. Поистине, месть может быть очень сладкой.

Хотелось бы, вслед за одним немецким ученым, верить, что Ливия нанесла ответный удар и предложила Августу, чтобы Юлия вышла замуж не за Агриппу, а за Ц. Прокулея, чья сводная сестра Теренция была замужем за министром Августа Меценом. Выдающийся государственный муж и близкий друг Августа, Прокулей не был даже сенатором, так что, когда речь пойдет о наследовании трона, дети от этого брака не смогут соперничать с Тиберием. Таковы – как полагает этот ученый – были темные и коварные замыслы Ливии. Но если Август когда-нибудь и думал о Прокулее как о возможном зяте, то только не в ту пору, когда сводный брат Прокулея Мурена был недавно казнен как опасный заговорщик, а влияние Мецена сильно ослабло. Предлагать императору такой мезальянс было просто глупо, а никто никогда не считал Ливию глупой.

Так что Юлия вышла замуж за своего двоюродного брата Агриппу. Сам он вполне мог убедить Августа одобрить этот брак. Правда, император и на этот раз не присутствовал на свадьбе. Он находился в Сицилии и был

очень занят. Мы ничего не знаем, что чувствовали тогда Юлия или Марцелла. Была ли Юлия столь же безутешна, как ее свекровь, после смерти Марцелла? Сожалела ли Клавдия Марцелла о том, что лишилась мужа, которому было сорок два года, и приобрела супруга моложе ее на двадцать лет – красавчика Иулия Антония, сына Марка Антония?

Женитьба Тиберия на дочери Агриппы от его первого брака, Випсании Агриппине, все откладывалась, и они вступили в брак только после того, как Тиберий в 20 году до н. э. вернулся с Востока, куда сопровождал Августа. Из молодых девушек, живших в доме Октавии – теперь охваченном скорбью, – Антония Старшая, восемнадцати лет, вышла замуж за Л. Домиция Агенобарба; Антония Младшая стала женой младшего брата Тиберия, Друза, только в 16 году до н. э. Клеопатра Селена покинула двор Августа в 20 году до н. э. – Август нашел для нее весьма колоритного мужа. Она вышла замуж за царя Юба Нумидского и Мавританского, который был старше ее на десять лет и с которым она была помолвлена через год после Акция. У них было много общего. Юба прошел по улицам Рима в качестве пленника во время триумфа Цезаря в 46 году до н. э., а Клеопатра Селена – в триумфе после Акция. Оба получили образование в Италии и были воспитаны как римляне. Клеопатра Селена была последней представительницей рода Птолемеев и очень гордилась своими предками; Юба был ученым и выдающимся историком. Их дочь была одной из тех цариц, которые по очереди вышли замуж за римского вольноотпущенника Антония Феликса.

Брак Юлии и Агриппы выполнил задачу, ради которой и был заключен, – рождение императорских внуков. В 20 году до н. э. родился первый сын, в 17-м – второй. В 17 году до н. э. Август усыновил обоих; старший получил имя К. Цезарь, а младший – Л. Цезарь. Вместе с сестрами, которые появились потом, Юлией и Агриппиной, они выросли во дворце, и император лично руководил их воспитанием. Девочкам дали образование, похожее на то, которое помогло их матери, как считалось, добиться столь высокого положения; мальчиков учил литературе и плаванию их собственный дед; кроме того, он заставлял их писать точно таким же почерком, каким писал сам. О том, какую роль в воспитании детей играла Ливия, мы не знаем.

Казалось, будущее семьи императора было обеспечено. Имея такой прекрасный пример для подражания для всех слоев римского общества, здоровый и плодотворный брак традиционного, старомодного типа, Август выбрал 17 год до н. э. для проведения большой пропагандистской кампании по поощрению, или, лучше сказать, по возвращению морали, которая

царила в старые добрые годы. Первый из законов Августа, направленных на повышение нравственности в обществе, был уже принят, вероятно, в 19 или 18 году до н. э... Впрочем, угроза принятия таких законов висела как дамоклов меч над веселыми безнравственными юношами уже десять лет.

Еще со II века до н. э. римское общество было крайне встревожено падением рождаемости. Впрочем, опасались только одного – что для римских легионов не будет хватать новобранцев. Как убедить мужчин и женщин вступать в брак и рожать побольше сыновей, которые в будущем станут храбрыми римскими солдатами?

Об этом писал Ливий в предисловии к своей «Истории»: «Я надеюсь, что все обратят пристальное внимание на то, какой нравственной была жизнь в древности, на личности и принципы мужчин, отвечавших дома и на поле боя за создание и расширение империи, и оценят последующее падение дисциплины и нравственных устоев, гибель и разрушение морали, продолжавшееся до наших дней. Ибо мы уже достигли той точки, когда наше вырождение становится невыносимым – а с ним и те меры, которые не смогли его остановить».

Сильно сказано.

Десять лет спустя, в 28 году до н. э., Проперций и другие испытали потрясение. Было предложено ужесточить брачный кодекс, однако авторы этого предложения столкнулись с сильным сопротивлением и вынуждены были отказаться от этой идеи. Изменения в законодательстве вынудили бы Проперция отказаться от любовницы и стать уважаемым семейным человеком, отцом будущих солдат. Но угроза миновала, и над ней теперь посмеивались в элегантных стихах:

Сыновей, приносящих победы,
Как я теперь заведу?

В 19–18 годах до н. э. сенат принял закон о регулировании браков между представителями разных классов и закон, направленный на борьбу с супружескими изменами. Оба этих закона были юлианскими; они были предложены Августом и названы в его честь августовскими. Эту программу рекомендовал Юлию Цезарю Цицерон еще четверть века назад: «Меньше разврата, крупнее семьи». Выражаясь фигурально, надо было вернуть из далекого прошлого Скромность и из забвения – Добродетель. Необходимо было сделать все возможное, чтобы все мужчины от двадцати пяти до шестидесяти лет были женатыми, а женщины от двадцати до

пятидесяти – замужними.

Хотя в республиканские времена имелись случаи мезальянсов, тем не менее все были согласны с тем, что в семье сенаторов надо брать жен хороших фамилий; они не должны были начинать свою жизнь рабынями – или, что еще хуже, актрисами. Но в других слоях общества мужчины могли жениться на своих любовницах и даже иметь от них детей, если закон позволит вступить в брак с освобожденной рабыней. И в новом кодексе – исключая, конечно, семьи сенаторов – было ясно сказано, что такие браки признаются совершенно законными и ни у кого не должно оставаться на этот счет никаких сомнений.

Для остальных была введена система поощрений и наказаний. Мать троих детей получала право самостоятельно распоряжаться своим имуществом; отцу трех детей обещали более быстрое продвижение по службе. Холостякам разрешалось теперь получать только третью часть своего наследства; то же самое касалось старых дев и бездетных женщин. Более суровое наказание налагалось на женщин, не имевших детей (а ведь они могли быть и бесплодными!), которые овдовели или развелись. Вдове давался год на обзаведение новым мужем, а разведенной женщине – шесть месяцев.

Было еще одно препятствие, которое следовало преодолеть. Система поощрения и наказания должна была привести к существенному увеличению браков. Но как узнать – какие из них фиктивные, а какие настоящие? Как наказывать людей за супружеские измены?

В республике для этого не существовало никаких законов. Если мужчина заставал свою жену с любовником, он мог наказать ее сам. Или же возвращал ее отцу, и тот собирал семейный совет, на котором решалась ее судьба. Муж с ней разводился, конечно, и сохранял за собой часть приданого.

Однако, по юлианскому законодательству, дела об измене перешли в юрисдикцию общественного суда. Теперь это было государственным делом, и обычным наказанием для обоих любовников стала ссылка. Оскорбленный муж, который теперь имел право оставить за собой только пятую часть жениного приданного, в случае если у них не было детей, обязан был сначала развестись со своей женой при свидетелях. После этого ему давалось шестьдесят дней для предъявления ей обвинения в измене. Если после развода он не подавал иска в суд, то это мог сделать любой человек старше двадцати пяти лет. Если муж не желал разводиться с изменившей ему женой, то подать на нее иск в суд он не мог. Тогда люди, добровольно возложившие на себя обязанность следить за сохранением

нравственности, имели право подать иск уже на него самого и попытаться доказать, что, застав ее за прелюбодеянием, он никак на это не отреагировал или получил доход от ее неверности. (Более чем сто лет спустя, при императоре Траяне, дело младшего офицера армии, который любил свою жену и не захотел разводиться с ней, хотя она и изменила ему с центурионом, рассматривал кабинет министров. И кабинет постановил развести его.)

Если измена была доказана, то жену и ее любовника ссылали пожизненно на разные острова; женщина теряла треть своего имущества, а мужчина – половину своего и половину ее приданого, помимо того, что оставалось мужу, если у них были дети. Она уже больше не могла выйти замуж за римлянина, рожденного свободным.

Адюльтером теперь стали называть связь мужчины с замужней женщиной; если обидчик был женат, он мог не опасаться гнева жены, поскольку закон не позволял ей подавать на него в суд, сколько бы он ей ни изменял. При различных извращениях, которые впервые были определены в законодательстве как *stuprum*, иск к мужчине мог подать любой другой мужчина, который захочет это сделать. Эти преступления включали в себя: связь мужчины со свободной незамужней девушкой (если она не была зарегистрирована как проститутка или признана наложницей)^[9] или с вдовой. В этот разряд входил и мужской гомосексуализм.

Современные историки всячески восхваляют Августа за введение законов против адюльтера. «Этот *lex Julia de adulteriis coercendis* стал выдающимся законом; он заложил основу римского законодательства, касающегося проблем брака. Он поставил институт семьи под защиту общества, что означало развитие концепции истинных функций государства, и, подвергнув осуждению практики того времени, когда мужчины и женщины стали искать для себя удовольствий вне семьи, открыл дорогу к возвращению к старому представлению о семье как о союзе *liberorum quaerendorum causa* – то есть для рождения и воспитания детей».

Следует, однако, отметить, что принятие этого закона породило сутяжничество (причем многие дела были открыто фальшивыми), а также, вне всякого сомнения, многочисленные случаи шантажа. Улучшилась ли общественная мораль? Весьма сомнительно. Людей нельзя сделать нравственными и честными простым постановлением парламента.

Вводя этот закон, Август заявил, что выполняет функцию, переданную ему римским сенатом, и, безо всякого сомнения, эпигоны Катона Младшего выразили ему свое одобрение. Однако большинство сенаторов не скрывало

недовольства. Тогда Август решил преподать им урок римской истории и подверг их терпение нелегкому испытанию, заставив выслушать чтение речи «О повышении рождаемости», которая была произнесена более ста лет назад, в 131 году до н. э., одним из блюстителей нравов. Речь содержала следующие утешительные сентенции: «Если бы было возможно жить без жен, господа, то все мы избавились бы от этого наказания. Но природа так уж устроила, что, хотя жить с ними и нелегко, без них жить совершенно невозможно, поэтому мы должны заботиться о нашем постоянном благополучии, а не о сиюминутных удовольствиях».

Август рассердился – что бывало с ним крайне редко, – и в сенате поднялся шум. Он раздраженно заявил, что сенаторы должны следить за тем, чтобы их жены вели себя прилично, неосторожно добавив: «Как слежу я». «Поведай же нам, – закричали сенаторы, – как ты контролируешь свою жену?» На это Август, запинаясь, ответил, что установил определенные правила касательно ее нарядов и поведения на публике. Это выступление нельзя было назвать его парламентским триумфом.

С 1 по 3 июня 17 года до н. э., после более чем столетнего перерыва, в Риме были проведены юбилейные игры, которые ознаменовали рождение нового храброго мира. Это не было прогрессом в современном значении слова, а скорее возрождением и восстановлением религии и хороших манер, которые существовали в золотые годы прошлого. Если бы общество встретило моральное законодательство Августа с большим энтузиазмом и если бы не пришлось отложить введение значительной части новых законов на три (а потом – еще на два) года, юбилейные игры стали бы символом нового законодательства о браках между представителями разных классов общества, внебрачных связях и половых извращениях. В празднике участвовало сто десять матрон, а два хора – один из двадцати семи мальчиков (что было ново) и двадцати семи девочек – исполняли поэму, написанную Горацием, – «Юбилейную песнь». Сначала они спели ее перед храмом Аполлона на Палатине, а потом – перед храмом Юпитера на Капитолии.

Получив заказ на это произведение, Гораций, должно быть, содрогнулся – в одной из его частей надо было открыто прославить недавние законы Августа, что он и сделал в 5-й песни (строки 17–20) своей поэмы:

*Diva producas subolem patrumque
prosperes decreta super iugandis
feminis prolisque novae feraci*

lege marita.

Богиня, даруй нам детей
и успех законам сената
о женских браках и брачным законам,
которые помогут повысить рождаемость.

Принято думать, что римляне, в отличие от нас, любили стихи, посвященные постановлениям сената, но, если вдуматься, приведенные выше строки поэзией не назовешь. Один английский ученый без обиняков выразил свое мнение о них такими словами: «В 5-й песне стих Горация сильно хромает, и нам остается лишь пожалеть гениального барда, которому пришлось воспевать законы, противные его вкусам и казавшиеся совершенно неосуществимыми его здравому смыслу».

С 12 по 9 год до н. э. в императорской семье царил траур. В 9 году до н. э. Ливия потеряла младшего сына, красивого и популярного в народе генерала Друза; он умер от раны во время войны с Германией. К тому времени у него уже было двое сыновей и дочь, которых родила ему Антония Младшая. Сыновей звали: Германик, который тоже умер молодым и стал легендой, и Клавдий, который, вопреки всем ожиданиям, превратился из шута в римского императора незадолго до того, как ему исполнилось 50 лет. Дочь звали Ливилла; ей суждено было выйти замуж за сына Тиберия (ее кузена) и быть соблазненной амбициозным интриганом «из того или иного города Тосканы», по имени Сеян.

Друз сумел завоевать, а после смерти и сохранить любовь народа, а вот Тиберию сделать это так и не удалось. Популярность сына Друза, Германика, превосходила отцовскую. Во времена правления Тиберия люди подсчитывали свои потери, а их воображение рисовало им картины счастливой жизни, какой они могли бы жить, если бы после Августа императором стал Друз, а если не он, так Германик. Но судьба их обманула. Друз не должен был умереть, и Германик тоже. А поскольку воображение не принимает во внимание факты, оно разыгрывалось еще сильнее. Почему умер Друз? – спрашивало оно. Почему умер Германик? Ответ был один – их убили. Друза – по приказу Августа, а Германика – по приказу Тиберия.

А что же Ливия? Ведь Друз был ее любимым сыном! Когда он умер, она внешне демонстрировала стоицизм римских матрон старой закалки. И

мы можем прочитать 474 строки элегии, предназначенной для того, чтобы ее утешить. Если верить рукописям, то автором этой поэмы был Овидий. Но Овидий никогда не писал таких ужасных стихов. Они были написаны позже; к счастью, Ливии не пришлось их читать.

Друз умер в 9 году до н. э. Двумя годами раньше смерть избавила его тещу Октавию от долгих душевных страданий. А в 12 году до н. э., возвращаясь из командировки на Восток, в Кампанье умер Агриппа, оставив четверых детей (двух приемных детей Августа и их сестер – Агриппину и Юлию Младшую). Его жена Юлия была беременна пятым ребенком – это Агриппа Постум. Их брак вполне соответствовал требованиям нового законодательства. За что бы Агриппа ни брался, он все делал хорошо; и до поры до времени Юлия была дочерью, которой он мог гордиться.

Чем же объяснить ту глупость, которую совершил Август, заставив Юлию без промедления снова выйти замуж, на этот раз – за Тиберия? Для Тиберия и, в конечном счете, для Рима этот брак оказался самым настоящим несчастьем; ему пришлось развестись со своей женой Випсанией Агриппиной (матерью его сына Друза), которую он сильно любил. Тиберий никогда не был добродушным человеком, а последующие десять лет, в результате случившихся в это время событий, стал еще более мрачным и угрюмым и пробыл таким всю оставшуюся жизнь. Существует маловероятная гипотеза, что, если бы его единственный ребенок от Юлии (родившийся, вероятно, в 10 году до н. э.) выжил, они были бы счастливы, поскольку Август выбрал его не потому, что он был отцом, а потому, что был отчимом. Тиберию пришлось воспитывать приемника Августа – Гаия Цезаря, а если бы что-нибудь случилось с Гаем, то Луция. Ливия – «осчастливленная в третий раз» – вряд ли способствовала соглашению, которое столь сильно противоречило желанию ее собственного сына. Наверное, Август понимал свою дочь гораздо лучше, чем принято думать. Ожидал ли он, что третий брак укрепит ее силы, как укрепили первый и второй? Тиберий был выбран в зятя вовсе не потому, что Август испытывал к нему привязанность; а потому, что он, по мнению императора, сделает все как надо, каких бы жертв это ему ни стоило. А чем придется пожертвовать Тиберию, Августа нисколько не интересовало.

Выбрав для дочери мужа, не важно, с какой целью, Август надеялся, что люди вскоре забудут низкое происхождение Агриппы. Юлия же считала, что, выходя замуж за Тиберия, соединяет свою судьбу с человеком ниже ее по происхождению. Ее отец – с легкостью распорядившийся чужими жизнями – освободил ее от обязанностей воспитывать детей. Ее

новый муж постоянно пребывал на границе, где шла война, и она считала себя брошенной. Злобные попытки Юлии убедить Августа в том, что он должен наказать Тиберия, вполне естественные для женщины, полагавшей, что ею открыто пренебрегают, не приносили никакого результата. Но она не была женщиной, которая будет сидеть в уголке и горевать. Она решила развлекаться, пока еще возможно, с беспутными молодыми людьми и вместе с ними погрузиться в пучину удовольствий.

Но Августа больше интересовало руководство общественной жизнью Рима (и это ему лучше удавалось), чем личной жизнью членов его семьи. Он готовил к вступлению в общественную жизнь двух своих внуков, которых усыновил: Гая в 5 году до н. э., когда ему исполнилось пятнадцать лет, и Луция, три года спустя. Для помощи им и себе он привлек Тиберия, и в 6 году до н. э. Тиберий на пять лет был облечен властью трибуна, с помощью которой Август контролировал римское правительство. Как трибуну Тиберию было поручено отправиться на восточную границу империи и подавить восстание в Армении.

За это признание его ценности для империи, хотя и временное, Август ожидал скромного выражения благодарности. Вместо этого Тиберий устроил неожиданную репетицию той роли, которую он станет играть через тридцать лет, на более обширной сцене. Он объявил, что хочет оставить политическую жизнь и посвятить себя изучению философии. Что же подвигло его на это? – спрашивали люди. Скандальное поведение жены? Зависть к своим пасынкам? Надежда, что люди Рима поймут: без Тиберия, которого они раньше почти не замечали, им не обойтись? Но люди поумнее, возможно, уже тогда осознали нестабильность характера Тиберия.

Август выступил против этого в сенате; Ливия пыталась увещевать сына. Но он никого не хотел слушать. Пришлось дать ему отпуск, и он тихонько уехал из Рима в Остию, а оттуда – на остров Родос.

Тем не менее отъезд Тиберия совсем не мешал Августу в 5 и 2 годах до н. э. с большой помпой и торжествами посвятить в политическую жизнь молодых цезарей – Гая и Луция. Они начали свою деятельность, ставка в которой была исключительно высока – ни много ни мало – власть над всей империей! И все шло тихо и мирно, пока во 2 году до н. э. не грянул гром: Юлия была разоблачена.

Ей в ту пору было тридцать семь лет. В том, что у нее есть любовники, никто не сомневался. Но когда дело доходит до описания тех «подвигов», которые привели к ее разоблачению, источники вдруг словно немеют: да, она участвовала в кутежах и пирушках (на которых сильно напивалась), проводившихся на форуме и даже на трибунах; да, она и ее друзья клали

венки из цветов на голову статуи Марсии – вот и все, о чем нам сообщают и чему можно доверять. Рассказы же о том, что она хотела наняться в бордель как проститутка и занималась развратом на неудобной платформе трибуны, относятся к разряду «художественного преувеличения, позволяющего приукрасить скучную и неубедительную историю».

И вот тут-то мы начинаем понимать, что совсем не знаем, какой на самом деле была Юлия. Все авторы, к которым мы обращаемся за подробностями, считали, что ее стоит описывать – или им разрешалось ее описывать – самыми мягкими словами; поэтому для получения правдивой картины нам придется перепрыгнуть через четыре столетия и обратиться к Макробию. Ибо в необыкновенной мешанине «Сатурналии» Макробия, помимо вопросов литературной критики, обсуждения жара в человеческих телах и рассуждениях о том, что появилось раньше – яйцо или курица, нашлось место и для высказываний Цицерона и других, остроумам Августа или разных людей по поводу самого Августа и, наконец, для главы, посвященной шуткам и выходкам Юлии. Сведения для нее Макробий взял частично из книги «О городской жизни» Домития Марса, написанной во времена Августа, и частично из аналогичной книги, созданной чуть позже. Таким образом, этому источнику можно доверять. Вот один абзац из «Сатурналии»: «Ей тридцать восьмой год – иными словами, если ее умственные способности были еще в порядке, хотя она уже приближалась к старости^[10], то она злоупотребляла возможностями, которые предоставили ей богатство и ее отец. Она любила читать и, как было принято в ее кругу, очень много знала. Она была мягкой, человеческой женщиной, совершенно лишенной жестокости, и обладала невероятным очарованием, и люди, знавшие о ее недостатках, поражались, насколько противоречив ее характер. Снова и снова, мешая снисходительность с суровостью, отец предлагал ей вести себя приличнее и завести более спокойных друзей; когда же он вспоминал о своих многочисленных внуках, которые были точной копией их отца, Агриппы, он стыдил самого себя и думал о ней только как о верной жене. Он тешил себя надеждой, что она все-таки невинна, несмотря на всю ее веселость и внешнее пренебрежение к условностям, и любил повторять в кругу друзей, что у него есть два ребенка, чьим прихотям ему приходится потакать, – правительство Рима и его дочь».

Юлия, как и всякая женщина, пыталась продлить свою молодость. Она очень рано начала седеть. Однажды Август пришел к ней и увидел, что ее служанки выдергивают у нее седые волосы. Он ничего не сказал, но однажды завел такой разговор:

Август: Что ты предпочитаешь – быть лысой или седой?

Юлия: Конечно, седой.

Август: Тогда зачем твои служанки стараются сделать тебя лысой?

И вероятность такого разговора очень высока.

Макробий приводит шутки Юлии, одна – вполне пристойная, другая – очень грубая. Прочие шутки смешные и легкомысленные. Однажды, одевшись очень строго, она сухо обняла отца. Накануне вечером он пришел к ней и был шокирован ее легкомысленным костюмом, но ничего не сказал; сегодня же он похвалил ее одежду. Она ответила: «Вчера вечером я оделась для мужа, а сегодня утром – для отца».

Однажды во время боя гладиаторов Август был потрясен поведением людей, которые окружали Юлию на стадионе, и тем, кто ей прислуживал. Он написал ей об этом в письме. Она ответила: «Когда-нибудь я и мои друзья тоже состаримся».

Во II веке до н. э. разразилась буря. Доносчики, воспользовавшиеся правами, которые давали им законы, сообщили, что Юлия разошлась вовсю. Август узнал о пирушках на форуме. И ему рассказали (несомненно, правду) о многочисленных любовниках Юлии.

Скандал можно было замять, отослав Юлию из Рима подальше. Однако Август решил предать его огласке. Он вел себя как одержимый, нарушая на каждом шагу законы – даже свои собственные. Поскольку Тиберий был далеко, Август решил действовать от его имени и развел их с Юлией. Признав истинность того, что ему довелось узнать, он написал письмо сенату, в котором в подробностях перечислил все ее выходки. Юлии не позволили даже защитить себя и выслали на остров Пандатерия (Вентотене) у побережья Кампаньи.

Август запретил, в случае ее смерти, хоронить ее в мавзолее Августа в Риме; кроме того, он жаловался, что если бы Мецен или Агриппина были живы, то он узнал бы всю правду о поведении дочери гораздо раньше. Когда ему сообщили, что одна из освобожденных рабынь покончила жизнь самоубийством, быть может опасаясь допроса под пытками, он воскликнул: «Жаль, что это не моя дочь!»

Два сына Юлии, Гай и Луций, вне всякого сомнения, были столь же потрясены поведением матери, как и их дед. И ее многообещающая дочь Агриппина тоже. Только два близких человека пожалели Юлию. Тиберий, живший на Родосе, написал Августу письмо, в котором умолял его вернуть Юлии ее личные вещи, а Скрибония, уже совсем старая женщина, по своей собственной инициативе уехала из Рима и поселилась на Пандатерии

вместе с дочерью. Скрибония всегда придерживалась требований морали; может быть, именно поэтому Август с ней и развелся. Это была очень строгая дама, а строгость являлась характерной чертой римских матрон.

Остров Пандатерия (в наши дни – Вентотене) – лежит в тридцати одной миле к западу от самого крайнего мыса, расположенного в северо-западной части Неаполитанского залива. Длина этого острова – менее двух миль, а ширина нигде не превышает полмили. Из его древней истории до нас дошел лишь один факт – на нем обитало огромное количество полевых мышей, которые съедали проростки виноградной лозы. Это означает, что в древности на нем выращивали виноград, в то время как сейчас там растет несколько колючих грушевых деревьев.

На Пандатерии есть небольшой заливчик, который древние римляне вырубали в туфовых скалах; на самой северной оконечности острова стояла императорская вилла, похожая на крепость, несомненно оборудованная всем, что нужно для жизни. Теперь от нее остались руины, которые используют в качестве свалки. В древности здесь были рабы и гарнизон, следивший, чтобы туда никто не проник.

Чем же занималась здесь Юлия? Очень скоро ей – как и ее собственной дочери Агриппине и другим прославленным римским женщинам, сосланным на этот остров позже, – надоело рассматривать вулканические породы и любоваться театральным величием его утесов, омываемых морем и согреваемых солнцем. Ее утомили бесконечные ветра, благодаря которым он и получил свое современное название. В ясный день на горизонте были видны берега Италии, напоминавшие ей о лучших временах; а в хорошие и плохие дни огромная гора Сан-Стефана (где сейчас живут осужденные), высившаяся всего в миле от дачи, свидетельствовала о том, что бывают тюрьмы и похуже.

Компанию Юлии составляла мать; но, прежде чем допустить к ней посетителей, их тщательно осматривала стража, по приказу самого Августа. Ни один мужчина не мог попасть на остров – если, конечно, не был политиком или уродом. И даже на этом острове, где выращивали виноград, мстительный отец Юлии категорически запретил давать ей вино.

Римляне не преминули сравнить доброту ее матери с суровостью отца; неудивительно, что все считали, что Юлия наказана слишком строго. Протесты народа сначала не давали никакого результата, поскольку Август заявил, что скорее вода подружится с огнем, чем он освободит свою дочь. Люди стали бросать в Тибр горящие факелы, но Август никак не

реагировал. Тем не менее через некоторое время он смягчился, и Юлии было разрешено покинуть Пандатерию и поселиться в Реджио в Южной Италии. Он даже признался, что сожалеет о том, что в письме, посланном им в сенат, слишком грубо выразился о ней.

Нарушив закон в отношении своей дочери, Август пошел дальше – он заявил, что те люди, которые будут поддерживать запрещенные связи не только с ней, но и со всеми женщинами из дома Юлиев, будут считаться изменниками родины. Позже Тацит писал: «Как бы ни были достойны порицания супружеские измены, они все-таки довольно часты; объявив их изменой и святотатством, Август ушел очень далеко не только от традиционного римского великодушия, но и от формулировки самого закона».

Любовников Юлии переписали. Иулий Антоний, сын Марка Антония, самый известный из них, бывший консул и муж двоюродной сестры Юлии Марцеллы, покончил с собой. Других отправили в ссылку.

Вот как объясняют падение Юлии древние авторы.

Те историки, которые ею восхищались – или хотя бы симпатизировали, – пытались представить ее жертвой (впрочем, мало кто считал ее совершенно невинной жертвой) интриг недоброжелателей. Высказывалось предположение, что ее падение было организовано врагами Тиберия, поскольку после развода с ней – а он был вынужден развестись – он лишился единственной ниточки, которая связывала его с Августом, и терял всякую надежду стать императором (во 2 году до н. э. она была весьма призрачной). Существует и противоположное мнение – ссылку Юлии подстроили сам Тиберий, Ливия и клика консервативных сенаторов, и целью их удара был сам Август. Если бы он не предпринял никаких шагов для наказания дочери, то разразился бы грандиозный скандал; в обоих случаях он был бы дискредитирован.

Но все это весьма сомнительно. Если бы Юлия была виновна только в супружеской измене, никто и предположить не мог, что, узнав о безобразном поведении дочери, Август поступит именно так, как он поступил. Для него было бы лучше, если бы он сослал Юлию без особого шума. Никто и подумать не мог, что он проявит такую нетерпимость и придаст этому делу широкую огласку. Его поведение можно объяснить только одной из двух причин. Либо, достигнув шестидесяти лет, он потерял всякое чувство меры в вопросах морали, либо Юлия совершила какое-то более серьезное преступление, чем простая супружеская измена. И ее сослали потому, что она затеяла опасную политическую авантюру.

И это предположение, как пишет Плиний Старший, было верным. Ее

друзья, участвовавшие в оргиях, происходили из влиятельных римских семей: Квинкт Криспин, Семпроний Гракх, Аппий Клавдий Пульхер, Корнелий Сципион, а во главе всей этой шайки стоял Иулий Антоний. Сделавшись, после своей женитьбы, племянником императора, он стал четвертым в очереди на престол, поскольку слабоумный Агриппа Постум был не в счет. Первыми шли два внука Августа, которых он усыновил, и всем было ясно, что императором после его смерти станет Гай Цезарь. После них шел опальный Тиберий, живущий на Родосе. За ним следовал Антоний. Оскорбленная презрением, с которым к ней относился Тиберий, и возмущенная тем, что отец с ранней юности выдавал ее за тех, кто был нужен ему, а не ей, Юлия, вероятно, слишком далеко зашла и решила поддержать Антония. Быть может, она согласилась, что Тиберия надо убрать. Отец был стар, и Антоний, похоже, сделал вид, что готов подождать, когда смерть придет за ним сама. Что касается сыновей Юлии, то она, не исключено, убедила себя в том, что они еще слишком молоды и не могут пока возглавить империю. До всего этого, вероятно, Август позже дошел своим умом и пожалел о своей горячности. Когда все дела Юлии раскрылись, он, по-видимому, решил, что она участвует в заговоре, направленном на физическое устранение его самого, ее мужа и обоих сыновей.

Признав такую реконструкцию событий, предложенную немецким ученым Гроагом, вполне правдоподобной, выдающийся французский историк Каркопино пошел дальше. Он высказал предположение, что организатором заговора был не Антоний, а сама Юлия и предложение убить отца и двух сыновей она сделала еще раньше Тиберию, и именно потому, что оно его ужаснуло, он и сбежал на Родос. Поэтому Юлия добавила имя Тиберия в список ее будущих жертв и доверилась Антонию. Предполагают даже, что рассказы о ее пьянстве – чистая выдумка, что на самом деле вместе с Антонием и другими участниками заговора она выпила на трибуне чашу с человеческой кровью, а вовсе не с вином. В конце концов, так, по рассказам историков, поступил Катилина и его друзья.

Но есть один момент, когда, как бы жестоко это ни звучало, надо укротить свое воображение.

Проведя пять лет на Родосе за изучением философии, Тиберий решил, что пора возвращаться к политической деятельности; перспектива появления в Риме стала для него еще более привлекательной, когда он узнал, что Юлия ему больше не жена. Он спросил императора, может ли

вернуться. Сначала Август ответил категорическим отказом, но потом смягчился и во 2 году н. э. разрешил.

Но тут судьба, которая никогда не была благосклонна к дому Августа, нанесла болезненный удар. Во 2 году н. э. умер Луций Север, а два года спустя – и Гай. От них не осталось ни вдов, ни детей. Хотя Гаю было уже двадцать пять, а Луцию – двадцать, они еще не были женаты. И Август понял, хотя всю жизнь упорно сопротивлялся этой мысли, что его наследником может стать Тиберий. Августу было шестьдесят пять лет, Тиберию – сорок пять. Хочется верить, что Юлия написала отцу и заступилась за Тиберия, как он в свое время заступился за нее. Как бы то ни было, в 4 году н. э. Август усыновил Тиберия, и он перестал быть Тиберием Клавдием Нероном и превратился в Тиберия (Юлия) Цезаря. Он получил огромную власть – гораздо больше, чем та, от которой он столь великодушно отрекся девять лет назад. Одновременно Август усыновил и своего внука Агриппу Постума, которому было пятнадцать лет; и потребовал от Тиберия, чтобы тот усыновил своего племянника Германика, сына Друза.

Однако скандалы и разочарования, которые случались в семье Августа с завидной регулярностью, еще не закончились. Из двух дочерей Юлии Агриппина Старшая на всех этапах своей жизни была истинной дочерью своего отца; ее сестра Юлия унаследовала характер матери. Не получив никакой пользы от уроков, которые преподавал ей Август, она вовсе не собиралась после смерти мужа наслаждаться скромной жизнью вдовы с двумя маленькими детьми. Ее муж Л. Эмилий Паулл был казнен, вероятно, в 1 году н. э. за участие в каком-то заговоре. После его смерти она отправилась в ссылку, но была возвращена оттуда. Невзирая на предупреждения, «по святила себя пороку». В 8 году н. э. на нее снова был составлен донос. Юлию приговорили к вечной ссылке и отправили на небольшой остров Тример (Сан-Доменико) в Адриатическом море (к северу от мыса Гаргано), а ее незаконнорожденный ребенок был, по приказу Августа, отдан другим родителям. Д. Юний Силан, который ее совратил, был провозглашен персоной нон грата, Август официально отказался от его «дружбы», а это означало, что Силана больше не будут приглашать на утренний выход императора. Силан понял намек и добровольно удалился в ссылку (из которой, по требованию сената, Тиберий, ставший императором, его возвратит). Младший брат Юлии Агриппа Постум разделил участь сестры. Грубый, вспыльчивый и неотесанный, он обладал огромной физической силой. Его сослали сначала в Сорренто, а потом – на остров Планазия (Пианоза, к юго-западу от Эльбы). Сплетники качали головой и

шептали: «Инцест»; впрочем, для них это было вполне естественно.

Дочь Августа, его внука и последний из внуков жили теперь в ссылке, в разных местах, далеко от Рима и друг от друга. В это время он отзывался о них с черным юмором, называя своими язвами и фурункулами. Август даже переделал две строки из Илиады, и они стали звучать так:

Жалею теперь, что когда-то женился,
Жалею теперь, что родил я дитя.

Впрочем, самой знаменитой жертвой чисток 8 года н. э. стал не родственник Августа, а поэт П. Овидий Назон. Чем он прогневал императора, мы не знаем, ибо до нас не дошло никаких документов, а только униженная попытка оправдаться, которую находим в стихотворении Овидия, обращенном к императору: «Меня сгубили две вины: стихи и грубая ошибка».

Эта ошибка, по-видимому, заключалась в том, что он каким-то образом оказался замешанным в интригах Юлии Младшей и Силана. А книга под названием «Искусство любви» не имела ничего общего с описанием супружеской привязанности; это было легкомысленное стихотворное наставление о том, как освоить искусство обольщения и добиваться любви.

Август, несомненно, достиг кульминации в своей реформаторской деятельности – он решил подвергать все литературные произведения цензуре. А против его непоколебимой убежденности в том, о чем можно писать, а о чем – нет, избранный Овидием способ защиты был совершенно непригоден. Этот способ защиты покоился на двух основаниях. Первое заключалось в том, что Овидий не мог нести ответственности за то, что его книга показалась добропорядочным римским матронам безнравственной, поскольку в самом начале открыто предупредил их, что это произведение им читать не стоит. «Подальше от меня, узкие повязки на голову, символы скромности, и вы, длинные оборки, прикрывающие половину ступни». На самом деле он прекрасно понимал (и Август тоже), что это было открытое приглашение для респектабельных женщин прочитать эту книгу. Второй аргумент Овидия заключался в том, что в Риме издавна существовала эротическая поэзия, которую никто никогда не осуждал, и в том, что в мифологии и легендах почти не было историй, которые не показались бы цензору оскорблением для нравственности.

Разумеется, с помощью таких аргументов в свою защиту Овидий ничего не добился, поскольку стал удобным козлом отпущения в более

серьезных делах. Литература была признана авгиевыми конюшнями, которые новоявленный Геракл собирался очистить. Август действительно был Гераклом, только с извращенным чувством юмора. Острова, на которых отбывали ссылку его дети и внуки и их любовники, находились на окраинах Италии, Овидия же отправили гоняться за любовью в далекие и холодные (зимой) места – в Томи (Констанцу), расположенную на западном побережье Черного моря.

На следующий год, 9 год н. э., чистка была завершена. Законы о нравственности, принятые в 19–18 годах до н. э., были сведены и, в некоторых случаях, дополнены в общий кодекс – закон Папия и Поппея, названный по имени двух тогдашних консулов. По иронии судьбы, оба они были холостяками, что превратило их в предмет ядовитых насмешек для римских остряков.

Общий принцип «кнута и пряника» остался прежним – люди, имевшие детей, получали награды, а холостяки и незамужние наказывались запретом на наследование имущества. Однако этот закон принимал во внимание тот факт, что некоторые люди не могут заводить детей из-за бесплодия, и бездетные семьи получили теперь право наследования. В этом смысле законодательство 9 года н. э. было шагом вперед. Бездетные вдовы и разведенные женщины от 20 до 50 лет получили больше времени для поисков нового супруга – два года и восемнадцать месяцев, соответственно. Холостякам, лишенным права наследования из-за отсутствия семьи, давался короткий период времени для подыскания супруги, и они могли теперь получать наследство, как и другие мужчины, состоявшие в браке с юности.

Редко какую женщину-аристократку историки осыпали такими ядовитыми упреками, как Ливию, и особенно усердствовал Тацит. Никто не хотел принимать во внимание, как много она сделала для Августа: все почему-то забывали, что она родила Друза, которого потомки превратили в своего идола, и была бабушкой Германика, которого они просто обожествляли. По традиции, которой следовал Тацит, добавивший в нее немало своих выдумок, преступление Ливии заключалось в том, что она была матерью Тиберия. Но она никогда не стремилась к тому, чтобы он стал императором. Впрочем, выдумки не принимают во внимание реальные факты, и ее описывали как вторую Лукрецию Борджиа, которая, ради того чтобы ее сын возглавил империю, убрала тех, кто стоял у него на пути: Луция Цезаря, Гая Цезаря, Германика и Агриппу Постума. Кое-кто даже договорился до того, что это она устроила смерть Августа, наступившую в

14 году н. э. Все эти обвинения столь же лживы, сколь и злобны. Гай и Луций Цезари, а также Германик, вне всякого сомнения, умерли своей смертью; а если Агриппу Постума и убили, то Ливия не имеет к этому никакого отношения. Тацит, к сожалению, повторяет сплетни; и его совсем не заботило, излагает ли он их как слухи или как факты.

Если же собрать все неопровержимые факты из жизни Ливии, то получается совершенно иная картина. Ее подтверждают акты Клавдия и труды авторов, не гонявшихся за сенсациями: Валерия Максима и Веллея Патеркула, а также Сенеки.

Преданность Ливии Августу, как и его преданность ей, не вызывает сомнения. В молодые годы она не только терпела, но даже поощряла его неверность – со случайной девушкой или с Теренцией, женой (по описанию Горация, очень сексуальной) своего министра Мецены, которая выполняла все его желания. Ливия ухаживала за ним во время его многочисленных, а в молодые годы – очень тяжелых болезней. Большую часть жизни Август зависел от нее, и частенько бывало так, что он нуждался в ее советах, и даже, в особо серьезных случаях, приходил к ней со своими записями по тем вопросам, которые хотел с ней обсудить. Естественно, Август никому не хотел рассказывать об этом, но люди, хорошо знавшие его характер, могли догадаться. Злобные критики, которые, более века спустя, удовлетворяли ядовитому вкусу Тацита, были готовы утверждать, что Август решил назвать Германика, а не Тиберия своим наследником в 4 году н. э., но Ливия убедила его не делать этого. Люди поумнее понимали, что в течение всей жизни Августа Ливия оказывала на него облагораживающее влияние; и, в отдельные времена, когда они оба уже умерли, этот вопрос становился темой свободных сочинений некоторых просветителей. В результате разгорелась долгая дискуссия, фактически почти монолог, в котором Порция выступила в защиту Ливии, утверждая, что «милосердие не может быть чрезмерным». Предотвратить преступление можно не угрозой казни, а завоевав уважение и признательность человека, который собирается его совершить. Это сочинение, к счастью, сохранилось и служит для нас примером настоящей, а не выдуманной истории. Сенека включил его в свой трактат «О милосердии», а словоохотливый Кассий Дио очень подробно его излагает.

Это на самом деле разговор госпожи Гордячки со своим мужем. Он происходит в постели; Август ворочается и никак не может уснуть – его голова занята мыслями об очередном заговорщике, которого надо казнить. Это Корнелий Цинна, внук Цинны, противника Суллы и Помпея Великого, позже, в 5 году н. э., ставшего консулом. Его арестовали, но, после

вмешательства Ливии, помиловали. Если верить Сенеке (который, несомненно, ошибся в датах), это произошло в Галлии между 16 и 13 годами до н. э. Согласно еще более драматическому рассказу Дио, Цинна был арестован в Риме в 4 году н. э. На следующее утро он предстал перед императором, чтобы выслушать свой приговор. Август сказал: «Я не только дарю тебе жизнь, но, в знак моего доверия, обещаю сделать на следующий год консулом». Он мог бы добавить: «Благодари за это мою жену».

Красота Ливии, которую она сохранила до старости, с годами стала несколько суровой; и, хотя в личной жизни она позволяла несколько более, чем допускали приличия, в ее доме, где она верховодила, царила строгость вместе с традиционной римской благопристойностью. Ливия прилагала много усилий, чтобы выглядеть достойно на публике. Она обладала красотой Венеры и характером Юноны; в ее случае лесть Овидия была вполне оправданна. В своей семье и за ее пределами Ливия демонстрировала щедрость; несмотря на резкость, она была доброй и даже, удержав своего юного внука Клавдия от одного из его поспешных литературных проектов, полезной; возможно, она поняла, что мальчик не так глуп, как его считают. Женившись на Плаутии Ургуланилле, внучке одной из самых близких подруг своей бабушки, он обеспечил себе счастливую жизнь. Ливия была очень привязана к своей невестке Антонии, которая, после смерти Друза, переселилась в ее дом. Она жалела свою падчерицу Юлию и делала все, что могла, чтобы облегчить ей тяжелую жизнь в ссылке. Тацит считал своим долгом упомянуть об этом, впрочем не без ехидных замечаний. Когда ее сын стал императором, она не один раз спасала подруг, мужья которых попадали в беду.

Следует отметить, что культура мало ее интересовала и она не способна была испытывать сочувствие и не поддавалась эмоциональной слабости. Она признавала, что, когда ее сын Друз умер, ей оказал большую поддержку философ Аней, но ее собственный природный стоицизм, возможно, помог ей перенести это горе не меньше, чем советы философа. Она презирала Октавию за то, что та, после смерти Марцелла, выставляла напоказ свою скорбь; Ливия обуздала свое горе и появлялась перед людьми с улыбкой на лице. Она была сильной женщиной, и все ее подруги – тоже.

То, что люди, несмотря на все их уважение к Ливии, никогда ее не любили, вполне объяснимо. Она никогда не искала популярности; ее удовлетворяла жизнь в тени своего мужа.

Он умер в 14 году н. э., когда ей было семьдесят лет. Ей предстояло прожить еще пятнадцать лет и сыграть новую роль. Роль вдовствующей императрицы, императрицы-матери.

Естественно, она покинула императорский дворец, но у нее было в Риме два своих дома. Один из них, стоящий на Палатине, так называемый Дом Ливии, в наше время открыт для туристов, которые могут увидеть на стенах ее картины: Гермеса, Аргуса, и Ио, и Полифема, и Галатеи. На одном из водостоков написано, вероятно, ее имя IVLIAE AVG. Это довольно скромный дом; возможно, ей подарил его Август. У нее была еще вилла в Прима-Порта, в девяти милях к северу от Рима по дороге Фламиния, в сторону Вейи. Эта вилла называлась *ad Gallinas ad primam portam* («У курицы, у первых ворот»). Именно здесь, если верить преданию, орел уронил лавровую ветвь в 37 году до н. э. Ее нашли в клюве курицы (*gallina*) и воткнули в землю. Из этой ветви вырос большой куст, с которого срывали ветки для приготовления лавровых венков. Эти венки Август (а позже – и его потомки) надевал во время триумфов.

Благодаря таланту римских археологов настенная живопись в столовой Ливии была аккуратно снята и перенесена в национальный музей Рима. По всем четырем стенам комнаты тянется зеленая гладь лесов и кустарников; повсюду растут цветы и порхают птички. Но это маленькие птички, а не куры, на деревьях висят плоды – это не лавровые деревья. Плодов очень много, поэтому вокруг такое изобилие птиц. Они до сих пор живут в этих лесах.

Ливия вела активную деловую жизнь, поскольку была очень богата: у нее имелись владения в Малой Азии, Галлии и Палестине, а также во многих частях Италии. Она сама управляла ими, поскольку в 35 году до н. э. была освобождена от *patria potestas* (власти государства), в 9 году до н. э. получила льготы, полагающиеся матери троих детей, а после смерти Августа была выведена из-под действия закона (*lex voconia*), ограничившего размер имущества, которое могла унаследовать женщина. Число ее личных слуг превышало тысячу; сюда входил Бурр, ставший при Клавдии и Нероне командиром Преторианской гвардии. О том, каким богатством располагала Ливия, говорит тот факт, что после смерти она оставила Гальбе (императору, правившему в то время) пятьдесят миллионов сестерциев.

В римском обществе она сохранила звание первой леди, поскольку император Тиберий был вдовцом.

А каково же было ее положение в государстве?

Во-первых, ее приняли в семью императора, и она стала не просто Юлией, а Юлией Августой. Принятие в семью и этот титул стали для нее последним подарком Августа, который она получила по завещанию. Когда Август был обожествлен, она стала первой жрицей его культа и получила

право, в этом качестве, появляться на публике в сопровождении чиновника (ликтора).

Что касается остальных почестей, то был составлен особый протокол. На первом заседании сената, состоявшемся после похорон Августа и его обожествления, сенаторы выдвинули несколько предложений, желая позлить Тиберия и подольстить Ливии. Поскольку Август имел титул Отца страны, было предложено назвать его вдову Матерью страны; Тиберий, которого уже объявили сыном божественного Августа, должен был получить и титул сына Юлии. Однако Тиберий не принял этих предложений, и правильно сделал; он не хотел, чтобы в семье Юлиев в Риме возродились обычаи исчезнувших греческих царств.

Положение Августы, разумеется, требовало признания. Она устраивала свои собственные приемы, и имена тех, кто на них присутствовал, становились достоянием гласности. В школах жрецов отмечались дни ее рождения; ее имя включали в ежегодные торжественные обещания, которые давались императору. Через много месяцев после смерти Августа из Гитейона на Пелопоннесе пришла просьба разрешить создание культа божественного Августа и всех еще живых членов императорского дома. Тиберий дал согласие от имени всех членов семьи, кроме своей матери; она должна была принять собственное решение. В 23 году н. э. в провинции Азия было разрешено построить храм в честь очень странной троицы, подобной которой никогда не было: Тиберия, его матери и сената!

На публике отношения Августы и императора были очень корректными. Тиберий всегда с большим уважением отзывался о своей матери и на людях всегда уступал ее желаниям. У нас нет оснований думать, что в домашней атмосфере она старалась подчинить его своей воле и решать, какую политику проводить; она не требовала, чтобы он советовался с ней в государственных делах. У нас нет никаких доказательств тех обвинений, которые любил повторять Тацит: что она хотела войти в правительство или она заявляла, будто Тиберий ей многим обязан, поскольку это она сделала его императором.

Не следует забывать, что Августа к тому времени уже сильно состарилась и, быть может, так и не оправилась полностью от серьезной болезни, которая настигла ее в 22 году н. э. Она никогда не выставляла своих чувств напоказ, и вполне возможно, что ей так и не удалось проникнуть в душу замкнутого Тиберия. Тацит признает, что до ее болезни в 22 году н. э. у них были хорошие отношения; потом Тиберий сильно привязался к Сеяну – это верный признак того, что он сильно страдал от

одинокства, и эта дружба, вероятно, отдалила его от матери. Мы ничего не знаем о том, как Ливия относилась к Сеяну или как он относился к ней. Молчание источников очень интересно и говорит само за себя. Несомненно, Августа понимала, что с годами Тиберий становится все менее популярным в Риме, и, несомненно, любовь римлян к ней тоже угасла. Мы не знаем, пыталась ли она поговорить с ним об этом, или его поездка на Капри, в которую он отправился по собственному желанию, разрушила их связь (как думал Сеян); глупо было бы высказывать на этот счет какие-то догадки. Предположение Тацита о том, что Тиберий уехал на Капри, чтобы спастись от ее навязчивого руководства, глупо и бессмысленно.

Ее, должно быть, сильно согревала любовь невестки Антонии, которая, подобно ей самой, была очень занятой женщиной, посвящая все свое время управлению своими имениями и помощи бесчисленным просителям и друзьям.

Несчастья преследовали несколько поколений ее семьи. Юлия Старшая умерла в ссылке в 15 году н. э. в возрасте пятидесяти трех лет, и ее дочь тоже умерла в ссылке, в 28 году н. э. Из трех ее внуков Германик трагически погиб на Востоке в 19 году н. э., а через четыре года скончался и Друз, сын Тиберия. Поведение их вдов стало для нее источником постоянных неприятностей. Если верить слухам (а на этот раз они очень близки к истине), жена Друза Ливилла (сестра Германика и внучка Августы) оказалась замешана в убийстве своего мужа и была любовницей этого выскочки Сеяна. Этот слух распустила Агриппина – она сообщила всем, как само собой разумеющееся, что ее муж Германик был убит в Сирии. Его якобы отравила подруга Августы Планцина, жена губернатора Сирии, и это было сделано по прямому приказу Августы и Тиберия. Она, подобно Планцине, была женщиной не промах; обе в свое время принимали участие в командовании войсками, которые номинально подчинялись их мужьям. А теперь Агриппина, вцепившись в шестерых своих выживших детей, изображала безвинно обиженную и боролась против враждебного мира за их безопасность. У нее стали развиваться мании: оказавшись на обеде у императора, она упорно отказывалась притрагиваться к блюдам, которыми ее угощали, заявляя, что они отравлены. «Неужели ты думаешь, что тебя оскорбляют, не позволяя вести себя подобно царице?» – как-то спросил ее Тиберий, выведенный ею из себя. Она считала Сеяна сильным врагом (причем совершенно справедливо) и после шести лет воинствующего вдовства стала

подумывать, не выйти ли ей снова замуж. Это был единственный признак слабости с ее стороны. Но когда она сказала императору, что хочет снова найти себе мужа, он отверг ее идею. Самый младший из ее правнуков, Гай Калигула, на короткое время поселился в доме своей прабабушки. Легко себе представить, как он ненавидел царившую там дисциплину! Он был очень остроумен и прозвал ее «Улиссом в римской юбке».

Но он недолго мучился – в 29 году н. э. Августа умерла. Ей было восемьдесят пять лет. Через двенадцать лет ее объявили богиней – это был один из первых законов Клавдия после его восшествия на престол. Впрочем, она была не первой римской женщиной, удостоившейся этой почести, – первой стала ее правнучка Друзилла, сестра Гая Калигулы, который причислил ее к лику богов после ее смерти в 37 году н. э.

«Она прекрасно дополняла своего мужа и своего сына: хитрая, как первый, и двуличная – как второй». Такой приговор вынес ей Тацит. Но правда заключалась в том, что она принадлежала по праву рождения к двум выдающимся римским семьям – Клавдиев и Ливиев, и в них не было более выдающейся женщины, чем Ливия.

Вскоре после смерти Августы Агриппина и ее старший сын, по письму Тиберия в сенат, были отправлены в ссылку на острова: Нерон – на Понцию (Понза), а Агриппина – на Пандатерию, которая когда-то стала тюрьмой для Юлии. Их не освободили даже в 31 году н. э., когда Антония сообщила Тиберию, жившему на Капри, свои подозрения о том, что Сеян хочет захватить власть, и он был убит. Как только правда о Сеяне раскрылась и все узнали, какую роль в его гибели сыграла Ливилла, ее вынудили покончить с собой. Агриппина, с которой стража на Пандатерии обращалась крайне жестоко, заморила себя голодом или была доведена до голодной смерти. Она умерла 18 октября 33 года н. э., через два года после насильственной смерти Сеяна. Спустя четыре года, став императором, ее сын Гай Калигула съездил на остров и привез в Рим прах своей матери.

В Риме все те восемь лет, на которые Тиберий пережил свою мать, люди вспоминали о ней с благодарностью, которой она не дождалась при жизни. Они были уверены, что она сдерживала проявление его дурных черт и что все ужасы его правления в последние годы власти проистекали из-за того, что влияние матери прекратилось. Об этом говорит и Тацит, хотя это противоречит всему тому, о чем он писал раньше.

Антония закончила свою жизнь, как и жила, спокойно. После смерти Ливии она забрала внука Гая Калигулу к себе, и он жил там вполне счастливо, пока Тиберий не вытребовал его на Капри. Став императором, Гай решил окружить ее такими же почестями, какими пользовалась Ливия,

и даровать ей титул Августа, но она скромно отказалась; тем не менее Антония стала жрицей богини Августы. Если бы она прожила дольше, то вполне могла бы сдерживать Гая в его эксцессах, ибо все знали, что он ее глубоко уважает. Но она умерла 1 мая 37 года н. э., через шесть недель после его воцарения.

Глава 5. Мессалина, Агриппина и Пoppея

Какая женщина не захочет быть похожей на императрицу?^[11]

Ювенал 6, 617

Жизнь императрицы Мессалины и ее смерть в 48 году н. э.

Супружеская измена для Мессалины была делом привычным и повседневным, и Силий потребовал перестать скрывать свои отношения как раз в то время, когда ей уже самой хотелось устроить какой-нибудь скандал. Силию, должно быть, самой судьбой было назначено лишиться разума; а может, он решил, что надо пойти на риск сейчас, чтобы потом избежать более крупных скандалов. Он говорил ей, что, поскольку у них много друзей, которые боятся за себя не меньше, чем они с Мессалиной, им не стоит ждать, когда император умрет собственной смертью; что, пока люди не совершили никакого преступления, никто не сможет обвинить их в том, что они строят планы на будущее, что для вульгарного преступления нужна смелость и полное отсутствие стыда. Он заявил, что, не имея ни жены, ни детей, готов жениться на Мессалине и усыновить Британника^[12]. Какими бы буйными ни были приступы гнева у Клавдия, он ни за что не поверит в то, что она готова его убить; поэтому, опередив его, Мессалина избавится от своих страхов, а ее власть ничуть не уменьшится.

Но Мессалина колебалась, и вовсе не потому, что любила Клавдия, а из опасения, что, получив верховную власть, Силий может изменить свое отношение к ней. Пока она опасна – это ему нравится, а когда опасность исчезнет, он станет презирать Мессалину за ее склонность к изменам. В то же время сама эта опасность – последнее удовольствие для отъявленной распутницы – заставляет ее страстно желать брака с Силием. Поэтому сразу же, как представилась такая возможность – Клавдий уехал в Остию, чтобы принести жертву богам, – Мессалина и Силий официально вступили в брак.

Я понимаю, что такое может придумать только автор романов – в городе, где все друг друга знают, никто не мог ощущать полной уверенности в том, что их брак останется тайной. Более того, трудно себе представить, чтобы назначенный, но еще не вступивший в должность

консул и императрица выберут день и пригласят свидетелей для подписания брачного контракта, заключаемого «ради рождения детей»; что императрица выслушает слова брачной церемонии, примет вуаль и принесет жертвы богам; что Мессалина и Силий займут свои места на брачном пиру, поцелуются и обнимутся и, наконец, проведут вместе ночь, как новобрачные. «Все эти факты, которые я вам привожу, сообщили мне люди старшего поколения», – безо всяких выдумок писал Тацит.

Дворцовые слуги пришли в ужас, в особенности те, которые занимали самые высокие – и в случае устранения Клавдия самые опасные посты. Все предыдущие скандалы, например, когда танцовщик Мнестер занял место императора в постели Мессалины, не создавали угрозы для жизни Клавдия. Но молодой человек из хорошей семьи, красивый и умный, который вскоре должен стать консулом, – это совсем другое дело. Он сделал большую ставку, и можно было легко себе представить, каков будет его следующий шаг после этой свадьбы. Придворные больше уже не шептались, они открыто негодовали; вне всякого сомнения, все были крайне напуганы: Клавдий очень податлив – просто глина в руках жены – и по ее приказу было казнено уже столько людей! Они возлагали все свои надежды на то, что император прислушается к ним, и думали, что если сумеют опередить Мессалину и поразить его рассказом об этом чудовищном преступлении, то он уничтожит ее еще до того, как будет выдвинуто обвинение. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он выслушал ее оправдания; надо за ткнуть ему уши и не позволить услышать ее искреннее признание.

Поэтому три вольноотпущенника Каллист, Нарцисс и Паллант, которые пользовались в городе наибольшим влиянием, собрались для обсуждения этого дела. Они советовались, стоит ли скрывать, что им все известно, и не нужно ли послать Мессалине несколько тайных предупреждений, которые должны были убедить ее отказаться от любви к Силию. Но они отказались от этой мысли: Паллант – потому, что был трусом, а Каллист – потому, что по своему собственному опыту, полученному при императоре Гае Калигуле, знал, что сохранить власть лучше хитростью, чем безрассудной храбростью. Один Нарцисс отказался бросить это дело. Он решил, что Мессалине не следует знать, что против нее выдвинуто обвинение и кто это сделал. Во время долгого отсутствия императора он ждал, когда ему представится подходящая возможность, и в конце концов остановил свой выбор на двух любовницах императора. Взятками и обещаниями он убедил их рассказать обо всем Клавдию. Если устранить Мессалину, сказал он, то их власть только усилится. Их звали Кальпурния и Клеопатра.

Как только император вернулся и женщины остались с ним наедине, Кальпурния упала перед ним на колени и крикнула: «Мессалина вышла замуж за Силия!», а потом повернулась к Клеопатре, которая ждала ее вопроса и спросила: «Ты слышала об этом?» Клеопатра ответила: «Да», и Кальпурния настояла, чтобы Клавдий послал за Нарциссом. Нарцисс пришел и стал извиняться за то, что он якобы ничего не знал о связях Мессалины с Веттом и Плавтом. «Что касается Силия, – сказал он, – я не собираюсь никого обвинять в супружеской измене, поскольку в этом случае вы потребуете, чтобы он вернул дворец, рабов и все другие вещи, которые она ему подарила. Вы можете разрешить ему все это оставить у себя, но должны потребовать, чтобы он вернул вам жену и отказался от брака с ней. Я полагаю, вы уже знаете, что она с вами развелась и вышла замуж за Силия. За церемонией наблюдали сенаторы, войска и толпы людей на улицах. Нельзя терять ни минуты. Ее муж – хозяин Рима».

Клавдий тут же вызвал самых влиятельных своих советников: сначала – министра продовольствия, а потом – командира преторианской гвардии, и допросил их. Они сказали, что рассказ Нарцисса – истинная правда; другие люди обступили его, советуя, что делать. «Идите в казармы. Убедитесь, что гвардия вам верна. Ваша жизнь – самая важная вещь. О наказании можно будет подумать позже». Клавдий был так напуган, что постоянно спрашивал людей: «Я все еще император? А Силий – простой горожанин?»

Стояла осень, и Мессалина в доме Силия устроила оргию, в которой изображалась винодельня. Прессы давили виноград; вино лилось в чаны. Женщины, облаченные в шкуры, танцевали, как вакханки, приносящие жертвы или впавшие в безумие. Мессалина угрожающе размахивала дирижерской палочкой, ее волосы были распущены по плечам, а Силий сидел с ней рядом, и голова его была увита плющом. На нем была баранья шкура; он мотал головой в такт пению хора, исполнявшего непристойную песню. Говорят, что Веттий Валенс (враг Мессалины) смеха ради залез на огромное дерево, а когда его спросили, что он там увидел, ответил: «Свирепый ветер, дующий из Остии». Быть может, ветер и вправду оттуда дул. А может, он сказал это наугад, но в свете последующих событий его слова приобрели зловецкий смысл.

Вскоре прибыли гонцы, сообщившие, что тайна раскрылась и Клавдий, сгорающий от желания отомстить, едет сюда. Мессалина спряталась в садах Лукулла^[13], а Силий, не желая показывать свой страх, отбыл, с безразличным видом, на Форум, якобы для выполнения своих обязанностей. Участники оргии разбежались кто куда, но, когда появились центурионы, многих арестовали там, где они прятались. Мужество не

покинуло Мессалину, и, хотя у нее не было времени обдумать свои дальнейшие действия, она решила поступить как обычно – встретиться с мужем и поговорить с ним. Такое поведение в прошлом часто ее спасало. Она также послала сообщить своим детям, Британнику и Октавии, чтобы они шли к отцу и бросились ему на шею. Кроме того, попросила старшую весталку, Вибидию, обратиться к императору как к верховному жрецу и умолять его простить ее.

В сопровождении всего лишь трех спутников – остальные друзья разбежались кто куда – Мессалина прошла пешком через весь Рим – лишь на дороге в Остию ей удалось подъехать на мусорной телеге. Никто испытывал к ней жалости – ее скандальные выходки возмущали весь народ.

Император и его сторонники тоже оказались в плену у страха – Гета, командир гвардии, был человеком совершенно беспринципным и не вызывал доверия. Поэтому Нарцисс, поддержанный единомышленниками, сказал императору, что единственно правильный курс действий – это назначить на один день командиром гвардии отпущенника, и тут же предложил свои услуги. А чтобы Л. Вителлий или Ларг Цецина во время поездки в Рим не заставили Клавдия передумать, он уселся вместе с ними в их экипаж.

Как говорили позже, Клавдий вел себя крайне непоследовательно – то критиковал поведение жены, то вспоминал свой брак и то, что его дети еще очень малы. Вителлий только восклицал: «Это ужасно!», «Какой позор!». Нарцисс пытался убедить его взять себя в руки и сказать, что он на самом деле обо всем этом думает. Но ему это не удалось; Вителлий продолжал отвечать невпопад, и понять, что у него на уме, было совершенно невозможно. Ларг Цецина следовал его примеру. Когда появилась Мессалина, кричавшая, что император должен выслушать мать Октавии и Британника, Нарцисс велел ей замолчать и рассказал о ее свадьбе с Силием. Стараясь отвлечь от нее внимание Клавдия, он помахал у него перед носом документами, доказывающими ее преступление. Вскоре добравшись до города, Клавдий захотел встретиться со своими детьми, но Нарцисс отдал приказ увести их. Однако ему не удалось удалить из дворца весталку Вибидию, и она, осыпая Клавдия упреками, стала убеждать его отложить казнь жены и выслушать ее оправдания. Нарцисс ответил, что император заслушает это дело и Мессалине дадут возможность выступить в свою защиту, так что уважаемая дама может вернуться к исполнению своих священных обязанностей.

Это была необычная сцена. Клавдий онемел от горя; Вителлий

выглядел как человек, который не понимает, что происходит; и отпущенник взял дело в свои руки. Приказы отдавал он. Необходимо открыть дом изменника Силия, и император должен идти туда. Как только они оказались в этом доме, он показал Клавдию портрет отца Силия, который, по распоряжению сената, не мог здесь находиться, а также фамильные ценности императорской семьи, принадлежавшие Неронам и Друзам, которые Силий получил от Мессалины в награду за свое подлое поведение. Клавдий к тому времени был уже страшно зол. Нарцисс отвел его в казармы, вокруг которых стояли солдаты, и Клавдий, после вступления Силия, обратился к солдатам с краткой речью. Он кипел от возмущения и едва мог говорить – так стыдно ему было. Выслушав его речь, солдаты разразились громкими криками; они требовали, чтобы им назвали имена обидчиков, и настаивали, что их надо покарать. Когда на трибуну вывели Силия, он не стал защищаться, а просто попросил, чтобы казнь свершилась побыстрее.

Казнили большое число сторонников Мессалины, только Мнестер умер позже других. Он разорвал на себе одежду и закричал, чтобы Клавдий посмотрел на полосы от кнута на его теле и вспомнил, что он был приставлен к Мессалине по его собственному приказу. Он участвовал в заговоре не ради денег или власти, как другие, а из простой необходимости, ибо, если бы Силию сопутствовал успех, его (Мнестера) убрали бы первым. Императору стало жаль Мнестера, и он уже собирался было его помиловать, но отпущенник сказал, что если он, казнив многих благородных людей, пожалеет простого танцора, то сделает большую ошибку. Этот человек совершил преступление – не важно, добровольно или под принуждением – и должен умереть.

В это время в садах Лукулла Мессалина обдумывала план спасения; она надеялась, что он сработает. Временами ее охватывало возмущение – она сохранила свое высокомерие до самого конца. И если бы Нарцисс не расправился с ней сразу же, дело вполне могло обернуться по-другому, и она из обвиняемой превратилась бы в жертву. Ибо, вернувшись во дворец, выпив бокал вина и закусив, Клавдий расслабился и успокоился. Он велел слуге пойти к «бедному созданию» и передать ей, чтобы утром она явилась к нему и объяснила свое поведение. Узнав об этом, Нарцисс встревожился – он понял, что гнев императора остыл, что тот вспомнил о своей любви к жене и пожалел о том удовольствии, которого ему суждено было лишиться сегодня ночью. Поэтому Нарцисс тут же вышел и, найдя нескольких центурионов и офицера, сказал им: «Приказ императора – казнить ее немедленно».

Вольноотпущенник Эводий, которому велели сторожить Мессалину, чтобы она не сбежала, и проследить за ее казнью, пошел прямо в сад и нашел ее лежащей на земле. Рядом сидела ее мать, Домиция Лепида.

Хотя Лепида в дни величия Мессалины была с ней в плохих отношениях, перед смертью она пожалела дочь и попыталась упредить палача.

– Твоя жизнь кончена, – говорила она. – Теперь твоя задача – умереть с честью.

Но Мессалина была так испорчена своей порочной жизнью, что у нее не осталось гордости. Она плакала и причитала. Но тут двери раскрылись, и вошли палачи. Их командир стоял рядом, не говоря ни слова. Зато отпущенник принялся поносить ее самыми последними словами.

Только теперь Мессалина поняла, что надежды на спасение нет. Она приняла кинжал, но ее руки так сильно дрожали, что она не могла вонзить его ни в горло, ни в грудь. И тогда офицер забрал у нее кинжал и заколол ее. Матери разрешили забрать труп, а Клавдию, который в это время ужинал, сообщили, что Мессалина мертва. Он сначала не понял, убили ее или она покончила с собой, но спрашивать не стал. Велел налить ему вина и продолжил ужин. Не продемонстрировал он человеческих чувств – ненависти, удовлетворения, гнева или горя – и в последующие дни. Не тронули его ни радость обвинителей Мессалины, ни горе своих детей. На самом деле он забыл о ней; в этом ему помогло решение сената удалить ее имя и убрать все ее статуи во всех общественных и частных местах.

Так описывает Тацит смерть Мессалины. Это случилось в 48 году н. э.

Мессалина была благородного происхождения, ибо ее предками были с одной стороны Домиции, а с другой – Валерии Мессалы. И со стороны отца, и со стороны матери она приходилась правнучкой Октавии, сестре Августа. Клавдий был двоюродным братом ее матери. Она умерла молодой, прожив около двадцати трех лет. Мессалина вышла замуж за Клавдия в 39 или 40 году, девочкой четырнадцати лет. Клавдий был старше ее на тридцать четыре года – он стал ее мужем в сорок восемь лет. Они правили Римом более семи лет и вззошли на трон после того, как в январе 41 года был убит Гай Калигула. Мессалина родила Клавдию двоих детей, Октавию и Британника. Учитывая ее распущенность, просто удивительно, что никто не усомнился в отцовстве Клавдия.

Мессалина была похотлива, жестока и жадна. То, что она всегда сама завлекала мужчин, но никогда не принимала ничьих авансов, не было следствием одного только ее высокого положения. Она отдавалась каждому новому любовнику со страстью, но, устав от него, приказывала убить. Так

произошло, например, с отпущенником императора Полибием в 47 году. Своих соперниц – вроде сестры Гая Калигулы Юлии Ливиллы, с ее предполагаемым любовником Сенекой – она отправила в ссылку^[14], а тех, кто ее оскорблял, убивала. Так было с Поппеей Сабиной, «самой красивой женщиной того времени», – к тому же гораздо старше ее, что было особенно оскорбительным, – которая увела у нее любовника, актера пантомимы Мнестера. Устранение Поппеи Сабины стало величайшим триумфом Мессалины. Скрыв имя Мнестера, она пустила слух, что совратителем Поппеи был выдающийся консул, галл Валерий Азиатик. Она добилась его казни и присвоила себе его великолепные сады (правда, наслаждаться ими ей пришлось совсем недолго – всего один год).

Без активной помощи императорского отпущенника она не смогла бы так быстро достичь своей цели. Помогло также и попустительство дяди императора, бесхребетного лизоблюда Л. Вителлия, которому Клавдий доверял. Знал ли император о поступках своей жены, история умалчивает.

А поступки эти, как и следует думать, были шокирующими. Но в мире, где буйствовало непристойное воображение, где таинственное «досье» ее преступлений, переданное Нарциссом Клавдию, породило многочисленные догадки, и по крайней мере один историк, Фабий Рустик, друживший с Сенекой, с помощью своего пера сумел отомстить Мессалине, распространялись такие истории, что в сравнении с ними истина бледнела. Рассказывали, что, спрятав под льняным париком свои черные волосы, Мессалина под именем Лициски регулярно и неутомимо обслуживала клиентов в одном закоптелом борделе (большинство самых непристойных подробностей этого были известны Ювеналу, а Плиний Старший знал еще больше), что она устроила бордель в императорском дворце, где проститутками служили женщины из самых высоких слоев общества, а их мужья выполняли роль сводников (все это описал Кассий Дион). Но Клавдий, вероятно, только делал вид, что ничего не замечает. И тот факт, что Тацит, рассказывая о «подвигах» Мессалины, не приводит подобных слухов, служит лишним подтверждением тому, что все это выдумки.

Счастливый роман Мессалины с К. Силием продолжался не более года; всего лишь год назад она заставила его развестись с женой Юнией Силаной и стать ее любовником. «Силий хорошо понимал, какая опасность ему грозит; но отказ Мессалине означал для него верную смерть, и он надеялся, что их связь удастся сохранить в тайне. Она по-царски наградила его, и он принял философское решение – наслаждаться жизнью, а там будь что будет. Однако Мессалина вовсе не желала ничего скрывать. Она приходила к нему в дом в сопровождении огромной свиты; когда они

выходили из дома, прижималась к нему. Кроме того, осыпала его деньгами и почестями. Можно было подумать, что он поменялся с императором местами. Рабы императора, его отпущенники и даже его фамильные ценности перекочевали в дом любовника [Мессалины]».

Самый красивый мужчина своего времени, Силий принадлежал к семье, которая выдвинулась при Августе. Менее чем через полвека она дала Риму пятерых консулов и стала патрицианской. Его отец, друг Германика и Агриппины Старшей, командовал войсками в Верхней Германии с 14 по 21 год н. э. В 24 году его принудили покончить с собой. Среди почестей, которых молодой Силий добился с помощью своей любовницы-императрицы, было, без сомнения, выдвижение его кандидатуры на пост консула в 48 году. Ему только что перевалило за тридцать (возможно, он был ровесником Агриппины Младшей), но в ту пору члены патрицианских семей вполне могли становиться консулами в возрасте тридцати двух лет, то есть на десять лет раньше тех, чье происхождение было менее благородным.

Силий обладал не только красивой внешностью. Он был прекрасным оратором, и к тому же удачно женился – словом, впереди его ждала блестящая карьера. Однако Силий был тщеславен, это, по-видимому, и объясняет, как он попал в сети Мессалины. А попав туда, выбраться уже не смог. То, что Клавдий ничего не знал об их романе, может показаться невероятным, если бы не пример Юлии, «подвиги» которой стали известны всему Риму задолго до того, как их обнаружил Август. Силий и Мессалина зашли уже так далеко, что даже безумная затея со свадьбой показалась им вполне безобидной.

Красота Силия сыграла с ним дурную шутку. Это стало темой для 10-й сатиры Ювенала, где он пишет о тщете человеческих желаний:

Что же ты посоветовать мог тому, кто хочет супруга
Цезаря взять в мужья? Он всех лучше, всех он красивей,
Родом патриций – и вот он влечется несчастный на гибель
Ради очей Мессалины: она уж сидит в покрывале,
Будто невеста: в саду у всех на глазах постилают
Ложе тирийским бельем, по обряду в приданое будет
Выдан мильон, и придут и жрец, и свидетели брака...
Думаешь, это секрет и доверено это немногим?
Хочет она по закону венчаться. Ну, что же тут делать?
В повиновенье откажешь – придется погибнуть до ночи;
На преступленье пойдешь – получишь отсрочку, покуда

Дело известное всем до ушей не достигнет владыки;
Он о позоре своем домашнем узнает последним.
Ну, а тем временем ты подчиняйся, раз столько стоят
Несколько дней. Что бы ты ни считал легчайшим и лучшим, —
Нужно подставить под меч свою белую нежную шею^[15].

Даже в развратном мире времен начала Римской империи брак императрицы с простолюдином при живом императоре и без его ведома был столь фантастичным и диким, что потряс всех до глубины души. Два поколения спустя об этом писал Ювенал, давая свою оценку этому событию. И по крайней мере один человек не поверил, что такое возможно, и объяснил всю эту историю по-своему. Он высказал предположение, что Клавдий на самом деле знал о готовящемся браке и даже стал свидетелем на свадьбе и поставил свою подпись на контракте о приданом. Он сделал это – по мнению автора этой теории – потому, что только брак мог предотвратить неминуемое несчастье, и Клавдия заверили, что это просто видимость свадьбы и не более того. Светоний, который приводит эту версию, совершенно справедливо ее отвергает. Присутствие Клавдия на свадьбе испортило бы все удовольствие.

Брак Мессалины и Силия дал Нарциссу и другим отпущенникам, которые, вероятно, из-за гибели Полибия от нее отвернулись, шанс нанести удар. Но даже в этом случае ручаться за успех было нельзя, поэтому Нарцисс должен был действовать крайне осторожно. Если бы имелся хотя бы малейший шанс заподозрить Мессалину и Силия в заговоре с целью убийства Клавдия или лишения его власти, этот шанс был бы использован. Но его не было; и между брачной церемонией и тщательно продуманным сообщением об этом Клавдию прошло несколько дней. Из рассказа Тацита явствует, что без истерических обвинений Нарцисса не только Клавдий, но и его советники, вроде Вителлия, вполне могли решить, что новая выходка Мессалины не более серьезна, чем ее обычные грешки, о которых они уже знали.

Церемонию брака ни в коем случае нельзя считать законной. Для Мессалины это был просто повод развлечься, и Кассий Дион, вероятно, находился не так уж далеко от истины, когда писал, что Мессалина решила пройти через официальную церемонию бракосочетания, чтобы потом не раз повторить ее с будущими любовниками. В римском обществе первых лет империи устраивались пародии и грандиознее. Во времена правления Нерона патриций Семпроний Гракх, человек, называвший себя

гладиатором, сочетался официальным браком с мальчиком-музыкантом, игравшим на корнете, который даже получил приданое в 400 тысяч сестерциев. А в 64 году н. э. Нерон, облачившись в фату невесты, вступил в официальный брак с одним из своих друзей-распутников.

Смерть Мессалины оплакивали ее дети, и больше никто. Трудно поверить, но на следующий день после ее гибели рассеянный муж заметил отсутствие жены за обеденным столом и спросил, где она. То же самое случилось и тогда, когда за несколько дней до этого Мессалина довела Поппею Сабину до самоубийства и Клавдий спросил мужа Поппеи, почему он пришел без жены. На что тот ответил, что ему очень жаль сообщать императору, что его жена умерла.

Тем не менее есть сведения, что, обращаясь к своей гвардии, Клавдий сказал: «Поскольку мой брак оказался неудачным, я больше не женюсь; и если я нарушу свое слово, то разрешаю вам заколоть меня». Впрочем, вскоре он почувствовал необходимость вступить в новый брак, и отпущенники соревновались в поисках новой жены для него. Было три кандидатуры: Элия Петина, с которой он когда-то развелся и от которой имел дочь Антонию; Лоллия Паулина, которая когда-то была женой Гая и знала, что значит быть императрицей, и Юлия Агриппина, его племянница, мать Нерона.

Он выбрал Агриппину, которую усиленно сватал ему отпущенник Паллант. Агриппина приходилась близкой родственницей Клавдию, но сенат сделал вид, что надавил на императора, а Клавдий сделал вид, что подчинился его решению. В определение инцеста были внесены поправки, так что другие люди могли теперь следовать примеру императора. Этим воспользовались два человека: один центурион, на свадьбе которого присутствовали император и новая императрица, и сын одного отпущенника. Как пишет Светоний: *se non è vero, è ben trovato*.

Жизнь императрицы Агриппины и ее смерть в 59 году н. э.

Когда Ц. Випсаний и Ц. Фонтей стали консулами, Нерон совершил давно задуманное преступление. Он пробыл императором уже достаточно долго, чтобы обрести смелость и уверенность в своих силах, а его страсть к Поппее усиливалась с каждым днем. Зная, что при жизни Агриппины Нерон никогда не разведется с Октавией и не женится на ней, Поппея часто в насмешку называла его «принцем-ребенком», поскольку он делает то, что

ему приказывают другие, а ведь он – правитель Рима и может поступать как ему вздумается.

«Почему мы не можем пожениться? Тебе что, не нравится, как я выгляжу? Или, несмотря на все триумфы, моя знаменитая семья недостаточно знатна для тебя? Или ты боишься, что у меня не будет детей? Или что я тебя не люблю? Я знаю, в чем дело! Тебя ужасает мысль, что, став твоей женой, я открою тебе глаза на оскорбления, которым твоя мать подвергала членов сената, и на то, что ее наглость и жадность вызывает всеобщее возмущение? Если Агриппина может терпеть только такую невестку, которая настроена против ее сына, то я желала бы, чтобы мне разрешили вернуться к Отону; в конце концов, это мой муж. Лучше я буду жить вдалеке от Рима и слушать рассказы об оскорблениях, которым подвергается император, чем видеть все это своими глазами и, подобно ему, трястись за свою жизнь». После этого она, как опытная соблазнительница, начинала рыдать, желая, чтобы ее слова дошли наконец до Нерона. Никто ее не останавливал, поскольку все мечтали лишиться власти Агриппину, однако никому и в голову не могло прийти, что ненависть Нерона доведет его до убийства матери.

Решимость Агриппины не выпускать сына из подчинения была такова, что, если верить историку Ключвию, она несколько раз, при дневном свете, когда Нерон был навеселе после обеда, появлялась перед ним тщательно накрашенной, несомненно приглашая вступить в кровосмесительную связь. Она целовала его с неподобающей страстью и вкрадчивыми речами доводила до греха. Все сидевшие за столом это замечали, и однажды, когда она снова принялась соблазнять сына, Сенека обратился за помощью к девушке Акте. Ее отец когда-то был рабом, и она разделяла тревогу Сенеки, поскольку боялась за себя и за Нерона, над которым нависла опасность. Сенека велел ей сообщить Нерону, что его мать хвастается своим поведением и что войска не потерпят над собой такого императора. Фабий Рустик подтверждает, что скандал был предотвращен благодаря Акте, дочери раба; но, по его словам, насилие совершал Нерон, а не его мать.

Другие авторы подтверждают версию Ключвия, и обычно излагают именно ее. Агриппина, быть может, и вынашивала такие планы; учитывая ее прошлое, она была способна на все. Будучи еще совсем юной и желая потешить свое тщеславие, она стала любовницей Лепида; по этой же причине она выполняла желания Палланта, а брак с собственным дядей стал тренировкой во всяких мерзостях.

Нерон старался никогда не оставаться с ней наедине; когда она сообщала ему, что хочет уехать в парк или в деревню – в Тускулум или в

Анций, он всегда одобрял ее желание отдохнуть. Но в конце концов он понял, что в любом месте, где бы ни была, его мать создает проблемы, и решил, что она должна умереть. Надо было только решить, каким способом лучше от нее избавиться – с помощью яда, ножа или чего-нибудь другого. Против первой идеи – отравления – было несколько возражений. Подсунуть яд можно было на пиру, но тогда, как и в случае с Британником, нельзя будет сказать, что это произошло случайно. Кроме того, яд должна будет подложить одна из ее служанок, но сделать это будет трудно, поскольку Агриппина подозревала, что ее попытаются отравить; кроме того, она регулярно принимала противоядие. Против убийства холодной сталью было два возражения: этого никак нельзя было сделать незаметно, поскольку жертвой должна была стать императрица, и существовала опасность того, что убийца откажется это сделать.

В конце концов этой проблемой занялся отпущенник Аникет, который командовал флотом в Мизене. Он был учителем маленького Нерона и ненавидел Агриппину не менее сильно, чем она его.

Он сказал, что надо сделать на корабле пристройку, которая могла бы отвалиться во время плавания, только надо было обставить все так, чтобы все подумали, будто Агриппина упала в воду случайно. «На море, – сказал он, – все может случиться. Если она погибнет во время кораблекрушения, никому и в голову не придет, что все было подстроено, а не произошло по воле волн и ветра. Как император, вы, естественно, возведете храмы и алтари в ее честь и продемонстрируете свое почтение матери другими способами».

Это предложение было принято; оно поступило в самый подходящий момент – император как раз собирался на праздник Минервы в Байи, и ему удалось убедить мать присоединиться к нему. Он также распустил слухи о том, что они с матерью помирились, заявив, что если родители сердятся, то мужчина должен подчиниться их воле. Он надеялся, что Агриппина, как всякая женщина, легковерна и клюнет на эту приманку. Она прибыла в Анций по морю, и Нерон, явившись на пристань, подал ей руку, обнял и проводил в Баули, на виллу, расположенную между мысом Мизен и заливом Байи, прямо на берегу моря. Один из кораблей, стоявших на якоре, был украшен богаче других. Все понимали, что это было сделано в честь императрицы, которая раньше путешествовала на военных кораблях, где служили военные моряки.

Потом ее пригласили на ужин, намереваясь убить под покровом ночной темноты. В это время кто-то сообщил Агриппине о готовящемся покушении, но она не знала, верить этому или нет. Тем не менее она

отправилась в Байи; ее отнесли на носилках. Оказанный ей прием заставил ее забыть все свои страхи; Нерон тепло встретил мать и усадил на самое почетное место. За столом шел оживленный разговор, Нерон говорил то с мальчишеским задором, то серьезно, словно доверял матери очень важные тайны. Обед завершился очень поздно, и он прощался с Агриппиной, глядя ей в глаза и нежно обнимая. Нерон сыграл роль безупречно – если, конечно, невзирая на свою бесчеловечность, не был искренне тронут тем, что посылает мать на верную смерть и больше уже ее никогда не увидит.

Провидение словно специально позаботилось о том, чтобы всем было видно, как совершается преступление: ночь была ясной и звездной, а море – спокойным. Агриппину сопровождали двое друзей: Креперей Галл, который стоял у руля, и Ацеррония, сидевшая у ее ног. Корабль только что отошел от берега, и Ацеррония громко радовалась тому, что Нерон забыл о своих обидах и помирился с матерью, но тут, по специальному сигналу, усиленная свинцом крыша рухнула на голову Креперея, убив его на месте. Агриппину и Ацерронию спасли высокие края дивана, которые оказались достаточно прочными, чтобы выдержать вес рухнувшей крыши. Сам корабль не разломился, потому что в общей суматохе большое число людей, которые не участвовали в заговоре, преградили путь тем, кто в нем участвовал.

Гребцы решили перебежать на один борт судна, чтобы оно перевернулось; но замешкались, обсуждая, что делать, и часть людей успела перебежать на другой борт, уравновесив тем самым корабль. Тогда все стали прыгать в море. Преданная Ацеррония закричала: «Я – Агриппина. Помогите матери императора!»; ее забили насмерть палками, веслами и всем, что было под рукой. Агриппина держала рот на замке, и поэтому ее никто не узнал; она получила лишь один удар по плечу и прыгнула в море; она плыла, пока ее не подобрала небольшая парусная лодка, из тех, что прибыли на место трагедии. Ее отвезли на озеро Лукрин, а оттуда – на виллу.

Только теперь Агриппина поняла, зачем сын пригласил ее в это путешествие и оказал такие почести. Не успев отойти от берега, в совершенно безветренную погоду и в отсутствие подводных скал, корабль развалился, словно декорация на сцене. Однако гибель Ацерронии и ее собственная рана подсказали ей, что лучше всего сделать вид, будто она так и не поняла, что случилось. Агриппина отправила вольноотпущенника Агерина к Нерону, велев передать ему, что по милости богов и благодаря удаче она чудом избежала смерти и нуждается в покое, и попросила, чтобы он не приходил к ней, пока она сама его не позовет, несмотря на все его

беспокойство. Она постаралась скрыть свою тревогу; перевязала рану и приняла успокоительное. Что касается Ацеронии, то не было никакой нужды притворяться – Агриппина приказала, чтобы ей принести завещание подруги, а все ее имущество было опечатано.

Нерон ждал вестей о том, что убийство совершилось, но вместо этого ему сообщили, что мать сумела избежать смерти, отделавшись небольшой раной, но была так близка от гибели, что у нее не осталось сомнений, чьих это рук дело. Нерона охватила паника; он кричал: «Она сейчас явится сюда и отомстит мне, клянусь, она это сделает! Она вооружит своих рабов, поднимет войска. Она обратится в сенат и к народу. Она попала в кораблекрушение и была ранена, а ее друзья – убиты, и она сразу поняла, что убить хотели ее. Как мне остановить ее?» Единственная надежда была на Бурра и Сенеку.

Нам неизвестно, участвовали они в заговоре или нет^[16]. Нерон велел немедленно разбудить их и привести к себе. Долгое время никто из них не нарушал молчание. Не было никакого смысла разубеждать Нерона, что все обойдется. Вероятно, они считали ситуацию безнадежной – если Агриппину не убрать, Нерону придется умереть.

Первым заговорил Сенека. Он посмотрел в глаза Бурру и спросил: «Следует ли отдать войскам приказ убить ее?», на что Бурр ответил: «Преторианцы обязаны хранить верность всем членам императорской семьи. Они хорошо помнят Германика и конечно же откажутся поднять руку на его дочь. Аникет дал мне обещание; он справится с этим делом лучше нас».

Без промедления был вызван Аникет, которому приказали пойти и убить Агриппину. После этого Нерон сказал: «Сегодня я стану императором, и этим я буду обязан вольноотпущеннику. Иди быстрее и возьми людей, которые всегда подчиняются приказам и не теряют времени даром». После этого ему доложили, что пришел Агерин с вестями от Агриппины, Нерон специально уронил меч у его ног, когда тот передавал свое сообщение. Сделав вид, что поймал его с поличным, Нерон приказал арестовать посланца. Он собирался сообщить людям, что его мать, узнав о том, что ее замыслы были раскрыты, покончила с собой.

Когда распространились вести о том, что Агриппина чуть было случайно не утонула, люди бросились на берег. Они взбирались на сооружения гавани, даже на корабли, стоявшие на якоре; некоторые зашли в море по самое горло, другие протягивали к небу руки. Берег был забит людьми до отказа; все спрашивали, что случилось, и получали ответы, которые ничего не объясняли. Тут появилась большая толпа людей с

факелами. Прошел слух, что Агриппина жива, и толпа собралась уже пойти и поздравить ее, как явились солдаты, вооруженные и грозные, и люди разошлись.

Расставив солдат вокруг виллы, Аникет силой ворвался в переднюю дверь, арестовал всех слуг, которые ему попались, и дошел до двери в спальню Агриппины. Здесь стояло несколько слуг – остальные, увидев солдат, в ужасе бежали. Спальня была слабо освещена; Агриппина находилась там одна, вместе со своей рабыней. Ее очень тревожил тот факт, что никто, даже Агерин, не вернулся из дворца ее сына. Если бы все было хорошо, атмосфера во дворце была бы совсем иной; неожиданный шум, возникший после того, как все ее бросили, говорил о том, что сбылись самые худшие ее опасения. Рабыня хотела выйти, и, спрашивая ее: «Ты меня тоже бросаешь?», Агриппина увидела за ее спиной Аникета и сопровождавших его людей: Геркулея, капитана корабля, и морского офицера по имени Обарит. Агриппина сказала: «Если вы пришли узнать о том, как я себя чувствую, то сообщите моему сыну, что мне уже лучше. Если же вы пришли меня убить, то я отказываюсь верить в то, что мой сын отдал приказ убить свою мать». Убийцы бросились к Агриппине, и капитан ударил ее по голове дубинкой. Увидев, что офицер вытащил меч, чтобы пронзить ее, она показала на свой живот и произнесла: «Бей сюда».

Она получила несколько ударов и умерла.

В том, как была убита Агриппина, сомнений нет; но о том, видел ли Нерон тело своей матери и вознес ли ей хвалу, мнения расходятся. Ее положили на кушетку и в ту же ночь сожгли, как самую простую служанку. Пока Нерон был императором, ее прах так и не был захоронен с почестями. Она могла бы поблагодарить своих слуг за то, что они погребли ее в скромной могиле в горах около дороги на Музенум и виллы, принадлежавшей Юлию Цезарю, откуда был виден залив.

Когда был зажжен погребальный костер, отпущенник Мнестер, служивший у Агриппины, вонзил себе в грудь кинжал – быть может, в знак преданности своей госпоже, а быть может, потому, что боялся также быть казненным.

Агриппина предвидела свою насильственную смерть, но не тревожилась по этому поводу. Спросив прорицателей о том, какая судьба ждет Нерона, она получила ответ: «Он станет императором и убьет свою мать». На это она сказала: «Если он станет императором, то пусть убивает».

Преступление было совершено еще до того, как Нерон сумел оценить его последствия. Он провел остаток ночи в угрюмом молчании, но несколько раз вскакивал, поскольку был охвачен паникой и потерял всякую

способность здраво мыслить. Нерон с ужасом ждал наступления дня, словно тот должен был принести ему смертный приговор. Вернуть надежду и способность соображать помог ему Бурр, по приказу которого центурионы и их офицеры пожали ему руку и поздравили с тем, что удалось избежать неожиданной опасности и попыток матери убить его. После этого друзья Нерона пошли в храм^[17], а за ними и жители соседних городов. Здесь были принесены жертвы богам; сюда к нему явились депутации с выражением радости. Он не уступал им во лжи, демонстрируя свою скорбь, оплакивая смерть матери и делая вид, что жестоко сожалеет о том, что не умер сам.

Природа, в отличие от людей, не терпит фальши; глядя на мрачное море и берег, где произошла трагедия, некоторые даже утверждали, что с окружающих гор доносились звуки труб, а из могилы Агриппины – плач. Нерон решил уехать в Неаполь. Оттуда он послал депешу в сенат, в которой говорилось, что один из отпущенников его матери, которому она больше всех доверяла, был задержан с оружием в руках и что, осознав свою вину в желании убить своего сына, она покарала саму себя.

Нерон вспомнил и прошлые грехи матери: она хотела управлять империей вместе с ним и требовала, чтобы гвардия принесла ей, женщине, присягу; сенат и народ тоже должен был пройти через это унижение. Когда же эти требования были отвергнуты, она отвернулась от армии, сената и плебса и попыталась убедить Нерона не заниматься больше благотворительностью и стала плести заговоры с целью убийства выдающихся государственных мужей. Он приложил невероятные усилия, чтобы помешать ей являться на заседания сената и самостоятельно выполнять просьбы иностранных посольств. Нерону удалось даже «лягнуть» правительство Клавдия, свалив на свою мать всю ответственность за преступления его авторитарного режима. Риму повезло, говорил он, что Клавдий умер. Он даже описал кораблекрушение – как будто кто-то еще верил, что оно произошло случайно. Нерон утверждал, что это был заговор с целью уничтожить императорские когорты, и этот заговор подавил один человек с оружием, напавший на женщину, которая чуть было не утонула! Сенат хорошо знал, что жестокость Нерона не поддается описанию, но критика обрушилась не на него, а на Сенеку. Речь императора расценили как признание своей вины, и все решили, что ее автором был Сенека.

В римском сенате политики соревновались в том, кто больше других угодит Нерону. Они объявили, что будут ежегодно, в благодарность богам, проводить игры в память о раскрытии заговора, случившегося во время

праздника Минервы. Кроме того, решено было воздвигнуть золотую статую Минервы рядом с портретной статуей императора, стоявшей в Доме сената. День рождения^[18] Агриппины сенат объявил днем дурного предзнаменования. Раньше, когда объявлялись низкопоклоннические почести, Петус Фразея либо отказывался выступать, либо произносил ядовитые речи; но на этот раз он своим поступком обеспечил себе большие неприятности, ни на шаг не приблизив свободу людей. Он просто встал и вышел из сената.

В ту пору случилось много необъяснимых чудес. Одна женщина родила змею, другую, вместе с мужем, убила в постели молния. Случилось неожиданное затмение солнца, а все четырнадцать районов Рима поразили молнии. Все это свидетельствовало о том, что боги отвернулись от людей и преступное правление Нерона должно было продлиться еще очень много лет.

Желая подчеркнуть непопулярность своей матери и продемонстрировать свое собственное милосердие, Нерон велел вернуть из ссылки тех людей, которых отправила туда Агриппина: двух женщин из хороших семей, Юнию Кальвину и Кальпурнию; двух бывших преторов, Валерия Капито и Лициния Габола. Он даже разрешил перенести прах Лоллии Паулины в Рим и опустить его в гробницу. Он простил двух человек, которых совсем недавно отправил в ссылку, – Итурия и Кальвизия. Силана, которая попала в немилость из-за того, что Агриппина испытывала к ней неприязнь, заболела и умерла в Таренте, возвращаясь из отдаленных мест домой. Это произошло, когда Агриппина уже теряла свою власть или, по крайней мере, свою мстительность.

Нерон не уезжал из Кампаньи, потому что никак не мог решить – каким образом ему лучше войти в Рим. Следует ли получить раболепное приветствие от сената или овации от народа? Самые льстивые из его придворных – а в годы его правления таких было гораздо больше, чем в другие, – заверили его, что имя Агриппины опозорено навеки, а его популярность после ее гибели сильно возросла. Они убеждали его отбросить все страхи, поехать в Рим и увидеть столицу, лежащую у его ног. Они требовали права пройти по улицам впереди него^[19].

Однако энтузиазм римлян оказался куда больше, чем предсказывали льстецы. Люди собрались целыми семьями, сенаторы надели праздничные одежды, женщины и дети стояли рядами – они выстроились по возрастам, мальчики и девочки отдельно. Вдоль маршрута его движения были воздвигнуты трибуны с сиденьями, как во время триумфов.

С гордым высокомерием, ликуя в душе от павшего к его ногам Рима, Нерон взошел на Капитолий и принес жертвы богам. После этого он дал волю непомерным аппетитам своих приближенных, которых уважение к его матери, хотя и не очень сильное, если не подавляло, то по крайней мере сдерживало.

Так описывал Тацит гибель Агриппины; он использовал труды историков, живших вскоре после того, как случилась эта трагедия. Его скандальное предположение об инцесте не следует принимать всерьез, поскольку начиная с описания выдающихся людей времен республики и далее он слишком часто давал волю своему воображению и повторял сплетни некритически относившихся к своему материалу или беспринципных историков. Обвинения, которые Тацит предъявлял выдающимся людям, совершенно неубедительны.

Другие историки мало что добавляют к его рассказу. Нерон правил после этого еще девять лет и, по мнению Светония, страдал от ночных кошмаров. Зато Аникет спал спокойно. Он избавил Нерона от матери, а три года спустя, с тем же невозмутимым спокойствием, и от жены. После этого он ушел в отставку и зажил богатым господином. Умер Аникет своей смертью.

То, что Нерон убил свою мать по совету Пoppей и ради Пoppей, поначалу может показаться маловероятным – зачем тогда он ждал три года, прежде чем развестись с Октавией и жениться на ней? Однако, как мы увидим далее, это предположение может оказаться справедливым.

Мессалина и Агриппина, третья и четвертая жены Клавдия, были необыкновенно красивые женщины. Более резко выписанные черты Агриппины свидетельствуют о том, что ее красота была более утонченной, чем у круглолицей похотливой Мессалины. Агриппина, быть может, не унаследовала выдающихся моральных качеств своей матери, которая служила образцом римской жены; но она задумывала и совершала недостойные поступки только ради удовлетворения своих политических амбиций, которые передала ей мать. Ее отцом был Германик, но от него она не унаследовала ни слабости характера, ни огромного личного обаяния.

Из восьми детей Германика и Агриппины Старшей выжили шестеро: три мальчика и три девочки, родившиеся после братьев. Гай Калигула был самым младшим из сыновей. Агриппина, появившаяся на свет в 15 году н. э., была старшей из дочек. Она родилась в Кельне. Основанный М. Агриппой, ее дедом, этот город получил название Ара Убиорум или Оппидум Убиорум (столица Убии). Став римской колонией, он в честь

Агриппины был назван Агриппинензисом, после того как в 50 году н. э. она вышла замуж за императора Клавдия.

Германик трагически погиб в Сирии в 19 году н. э., в это время Агриппине Младшей было всего четыре года. Ее дом в последующие десять лет стал самым несчастливым в Риме: ее братья и сестры и она сама росли под бесконечные жалобы о действительных и воображаемых бедах своей матери. Император Тиберий не жаловал эту семью, а его всесильный министр Сеян относился к ней с нескрываемой враждебностью.

В 29 году н. э. ее мать Агриппина и самый старший брат были отправлены в ссылку. На следующий год арестовали Друза.

Впрочем, к тому времени Агриппина уже покинула семью матери. Она вышла замуж в 28 году н. э., когда ей исполнилось тринадцать лет – обычный возраст для замужества. Ее мужем стал Ц. Домиций Агенобарб, который совсем не походил на своего выдающегося отца, ставшего в 16 году до н. э. консулом. Об Агенобарбе говорили (и вполне справедливо), что это «человек во всех отношениях неприятный».

В 32 году н. э. Сеян умер, но матери Агриппины и двух ее старших братьев на свете уже не было. Прошло еще пять мрачных лет, пока наконец тучи не развеялись. 16 марта 37 года н. э. скончался Тиберий, а два дня спустя императором стал брат Агриппины Гай Калигула. Их мать не дожидая до осуществления своей мечты пять лет.

Гай был сильно привязан к своим сестрам. Этот вполне понятный несчастливый результат их мрачного воспитания вызывал в римских салонах нескончаемые разговоры об инцесте. Сестры получили небывалые общественные почести. Одна из этих почестей оказалась весьма странной, поскольку девушки уже были замужем – им присвоили звание «почетных весталок». Агриппина к тому же была беременна – 15 декабря 37 года она родила сына, которого называли Нерон. Правда это или нет, но, получив от своих друзей поздравления с рождением сына, ее муж ответил, что «любой ребенок от Агриппины – чудовище, которое станет проклятием для нашего народа».

К счастью, Агриппина недолго страдала от грубости мужа, поскольку у Домиция развилась водянка и через два года он умер. Для Агриппины было очень важно то, что она имела сына, которого не было ни у императора, ни у ее сестер. И через четырнадцать лет она исполнила мечту своей матери – стала матерью императора.

Но она совершила ошибку в самом начале. Гай (которому было всего двадцать шесть лет) назначил своим преемником М. Эмилия Лепида, мужа своей любимой сестры Друзиллы. Однако в 38 году Друзилла умерла;

Агриппина, вполне естественно, захотела выйти замуж за Лепида. И хотя ее муж Домиций был еще жив, стала любовницей Лепида. Участвовала ли она в заговоре против Гая Калигулы, мы не знаем. Об этом заговоре сообщили императору, и в 39 году в Майнце, куда уехал Гай вместе с Лепидом и двумя сестрами, заговор был раскрыт. Лепида казнили, и Гай с циничной грубостью передал Агриппине урну с его прахом, добавив при этом, что она может отвезти его в Рим. Вместе со своей сестрой Юлией Ливиллой она была сослана на остров Понцу, а Гай устроил себе развлечение, распродав на аукционе все их владения в Лионе. Это случилось зимой 39/40 года. В 40 году, под предлогом того, что Агриппина была любовницей Отона Тиггеллина, Отона отправили в ссылку. Через двадцать два года он станет префектом преторианской гвардии Нерона и одним из самых зловещих его друзей.

Для Агриппины это стало трагедией, и, если бы Гай в январе 41 года не был убит в Риме, она бы погибла. Но Клавдий вернул ее из ссылки и возвратил деньги за проданное имущество. Домиций к тому времени уже умер, и она стала присматривать себе нового мужа. Говорят, что она хотела выйти замуж за Гальбу; если бы ей это удалось, история Рима потекла бы по другому руслу. В конце концов она вышла замуж за Пассиена Криспа, который в 44 году во второй раз стал консулом. Он был умен и к тому же богат – его состояние насчитывало 200 миллионов сестерциев. Его жена, по имени Домиция, с которой он развелся, приходилась Агриппине золовкой. А поскольку своих детей у него не было, можно было надеяться, что он поможет продвинуться ее сыну – своему пасынку и одновременно племяннику.

Перспективы Нерона стать императором были теперь не такими радужными, как раньше, ибо император Клавдий имел сына Тиберия Клавдия, которого позже стали звать Британником. Он был одним из двух детей, которых родила ему Мессалина. Британник появился на свет в 41 году, так что был на три или четыре года младше Нерона. Для него и его сестры Октавии судьба припасла одни невзгоды. Оба они были, вероятно, очень запуганными детьми. Нерон, хоть и не был запуган, привлекательностью не отличался: в поисках популярности он всегда ссылался на тот факт, что он – внук Германика. А в Германике было нечто романтическое, и поэтому после смерти его помнили два поколения.

Мать Мессалины, Домиция Лепида, была сестрой Домиция Агенобарба, так что Мессалина приходилась Агриппине племянницей. Между ними не было открытой вражды, возможно, потому, что Агриппина была достаточно проницательна для того, чтобы понимать: конец

Мессалины не за горами, и спокойно его дожидалась. Когда он наступил, она тут же затеяла интригу и была готова сделать влиятельного отпущенника Палланта своим любовником ради того влияния, которое он имел на ее дядю Клавдия. Палланту удалось устранить Пассиена; в закон об инцесте были внесены изменения, и в 49 году Агриппина вышла замуж за Клавдия. Его двор снова оказался под влиянием сильной женщины.

«Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы. Побуждаемая отнюдь не разнузданным своеволием, как Мессалина, она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. На людях она выказывала суровость и еще чаще – высокомерие; в домашней жизни не допускала ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти. Непомерную жадность к золоту она объясняла желанием скопить средства для нужд государства» (*Тацит. Анналы. Кн. 12. С. 7. Пер. А. С. Бобовича. – Пер.*).

Через год после женитьбы Клавдий усыновил Нерона и объявил его своим старшим сыном. Он женился на дочери императора Октавии. Агриппина получила титул Августы – и стала второй женщиной в истории Рима, которая получила этот титул еще при жизни, и первой, которая удостоилась такой чести при жизни своего мужа. Она могла теперь развивать все свои таланты, поскольку пользовалась во всех начинаниях личной поддержкой императора. Она доверяла Палланту; в 49 году вернула из ссылки Сенеку (отправленного туда в 41 году под предлогом того, что он любовник ее сестры Юлии Ливиллы). Сенека стал учителем Нерона (а кто учил Британника?). Бурр, хорошо понимавший, чьей поддержке обязан своим возвышением, в 51 году стал единолично командовать преторианской гвардией. Агриппина использовала их обоих – и обоих презирала. Два года спустя, из предосторожности, вероятно совершенно излишней, она, под надуманным предлогом, погубила мать Мессалины, Домицию Лепиду.

«Прежде всего, движимая женской нетерпимостью, она погубила Домицию Лепиду, ибо Лепида, дочь Антонии Младшей, внучатая племянница Августа, двоюродная тетка Агриппины и сестра ее прежнего мужа Гнея, считала, что не уступает ей в знатности. Внешностью, возрастом, богатством они мало различались: обе распутные, запятнанные дурной славою, необузданные, – они не меньше соперничали в пороках, чем в том немногом хорошем, которым их, возможно, наделила судьба. Но ожесточеннее всего они боролись между собой за то, чье влияние на

Нерона возобладает – матери или тетки; Лепида завлекала его юношескую душу ласками и щедротами, тогда как Агриппина, напротив, была с ним неизменно сурова и непреклонна; она желала доставить сыну верховную власть, но терпеть его властвования не могла» (*Тацит. Анналы. Кн. 12. С. 64. – Пер.*).

С того самого момента, как Нарцисс, чью власть уже успел узурпировать Паллант, открыл Клавдию глаза и убедил его озаботиться судьбой сына, Клавдий был обречен. Спасти его не мог, ибо – как рассказывают нам историки – Агриппина уже собиралась избавиться от ненужного ей мужа. Она решила его отравить, прибегнув к помощи галльской женщины по имени Локуста, которая весьма преуспела в этих делах. Яд был примешан к грибному блюду. «Клавдий поел грибов и после этого уже ничего не мог съесть». Узнав об этом, Нерон, славившийся остроумием, которое унаследовал от предков, Клавдиев и Юлиев, назвал грибы «пищей богов». Ибо после своей смерти Клавдий был официально причислен к лику богов.

Однако в комической сценке, под названием «Клавдий в тыкве», которую написал Сенека, желая потешить Нерона и его двор, было высказано предположение, что Клавдий не стал богом. Добравшись до небес, он принялся просить, чтобы его впустили, но боги вымазали его ваксой и отправили в ад, где подвергли суду и постановили, что он должен стать рабом Гая, своего племянника и предшественника на посту императора. Что касается его смерти, то богини судьбы оборвали нить его жизни, считая, что римский мир уже достаточно от него натерпелся. Об отравлении не говорилось ни слова. Впрочем, это была просто шутка; никакого особого смысла, как в «Гамлете», автор в нее не вкладывал.

В том, что Агриппина решила избавиться от мужа с помощью яда, видна мрачная ирония, ибо ее мать Агриппина и, без сомнения, все ее дети были убеждены, что Германик, старший брат Клавдия, был отравлен.

Но был ли Клавдий на самом деле отравлен? Рассказы о его смерти различаются. Самый подробный отчет об этом событии приводят Тацит и Светоний и больше никто. По словам Тацита, Клавдий умер не сразу. Он чувствовал себя очень плохо, но был жив. Тогда пригласили второго отравителя, на этот раз врача, который дотронулся до горла императора пером, смоченным в более сильном яде. В том, что жители Рима, узнав о смерти Клавдия, сразу же решили, что он был отравлен женой, нет никаких сомнений. Но в государствах, подобных ранней Римской империи, если кто-то умирал от желудочно-кишечных заболеваний, тут же разносился

слух, что ему в пищу подмешали яд. Вполне возможно, что Клавдий умер естественной смертью. Он был ужасно жадным. Быть может, он просто объелся грибами? Или у него были проблемы с пищеварением? Или слабое сердце? Кто знает.

Но как бы то ни было, Агриппина и Бурр действовали решительно и быстро. Гвардия провозгласила Нерона императором, а сенат это одобрил. Никого не интересовало, что думал по этому поводу Британник.

Воцарение Нерона должно было положить конец замыслам Агриппины. Но тот, кто однажды вкусил власти, уже не может от нее отказаться. Следующей жертвой Агриппины стал Нарцисс. Его бросили в тюрьму и утертвили еще до того, как сумел вмешаться Нерон. И после этого на улицах и тогда, когда Нерон принимал у себя во дворце сенаторов, Агриппина всегда стояла рядом с ним. Если бы ее упрекнули в этом, она бы, скорее всего, ответила: «Нерон еще так юн, а я не уверена, можно ли доверять Сенеке или Бурру...»

Но Нерон вовсе не собирался править вместе с матерью. Он решительно и смело выгнал Палланта. Понимая, что следующей будет она, Агриппина решила припугнуть сына, пригрозив рассказать людям, благодаря чему он стал императором; более того, она пообещала публично поддержать законные требования Британника. И тогда Нерон нанес ответный удар. Он нанял Локусту, и на императорском пиру Британник был отравлен. Так в 55 году н. э. он одержал свою первую победу; второй стало изгнание Агриппины из дворца. Она вынуждена была переселиться в свой дом в Риме.

Все поняли, что ее власти пришел конец. Она перестала быть неуязвимой для нападков, и они не замедлили последовать. Две женщины, столь же безнравственные, как и сама Агриппина, решили отдать ей старый должок. Это были Юлия Силана и золовка Агриппины Домиция (сестра Домиции Лепиды).

Домиция по милости Агриппины осталась без мужа, Пассиена Криспа. Юлия была женой Ц. Силия, но Мессалина разрушила их семью, погубив и его, и себя. И Юлия решила оклеветать Агриппину, чтобы помешать ей второй раз выйти замуж. Идея была очень проста: надо убедить Нерона в том, что Агриппина составила заговор, чтобы свергнуть его и провозгласить императором Ц. Рубеллия Плавта, правнука императора Тиберия.

Заговор чуть было не завершился успехом, поскольку Нерон, впав в истерику, велел без промедления казнить свою мать. Ее спас Бурр – он успокоил императора и сказал, что императору слудует дать своей матери

возможность оправдаться. Нерон послал его вместе с Сенекой допросить ее.

Бурр сообщил ей, в каких преступлениях и кем она обвиняется, и пригрозил ей смертью.

Но Агриппина, не утратив свойственной ей надменности, ответила ему следующим образом:

«Я нисколько не удивляюсь, что никогда не рожавшей Силане неведомы материнские чувства. Матери не меняют детей, как погрязшие в распутстве женщины – любовников. И если Итурий и Клавдий, промотав свое состояние, продают этой старухе последнее, чем могут распорядиться, – свое пособничество в предъявлении клеветнических обвинений, то этого недостаточно, чтобы опозорить меня, приписав мне намерения умертвить своего сына, или обременить совесть императора умерщвлением матери.

Я была бы благодарна Домиции за враждебность ко мне, если бы она соперничала со мной в добром отношении к моему Нерону, а не сочиняла небылицы вместе со своим любовником Атиметом и танцором Парисом. Но она занималась устройством своих рыбных садков в Байи, пока я добивалась усыновления Нерона, помогала ему строить карьеру и делала все, чтобы он стал императором.

Или, быть может, существует такой человек, который мог бы уличить меня в попытке возмутить размещенные в Риме когорты, в подстрекательстве провинций к нарушению верности, наконец, в подкупе рабов и вольноотпущенников с целью побудить их к преступным деяниям? И разве я могла бы остаться в живых, если бы Британник овладел верховной властью? А если Плавт или кто другой оказался во главе государства и вздумал свершить свой суд надо мной – разве не найдутся обвинители, которые вменяют мне в вину вырвавшиеся неосмотрительные слова, порождаемые горячкой материнской любви, а также преступления, оправдать меня в которых мог бы лишь сын?» (*Тацит. Анналы. Кн. 13. С. 21*).

Это был звездный час Агриппины. Но, не удовлетворившись этой речью, она потребовала встречи с самим императором. Заговор провалился. Юния Силана отправилась в ссылку, из которой ей суждено было вернуться лишь четыре года спустя, в 59 году. В тот же год она умерла своей смертью в Таранто, незадолго до кончины самой Агриппины. Тетка Нерона, Домиция, сбежала в 55 году; говорят, что он убрал ее с помощью яда – через четыре года.

В очередную годовщину восшествия Нерона на престол, 13 октября 58

года, арвальские братья принесли жертву богине счастья (которое боги даруют людям за их добродетельную жизнь). Они принесли жертвы этой богине 23 июня 59 года, когда в Рим пришли известия о том, что Нерон возвращается из Кампаньи после смерти своей матери. Позже, в том же самом году, в день рождения Нерона (15 декабря) эти братья заменили Конкордию на Счастье. По-видимому, льстецы убедили его считать потерю матери счастьем. Видимо, поэтому Нерон получил такое послание: «Ваши провинции в Галлии просят отнестись к своему счастью, как подобает мужчине».

Дочери Клавдия и женщины Нерона

После двух помолвок, которые так и не завершились браком, Клавдий женился на Плавтии Ургуланилле. Она происходила из этрусской семьи; ее бабушка была подругой Ливии. Позже Клавдий с ней развелся. У них было двое детей: мальчик, погибший во время несчастного случая, и девочка, которая родилась после развода. Клавдий отрекся от нее, заявив, что это не его дочь.

Со второй женой, Эмией Петиной, он развелся «по пустяковому поводу»; но только после того, как она родила ему дочь Клавдию Антонию. Девочка появилась на свет в 28 году н. э. Когда в 41 году Клавдий стал императором, она уже вступила в брачный возраст. Оба ее мужа были на удивление похожи. Оба были выходцами из выдающихся республиканских семей: первый происходил из рода Помпеев (Помпей Великий), а второй – Суллы. Первый получил имя Помпей, потому что этого хотел его отец, М. Красс Фруги, ставший в 27 году консулом. Его жена Скрибония приходилась праправнучкой Помпею Великому; и он решил, что имеет право назвать своего сына Помпеем. Он вернулся на четыре поколения назад – с материнской стороны – и выяснил, что его предком был последний Помпей. Гай Калигула запретил Помпею хвастаться своим прославленным предком и называть себя Великим. Клавдий вернул ему это имя и женил на своей дочери Антонии. Их брак продолжался шесть лет; в начале 47 года отец, прославившийся своими претензиями на родство с великими римлянами, хорошо воспитанная мать и названный в честь великого предка сын, все трое, были казнены Клавдием, как люди опасные для империи. Антония снова вышла замуж, на этот раз за Фауста Корнелия Суллу Феликса (сводного брата Валерии Мессалины); он носил все эти громкие имена вполне обоснованно, поскольку его прадед был внуком

диктатора Суллы. Сулла стал отцом сына Антонии – на его рождение Клавдий обратил мало внимания, поскольку у него уже имелся свой собственный сын. Пережив правление Клавдия, побывав консулом в 52 году и сумев в 55 году избежать, вместе с Бурром и Паллантом, гибели по сфабрикованному обвинению, он в 58 году удалился в ссылку в Миссалию, где был казнен по приказу Нерона в 62 году.

Итак, в 62 году Антония, сын которой умер очень рано, стала вдовой. В том же самом году Нерон развелся с ее сводной сестрой, императрицей Октавией, и почти сразу же убил ее. Испуганное дитя Клавдия и Мессалины, дочь Клавдия родилась в 40 году. Ей дали второе имя – Октавия, в память о том, что по линии отца и матери ее прапрабабушкой была сестра Августа Октавия. Мы почти ничего не знаем о том, как она жила до опалы своей матери, которой подверглась в 48 году. Еще до того как Октавия узнала, в чем состоит брак, ее обручили с красавцем Л. Силаном, праправнуком Августа. Их помолвка состоялась в 41 году, когда ей исполнился всего год, а ему – пятнадцать лет. За ней последовали обманчиво спокойные годы. Клавдий, несмотря на всю свою эксцентричность, был любящим отцом своих дочерей, а муж Антонии и жених маленькой Октавии пользовались его милостью и надеялись в будущем прославиться. Судьба нанесла Помпею удар в 47 году, а Силану – годом позже, когда Мессалина умерла и он встал на пути у сына Агриппины. Девочка Октавия, пережившая в возрасте семи лет опалу и смерть матери, еще не могла понять того, что ей рассказывали, когда в 48 году, в результате махинаций Агриппины и серого кардинала, императорского друга Л. Вителлия, ее помолвка с Силаном, который заканчивал свой срок службы в качестве претора, была аннулирована. Его обвинили в инцесте с сестрой, чему не верил даже Клавдий. В 49 году у Октавии появилась мачеха, Агриппина; Силан покончил с собой в тот день, когда Клавдий и Агриппина поженились. Девочку снова обручили, на этот раз с ее мерзким кузенком, а теперь – и сводным братом Нероном. Но к тому времени она уже научилась прятать свои чувства. В 53 году они с Нероном поженились. Ее отец умер в 54 году, а брат Британник – в 55-м. Первого – как утверждала молва – отравила ее мачеха, второго – ее муж.

Нерон терпеть не мог своей холодной, незмоциональной жены и взял себе в любовницы отпущенницу, Клавдию Акте, которую в свое время привезли рабыней из Азии. Его советчики закрывали на это глаза, опасаясь, что если они посоветуют ему отказаться от нее, то его страсть найдет еще более скандальный выход. Одно время он даже помирился со своей матерью. Сделав вид, что готова предать забвению его беспорядочную

жизнь, она сказала, что надо дать молодости перебеситься, и он, безо всякой просьбы с ее стороны, послал ей великолепные подарки: богатые ткани и ювелирные украшения из императорских кладовых. Но вскоре Агриппина, с гораздо большим рвением, встала на защиту своей несчастной невестки. В награду за это Нерон изгнал ее из дворца.

В 58 году произошло событие, которое стало роковым для Агриппины и Октавии. Нерон встретил Поппею Сабину и на семь лет стал ее страстным и преданным любовником.

Эта прекрасная, умная, амбициозная и беспринципная женщина родилась, вероятно, в 31 году н. э. Она была на девять лет старше Октавии и на шесть – самого Нерона.

Среди ее предков был один достойный упоминания. Ее дед, Ц. Поппей Сабин, консул в 9 году н. э. при Августе и Тиберии, в течение двадцати лет, с 11 по 35 год, служил губернатором Мёзии. Ее отец, простой всадник, по имени Т. Оллий, вместе с Сеяном попал в опалу в 31 году и умер, вероятно, еще до рождения дочери. Это позволило матери отказаться от ужасного имени Оллия и назвать свою дочь Поппеей Сабиной.

Несмотря на это, замуж она вышла неудачно. Ее муж – они поженились, вероятно в 44 году – был всадником по имени Руф Криспин. В качестве префекта преторианской гвардии он арестовал в 47 году Валерия Азиатика. Ее мать Поппея Сабина Старшая (вышедшая во второй раз замуж за Сципиона и, вероятно, любовница Азиатика) была разоблачена вместе с Азиатиком и вынуждена покончить с собой. По мнению Месаллины, которая и устроила всю эту катастрофу, главным преступником был вовсе не Азиатик, а Поппея. А в чем же заключалось ее преступление? А в том, что она увела у нее красавца актера Мнестера!

Для ее дочери последующие годы не отличались богатством событий, за исключением того, что в 51 году ее муж, по наущению Агриппины, был отстранен от командования гвардией. Тогда, в 58 году, события разворачивались очень быстро. Красивый молодой сенатор М. Сальвий Отон влюбился в нее; она развелась с мужем и вышла за него замуж. Ему было двадцать шесть, ей – на год больше. Очевидно, она никогда не вращалась в высшем римском свете, как ее мать, потому что Нерон никогда до этого с ней не встречался. Отон был счастлив в браке. Его слабости были гораздо более простительными, чем слабости людей, которые в первые годы империи становились императорами; одной из них был его несдержанный язык. Он так много говорил о своей очаровательной жене, что Нерон захотел с ней познакомиться. И вскоре Поппея была уже любовницей императора и оценивала свои шансы на то, чтобы стать

императрицей.

Ее мужа очень быстро убрали с дороги. Хотя он занимал невысокий пост квестора, Нерон отправил его управлять одной из далеких провинций империи, Лузитанией. Но оставались три женщины, которые очень мешали Поппее: прежняя любовница Нерона Акте, его жена Октавия и самая опасная из всех трех – его мать Агриппина. Агриппина презирала Поппею за низкое происхождение и ненавидела ее лютой ненавистью.

Тацит оставил нам описания Поппеи: «У этой женщины было все, кроме честной души. Мать ее, почитавшаяся первой красавицей своего времени, передала ей вместе со знатностью и красоту; она располагала средствами, соответствовавшими достоинству ее рода; речь ее была любезной и обходительной, и вообще она не была обойдена природною одаренностью. Под личиной скромности она предавалась разврату. В общественных местах показывалась редко и всегда с полуприкрытым лицом – то ли чтобы не насыщать взоров, то ли, может быть, потому, что это ей шло. Никогда не щадила своего доброго имени, одинаково не считаясь ни со своими мужьями, ни со своими любовниками; никогда не подчинялась она ни своему, ни чужому чувству, но где предвиделась выгода, туда несла свое любострастие» (*Тацит. Анналы. Кн. 13. С. 45. Пер. А. С. Бобовича. – Пер.*).

Очень странное описание, очень похожее на то, как Саллюст охарактеризовал Семпрония. Так что оно, скорее всего, весьма далеко от истины. Нет никаких свидетельств того, что Поппея имела любовников. Она отказалась от Отона ради Нерона, но это было и все. Отон любил ее всю жизнь; Нерон никогда от нее не уставал.

Она была красива, умна, справедлива. Она придумала укладывать свои светло-каштановые волосы в оригинальную прическу, которая, благодаря ей, стала очень модной. Ее кожа была очень гладкой, поскольку она принимала ванны из молока диких ослиц; специально для этого держали стадо из пятисот ослиц. После ее смерти в Риме еще долго были в моде «мази Поппеи». Она умела хорошо говорить. Сохранилось ее высказывание о том, что она хотела бы умереть до того, как поблекнет ее красота, и боги, обычно глухие к просьбам людей, выполнили это желание. Кроме распространенного в ту пору увлечения астрологией, Поппея интересовалась и другими вещами – например, иудаизмом. Хотя легенда о том, что она сама исповедовала эту религию, не соответствует истине, хорошо известно, что в 64 году она встретилась с Иосифом в ПUTEОЛИ, сделала ему подарки и использовала все свое влияние, чтобы добиться освобождения иудейских евреев, которые были арестованы и отправлены в

Рим. Возможно, она использовала свое влияние и в других делах. Кто знает, может быть, именно она предложила Нерону в 64 году обвинить христиан в поджоге Рима.

В 59 году Агриппина была убрана с дороги; однако, несмотря на то что Пoppея изводила Нерона просьбами жениться на ней, которые так красочно описал Тацит, можно поверить, что оно так и было – император не спешил узаконить их отношения, но не потому, что она была низкого происхождения, а потому, что он хотел прежде убедиться в ее способности родить ему детей. Наконец, в 62 году Пoppея забеременела.

Хотя Нерон, как и многие другие правители в мировой истории, был одержим мечтой о сыновьях, ничто не может оправдать ту грубость, с которой он избавился от Октавии. Ему было мало того, что она бесплодна; так он еще обвинил ее в том, что она вступила в любовную связь с рабом, флейтистом из Александрии. Этот подлый Офоний Тегеллин, который в тот год стал командиром гвардии, начал свою карьеру с того, что заставил болтливых рабов Октавии представить доказательства ее измены; впрочем, о том, что они болтали о нем, он распространяться не стал. Однако фальшивое обвинение в супружеской измене было забыто, и супруги получили гражданский развод. Октавия, вместо возврата своего приданого, получила дом Бурра и поместье последней жертвы Нерона – Рубеллия Плавта. Все это он когда-то подарил этим людям. Она уехала в Кампанию под охраной гвардейцев. Через двенадцать дней после развода Нерон и Пoppея поженились.

Однако жители Рима, среди которых Октавия была не менее популярна, чем у своих домашних, продемонстрировали свою привязанность к Октавии и ненависть к Пoppее. В городе вспыхнул мятеж. Статуи Октавии увили гирляндами, а статуи Пoppеи – сбросили. Толпа даже ворвалась в ее дворец.

В отчаянии Нерон призвал на помощь Аникета, который, хотя и не смог убрать Агриппину, подстроив кораблекрушение, но сумел избавиться от нее более жестоким способом. Нерон велел ему сделать публичное признание в том, что Октавия была его любовницей. Не потребовав никаких доказательств, он велел отправить ее на остров Пандатерия, и она немедленно была туда выслана. 9 июля ее связали и вскрыли вены на руках и ногах; но кровь вытекала слишком медленно, и смерть ускорили паром в жарко натопленной бане. Потом ей отрезали голову и прислали Пoppее. Волнения в Риме улеглись, и тут уж лизоблюды разошлись вовсю. Сенат приказал передать в храм благодарственные дары, словно была уничтожена не покорная серая мышка, не имевшая друзей, а влиятельная заговорщица,

решившая свергнуть самого императора.

21 января 63 года Пoppея в Анции родила ребенка, и коллегия римских жрецов принесла благодарственные жертвы богам. Это была дочь, которую назвали Клавдией. Подхалимы сенаторы осыпали Пoppею почестями – ей было даровано имя Августа; это же имя получила и ее дочь. Кроме того, во имя богини плодородия было решено возвести храм.

Но не успели еще забыться празднества, устроенные в честь дочери императора, как она умерла, не прожив и четырех месяцев. Сенат знал, что надо делать, – усопшее дитя было немедленно причислено к лику богов.

Два года спустя Пoppея снова забеременела. В тот год во второй раз проводились игры, которые учредил в 60 году Нерон, назвав их нерониями. В них состязались музыканты, гимнасты и наездники. Нерон раздулся от гордости, поскольку он стал победителем во всех видах соревнований. После всех этих успехов, уставший и взвинченный, он вернулся во дворец. Пoppея упрекнула его в том, что он припозднился, и Нерон ударил ее ногой в живот. У Пoppеи случился выкидыш, и она умерла. По римской традиции, ее тело было забальзамировано и помещено в мавзолей Августа. Но потом ее похоронили, и Нерон произнес надгробную речь, а сенат причислил Пoppею к лику богов.

Нерон продолжил любить Пoppею и после ее смерти, причиной которой стал он сам, но вскоре снова женился. Ходили слухи, что он хотел взять в жены свою приемную сводную сестру Антонию, но, оскорбленный отказом, велел ее убить. В ту пору была придумана история, в которую отказался поверить Тацит, – будто бы Пизон, возглавлявший в 65 году неудачный заговор против Нерона, собирался развестись со своей женой и вступить в брак с Антонией. Нерон остановил свой выбор на юной Споре, которая была очень похожа на Пoppею. Говорят, что он велел ее выхолостить, а затем женился на ней и в 66 году увез с собой в Грецию. (Так утверждает Светоний в своей книге «Нерон».) Если это так, то у Нерона было две жены, ибо он женился на богатой и образованной Статилии Мессалине, которая четыре раза выходила замуж. Последний раз она сочеталась браком с Нероном. В своих лучших традициях, император прислал в дом ее мужа солдат, которые заставили его покончить с собой. Подобно Нерону, Статилия в Беотии была провозглашена богиней. Однако она была предусмотрительна и осторожна, что помогло ей пережить ниспровержение самого Нерона в 68 году. Впрочем, она не подвергалась особой опасности. Говорят, что, если бы Отон уцелел, он бы женился на ней.

К 66 году женщины, которых погубил Нерон, были мертвы, за

исключением Акте. Это была простая женщина, не замешанная в политике, поэтому ей сохранили жизнь. Она стала первой, кто пробудил в Нероне любовь, и последней, кто позаботился о нем, ибо организовала его похороны. По крайней мере, Нерон помог ей разбогатеть. Один из ее отпущенников, по-видимому, был христианином. Некоторые даже задавались вопросом: а не обратилась ли сама Акте в христианскую веру перед смертью?

О Поппее, которую никогда не любила римская чернь, вспомнил любивший ее муж, которого она отвергла. И в тот короткий период, в 69 году, когда Отон был императором, ее статус был восстановлен.

Несчастливая Октавия удостоилась более высокой чести – она стала героиней трагедии под названием «Октавия». Эта пьеса сохранилась среди трагедий Сенеки. Сам Сенека никак не мог быть ее автором, поскольку там описываются обстоятельства смерти Нерона, а Нерон умер через три года после смерти Сенеки. Тем не менее пьеса написана в стиле трагедий Сенеки, но ее автор, несомненно, был свидетелем описанных в ней событий. Вероятно, это был ученик, писавший в первые годы правления Флавия.

Эта пьеса создана по образцу – причем сделано это вполне сознательно – нескольких греческих трагедий. Октавия – это несчастная Электра, ибо ее мачеха, подобно матери Электры, убила ее отца. Но если Электра сумела спасти жизнь своему брату Оресту и вместе с ним участвовала в судьбоносном акте отмщения, когда он убил Клитемнестру, Октавия не обладала властью, необходимой для спасения Британника, который смог бы воздать за то горе, что было причинено ей. Она была Гермионой, бесплодной женщиной, у которой Поппея украла любовь ее мужа, как это сделала Андромаха, способная родить детей.

В этой трагедии мало действия, зато много монологов: Октавия, грустная и отчаянная, ждет смерти, удивляясь, почему Юпитер не поразит Нерона молнией; няня убеждает ее потерпеть – ведь сама Юнона была вознаграждена за то, что закрывала глаза на бесчисленные романы Юпитера – и получила в конце концов терпеливого и преданного мужа. Сенека обличает нравы римского общества своего времени, мечтая, как и полагается стоику, о возвращении невинного, примитивного человека. Нерон, подобно Красной королеве, отдает офицеру своей гвардии приказ о казнях, заявляя, что лучшие императоры всегда считали необходимым убивать людей, а если правитель обращает внимание на мнение народа, то это говорит о его слабости. (А также опровергает утверждение Сенеки, что страстная любовь с течением времени сжигает саму себя.) Призрак

Агриппины, явившийся из подземного мира, предсказывает Нерону его трагический конец. Няня Поппеи говорит с ней, выполняя роль Фетиды для Неронова Пелея; Поппею во сне мучает ужасный кошмар; гонец извещает о народном восстании – Нерон отдает приказ, и Октавию ведут на казнь.

Эту пьесу называли, и вполне справедливо, «одним из самых странных документов, дошедших до нас со времен Античности». Она очень груба и порой даже смешна. Однако отдельные части пьесы очень трогательны, особенно те, в которых рассказывается о конфликте трех испуганных людей: Октавии, Поппеи и – в этом, как нигде больше, автор демонстрирует свой талант – Нерона, который был испуган не меньше, чем они.

Эпилог: последние женщины из рода Юлиев

Несмотря на все эти многочисленные браки, через десять лет после смерти Нерона в живых осталась лишь одна женщина, в жилах которой текла кровь Юлиев. Это была Юния Кальвина; по иронии судьбы она приходилась внучкой Юлии Младшей (изгнанной из Рима в 8 году н. э. и умершей двадцать лет спустя) и правнучкой Юлии Старшей, которая погибла во 2 году до н. э. Она унаследовала от них очарование и смелость; по словам Тацита, Юния Кальвина была «красива и шокирующе раскованна». Сенека описывал ее как женщину веселого нрава. Но она унаследовала несчастную судьбу своих бабушки и прабабушки, ибо ее тоже изгнали. Впрочем, в отличие от них, ей позволили вернуться.

Юния Кальвина была замужем за Л. Вителлием, братом будущего императора, но, по неизвестной причине, развелась с ним. Ее брата, которого она очень любила, звали Юлий Силан – он был помолвлен с Октавией. В 48 году н. э., когда умерла Мессалина, главный римский подхалим, старший Л. Вителлий, бывший до недавнего времени свекром Юнии Кальвины, решил связать свою судьбу с Агриппиной. Он получил два задания: разорвать помолвку Октавии и Силана, чтобы Октавия смогла выйти замуж за Нерона, и подготовить римскую публику к браку Агриппины и Клавдия. Брак между дядей и племянницей, по законам Рима, считался кровосмесительным; поэтому Л. Вителлий, не задумываясь, отменил помолвку Силана и Октавии на том основании, что они близкие родственники, хотя было известно, что в отношениях Силана и его сестры не было ничего предосудительного. Однако, изучая историю поздней республики и империи, мы снова и снова убеждаемся в том, что римский ум отличался вульгарностью – если братья и сестры были сильно

привязаны друг к другу, то их отношения тут же объявлялись инцестом. Таким образом, обвинив Силана и Октавию в кровосмесительной связи, чего на самом деле не было, римлянам внушили мысль, что императорский брак был по сути своей инцестом. Силан, мужество которого не уступало его обаянию, совершил самоубийство в тот самый день, когда Клавдий и Агриппина поженились. Его сестра к тому времени была уже выслана из Рима.

Но даже в человеческих отношениях тенденции изменяются. Когда Нерон избавился от своей матери, он не придумал для нее лучшего наказания за интриги, жертвой которых считал себя и свою жену Октавию, чем вернуть из ссылки Юнию Кальвину. Спасти ее брата было уже невозможно. Итак, она вернулась в Рим, увидела, что вся династия была вырублена под корень, оставила свидетельство – высеченное на камне, дошедшем до нас, – о своей горячей привязанности к одному из своих отпущенников и предоставила Веспасиану возможность доказать на смертном ложе, что чувство юмора ему не изменило. Когда ему доложили, что двери мавзолея Августа неожиданно раскрылись, он ответил: «Я полагаю, что они открылись для Юнии Кальвины».

Глава 6. От Флавиев до Константина

Женщины при дворе императоров из рода Флавиев

После смерти Нерона и последовавшей за этим гражданской войны нравы двора, в котором процветали извращения, распущенность и интриги, с восшествием на престол Веспасиана изменились. В римском обществе усилилось влияние верхнего слоя граждан Италии и западных провинций. В моду вошли буржуазные добродетели, и в первую очередь бережливость и респектабельность. Все были уверены, что эти реформы назрели уже давно.

Что касается двора, то во время правления династии Флавиев в нем не появилось ни одной выдающейся женщины. Жизнь двора протекала, как никогда, скучно.

Веспасиан, будучи вдовцом, правил один. Его жена Флавия Домицилла и единственная дочь умерли, когда он был еще простым человеком. Во дворце он держал наложницу. Примеру Веспасиана последовало несколько его преемников, жены которых тоже умерли очень рано. Наложницу императора звали Антония Кенис, она была вольноотпущенницей Антонии Младшей. В 50 году н. э. она была уже зрелой женщиной, а при восшествии Веспасиана – и вовсе старой. Она обожала деньги и власть, которые давало ее положение. Хотя Домициан отзывался о ней без особого уважения, многие люди считали ее полезной; кроме того, римское общество могло не опасаться, что в один прекрасный день Веспасиан на ней женится. Она умерла в 75 году; о ее преемницах, которые удовлетворяли потребности Веспасиана и жили при дворе, за его пределами мало кто знал.

Младший сын императора Домициан, правивший с 81 по 96 год, которого никак нельзя назвать безупречным правителем, долгие годы с удивительным терпением сносил выходки жены. Эта женщина по имени Домиция Лонгина была дочерью выдающегося военачальника Корбуло, которого казнил Нерон; в 70 году Домициан отбил ее у мужа Л. Ламия Элиана, сделал своей любовницей, а потом – и женой. Она родила ему сына, умершего в младенчестве. Ходили слухи, что она даровала свою милость брату Домициана, Титу, но это была неправда. Вскоре после восшествия Домициана выяснилось, что она без ума от танцора Париса. Парис был казнен, но Домиция уцелела. Ее изгнали из дворца, однако

император вскоре заскучал без нее, и, вероятно поддавшись просьбам римлян (на этот раз они оказались более успешными, чем в случае с женой Нерона Октавией), Домициан через два года, вероятно в 84 году, приказал вернуть ее в Рим. Семейная жизнь императора наладилась, и в 90 году они надеялись, что у них вскоре родится еще один ребенок. К сожалению, эти надежды не оправдались. Домиция Лонгина отплатила мужу за то, что он ее простил, черной неблагодарностью – в 96 году она стала участницей заговора, в результате которого он был убит. Она пережила его на сорок лет и, должно быть, умерла в глубокой старости. Один из ее вольноотпущенников построил в ее честь храм в Габии. Он выделил городскому совету 10 тысяч сестерциев, при условии, что ежегодно, в день ее рождения, здесь будут приноситься жертвы.

Старший брат и предшественник Домициана Тит, правивший империей с 79 по 81 год, был единственным правителем из рода Флавиев, чья распущенность вызывала в Риме тревогу. Ко времени воцарения своего отца в 69 году он успел похоронить одну жену (Агриппину Тертуллу) и развестись со второй (Марцией Фурнилой), и, если бы народное возмущение было не так сильно, он, вероятно, женился бы в третий раз на еврейке средних лет, на тринадцать лет старше его.

Эту замечательную женщину, раскованную и богатую, звали Юлией Береникой. Ей и ее брату Агриппе – с которым она жила в грехе – апостол Павел красноречиво описал свое обращение в христианство в Фестусе в Цезарее в 60 году н. э. Немецкий историк Момзен называл ее, причем вполне справедливо, Клеопатрой в миниатюре.

Дочь царя Агриппы I, родившаяся в 28 году, она была дважды замужем (вторым мужем Юлии Береники стал ее родной дядя, от которого она родила двоих сыновей). С двадцати лет и до самой смерти она была незаконной супругой своего брата Агриппы II. Оба были замешаны в еврейских восстаниях в Иудее во времена Нерона; когда их дворец сгорел до основания, они перешли на сторону римлян, а после появления Веспасиана она стала ухаживать за его сыном Титом. В 69 году Юлия Береника была уже вдовой сорока одного года, а он – вдовцом двадцати восьми лет. Когда Веспасиан стал императором, а Тит остался в Иудее, чтобы завершить войну, она вместе с Агриппой находилась в его лагере.

В 75 году она впервые приехала в Рим. Хотя ее красота уже начала увядать, огромное богатство, принадлежащее ей, не имело себе равных. На Тита, вероятно, это произвело большое впечатление. Он стал ее любовником и, быть может, даже предлагал выйти за него замуж. Но против нее выступали философы, и римский народ тоже выражал

негодование. Так что ее попросили покинуть Рим. Но когда умер Веспасиан, и императором стал Тит, она вернулась. И снова ей пришлось пережить разочарование. После этого исторические источники о ней больше не упоминают.

Из всей династии Флавиев только одна женщина оставила след в истории. Это была (Флавия) Юлия, дочь Тита от Марции Фурниллы. Статуя сохранила для нас ее прекрасные черты и величественную прическу, а произведения литературы рассказали о несчастливой судьбе этой женщины. Ее дядя Домициан отказался жениться на ней; но, когда она стала женой своего кузена (и кузена Домициана) Т. Флавия Сабина, который был консулом в 82 году, Домициан ее соблазнил. После смерти отца Юлии (а во время его правления она получила титул Августы) ее муж был убит по приказу Домициана. В тот период император отдалился от своей жены, и они с Юлией, не скрываясь, стали жить вместе. Так продолжалось до самой смерти Юлии. В 91 году, вероятно, она была причислена к лику богинь и получила имя богиня Юлия Августа. Злые языки утверждали, что, узнав о ее беременности, Домициан заставил ее сделать аборт, отчего она и умерла. Если бы об этом написал один Ювенал, мы могли бы сомневаться в правдивости этой истории, но не после того, как о том же рассказал и Плиний Младший. Мы не знаем, как было на самом деле, но так, по крайней мере, думали современники Юлии.

Женщины Траяна и Адриана

Этих женщин было четыре: Плотина, решительная и умная жена императора Траяна, и его сестра, Ульпия Марциана, горячо его любившая; Матидия, дочь Марцианы, и Вильбия Сабина, дочь Матидии, а с некоторого времени и до 101 года совершенно неподходящая Адриану жена. Эти женщины играли главную роль во всех последующих событиях, поскольку ни муж Марцианы, ни муж Матидии ничего собой не представляли. Все эти четыре дамы отличались высоким нравственным уровнем и были, вероятно, довольно скучны. Даже смотреть на них было бы скучно, если бы не фантастически сложные прически, которые красовались у них на голове. На Палатине в Риме поселилась добродетель, хотя и несколько запоздавшая. Со времен Ливии и младшей Антонии – ибо Секстилия, мать Вителлия, несмотря на всю свою скромность, была очень шустрой перелетной птичкой – в доме императора не появлялись подобные женщины.

Вот что говорил о жене Траяна Плиний Младший, который в 100 году разразился в сенате потоком льстивых слов в адрес императора, назвав свое творение «Панегириком»:

«Многим славным людям служило к позору то, что они слишком опрометчиво выбирали себе супругу или слишком снисходительно терпели ее в своем доме. Таким образом, людей, прославившихся вне дома, позорили неурядицы личной семейной жизни, и стать действительно великими гражданами не позволяло им то, что они были слишком слабыми супругами.

Твоя же, Цезарь, жена хорошо подходит к твоей славе и служит тебе украшением. Можно ли быть чище и целомудреннее ее? Или более достойно вечности? Если бы великий понтифик должен был выбрать себе супругу, разве не на ней остановился бы его взор или на какой-нибудь другой, но во всем ей подобной, если бы только можно было найти такую? (*Плиний Младший*. Панегирик императору Траяну. 83).

В письме другу Плиний назвал ее «самой безупречной женщиной», а Кассий Дион утверждал, «что она лишена недостатков». Впрочем, она заслуживает и более восторженных эпитетов, ибо в первые два века существования империи единственной женщиной, превосходившей ее в величии, была Ливия.

Шестьдесят лет или около того, прошедших после этого события, как нам сообщает отец историка Кассий Дион, люди в Киликии еще помнили, как здесь в Селине в начале августа 117 года умер император Траян. Благодаря этому Селин вошел в историю. Это был момент, когда будущее правительство Рима зависело от воли и ума императрицы Плотины.

Император с близкими уехал из Рима на Восток за четыре года до этого, в сентябре 113 года. Его сопровождали: Плотина, Матидия и ее зять Адриан, приходившийся императору дальним родственником. Он родился в Испании; ему было тридцать восемь лет. С момента женитьбы, случившейся двенадцать или более лет назад, он, вполне справедливо, считал себя наследником императора. И вправду, если Траян будет искать преемника в своей семье, то лучшего выбора не найти. Однако Адриан был совсем не похож на Траяна. Адриан был образованным человеком и особенно любил греческую культуру, а Траян – солдатом, не имевшим никакого образования, и конечно же культура его совсем не интересовала. Адриана выбрала в наследники Плотина, а вовсе не Траян.

Плотина, родившаяся в Ниме, в семье, которая, по провинциальным стандартам, была вполне достойной, отличалась скромностью. Впервые

войдя во дворец, она сказала: «Надеюсь, что, когда придет время покинуть этот дом, я останусь такой же, как сейчас». Она обладала сильной волей, была умна, интересовалась религией и философией – больше всего ее привлекало учение эпикурейцев. Всем сердцем преданная мужу, который был значительно старше ее, она понимала, что он не может, как Адриан, стимулировать ее ум. Ее интерес к Адриану был известен всем и, как это обычно бывает, стал предметом многочисленных сплетен. Траян, в свою очередь, обнаружил в Адриане качества, которые, что было вполне понятно, не внушали ему доверия. Говорили, что Траяну не хотелось выдавать свою внучатую племянницу за Адриана, но он уступил уговорам жены. Впрочем, все женщины, которые его окружали, включая Марциану и Матидию, горячо поддерживали этот брак, однако, когда в 113 году они отправились на Восток, Траян все еще тянул – он так и не усыновил Адриана и даже не дал понять, что видит в нем своего преемника.

Императорская семья уезжала на Восток в нерадостное время. Годом раньше, в 112 году, умерла Марциана. Она была женой человека по имени Матидит, о котором нам ничего не известно, и жила во дворце вместе с Траяном и Плотиной. В своем «Панегирике» Плиний воздал хвалу и ей: «Такова же и сестра твоя. Она никогда не забывает своего положения сестры. Как легко признать в ней твою простоту, твою правдивость, твою прямоту. А если кто-нибудь начнет сравнивать ее с твоей супругой, у него сейчас же возникают сомнения: что лучше для добродетельной жизни – счастливое происхождение или хорошее руководство. Ничто так не порождает вражду, как соперничество, особенно среди женщин. А соперничество чаще всего возникает на почве близких отношений, поддерживается сходностью положения, разгорается от зависти, которая обычно приводит к ненависти. Тем более приходится считать удивительным, что между двумя женщинами, живущими в одном доме и на равном положении, не происходит никаких столкновений, никаких ссор. Они взаимно уважают друг друга, взаимно во всем уступают одна другой и, в то время как обе тебя горячо любят и уважают, не задаются вопросом, которую из них ты больше любишь» (Плиний, 84).

Да, Плотина была действительно замечательной женщиной, раз ей удалось поддерживать дружеские отношения с сестрой своего мужа. Обеим женщинам сенат присвоил титул Августа, но сначала они обе единодушно отказались от этой чести. Впрочем, к 105 году они его приняли. Что касается Марцианы, то это было несомненное дело – никогда до этого титул Августы не получала женщина, которая не была женой или дочерью императора. В 112 году Плотине и Марциане было даровано право

чеканить свою монету. Дочь Марцианы Матидия тоже была любовницей Траяна. Она была замужем за Л. Вибием Сабином, но он умер, и она осталась вдовой с двумя дочерьми. Старшую звали Вибия Матидия, а младшую – Вибия Сабина. Она была женой Адриана. Когда он умер, она стала неутешной вдовой, преданной памяти мужа, и решила никогда больше не выходить замуж. Вибия Сабина, вслед за своей матерью, была удостоена титула Августы.

Плотина и Адриан в 113 году уехали вместе с Траяном на Восток. Почему же Сабина не поехала с ними? Неужели ее отношения с Адрианом испортились?

Сам император, которому в ту пору было уже шестьдесят лет, покидал Рим в прекрасном настроении. В конце концов, он считал себя простым солдатом, и теперь, по прошествии семи лет, снова ехал на войну. Он должен был возглавить ничем не спровоцированное наступление на Восток. Это было самое амбициозное предприятие с тех пор, как Красс в 53 году до н. э. потерпел здесь поражение. Историки не могут объяснить, что двигало Траяном – скорее всего, мания величия. Адриан должен был командовать сражениями; мы не знаем, относился ли он уже тогда критически ко всему этому предприятию или это пришло позже.

Путешествие превратилось в триумфальное шествие. Повсюду их встречали статуи, возведенные в тех местах, где они останавливались. Одни были посвящены Траяну, другие – Плотине. В конце концов, если не считать первых месяцев после захвата власти Веспасианом, впервые после Августа правящий император увидел римские провинции, расположенные к востоку от Греции.

Добравшись до Сирии, Траян оставил своих дам и отправился воевать. Сначала все шло хорошо. В 114 и 115 годах были завоеваны Верхняя Месопотамия и Армения, и шла подготовка к превращению их в римские провинции. В 116 году Траян овладел Ктесифоном, и его армия двинулась в сторону Персидского залива, не встречая на своем пути особого сопротивления.

Что произошло дальше? Пришли известия о том, что в странах, завоеванных им один или два года назад, вспыхнули восстания, и не все из них удалось подавить. В это время Египет, Киренаику и Кипр охватило мощное восстание евреев, которое привело к тяжелым последствиям.

Зимой 116/117 года судьба нанесла Траяну последний удар. Император, по-видимому, давно уже страдал от повышенного давления, и у него случился инсульт. Ему удалось поправиться; он даже заводил речь о продолжении войны, но вскоре понял – а быть может, его сумели убедить

женщины семейства, – что от этих планов придется отказаться и вернуться в Рим. Адриан был оставлен управлять Сирией. А сам Траян с женой и племянницей, а также со свитой, в состав которой входил Л. Ацилий Аттиан, префект преторианской гвардии, и его личный помощник М. Ульпий Федим, отправился домой.

С каждым днем тревога Плотины возрастала – Траяну становилось хуже и хуже, и это очень огорчало любящую жену. Однако, будучи благоразумной женщиной и к тому же патриоткой с сильным характером, она обладала острым чувством личной ответственности за то, что касалось благополучия Рима. Траян все еще не усыновил Адриана, и она решила добиться, чтобы он это сделал. 9 августа Адриан в Сирии получил известие, что он стал приемным сыном императора, и заявление об этом, заверенное Плотиной, было отослано в сенат. 11 августа Адриан получил второе послание, в котором сообщалось, что Траян умер. Узнав об этом, народ и армия, находившаяся в Сирии, сразу же провозгласили Адриана императором. А 12 августа, по странному стечению обстоятельств – если оно действительно было странным, – умер М. Ульпий Федим.

Тем не менее многие люди были недовольны тем, что Адриан стал наследником Траяна, и несколько политических деятелей заплатило за это недовольство своей жизнью. Атмосфера римской общественной жизни была полна сплетен, скандалов и различных инсинуаций, и теперь, через сто лет после смерти Тиберия, распространялись чудовищные слухи о том, каким образом стал императором Тиберий и какую роль сыграла в этом его мать Ливия.

Вправду ли Траян усыновил Адриана? Может быть, это просто слухи, а все подтверждающие документы – поддельные? А может, все это подстроила Плотина? Такие разговоры вели среди римлян враги Адриана. Об этом шестьдесят лет спустя люди рассказывали отцу Кассия Диона, когда тот служил губернатором в Сирии. Когда Траян умер, объясняли они, его тело убрали, а под простыню положили другого человека, который, имитируя слабый голос умирающего Траяна, заявил об усыновлении Адриана. Случайно ли так совпало, что личный слуга Траяна М. Ульпий Федим скончался через несколько дней после своего господина? А может, он умер, потому что слишком много знал? Почему на документе об усыновлении, присланном в Рим, стоит подпись Плотины? Правда ли, что Траян его вовсе не подписывал?

Никто не знал правды тогда, и, хотя ученые судили и так, и этак, правды по сей день не знает никто. А поскольку правление Адриана и двух императоров, наследовавших ему, которых он сам выбрал для этой роли,

стало последним периодом стабильности и согласия в римском мире, то о подлоге Плотины – если это действительно был подлог – ни она, ни Рим не имели никаких причин сожалеть.

Обе матроны, сопровождаемые грозным Аттианом, префектом гвардии, привезли в Рим прах Траяна. Матидия прожила всего два года при правлении Адриана, Плотина на два или три года дольше ее и умерла в 121 или 122 году. Когда Матидия скончалась, Адриан произнес надгробную речь, и ее часть, которая дошла до наших дней, была высечена на колонне и установлена в его любимом Тиволи. Плотина, не боявшаяся говорить Адриану, что он должен более сурово наказывать своих слуг за их распущенность, а когда в Риме состоялся диспут между греческими и еврейскими ораторами, приехавшими из Александрии, еще до начала диспута перетянула его на сторону евреев, сохраняла интерес к общественным делам. Как нам известно из надписей на могилах, ей удалось убедить Адриана отменить правило, согласно которому руководителем школы эпикурейцев мог быть только гражданин Рима. Это был вопрос, к которому Плотина без труда сумела привлечь внимание Адриана. В надгробной речи над могилой Плотины Адриан сказал: «Она часто обращалась ко мне с просьбами, и я никогда ей ни в чем не отказывал».

Матидия, конечно, после смерти была провозглашена богиней; то же самое произошло и с ее матерью Марцианой, умершей в 112 году. Когда Плотина скончалась, ее тоже причислили к лику богов и в ее честь был возведен храм. С тех пор как Клавдий, через много лет после смерти Ливии, объявил ее богиней, в Риме не обожествляли столь серьезных и уважаемых женщин; неожиданно Олимп пополнился сразу тремя имперскими богинями. Они и после смерти остались вместе – позже к ним добавили Траяна, тоже ставшего богом.

Адриан, в противовес своему приемному отцу, вовсе не был дамским угодником. От его неблагодарности пострадали две женщины: сестра Домиция Паулина и Вибия Сабина, его жена.

Муж Домиции Паулины Л. Юлий Урс Сервиан был лет на тридцать старше ее. У них родилась дочь Юлия, которая вышла замуж и около 118 года подарила Адриану внука. Отношения между двумя семьями были холодными, если не сказать – враждебными. Юлий Сервиан, считавший своего молодого шурина экстравагантным мотом, делал все, чтобы настроить против него Траяна. Адриан отвечал ему тем же. Его сестра так и не получила титул Августа; а когда около 130 года она умерла, ей не

воздали почти никаких почестей; ее зятю никто не помогал делать карьеру в общественной жизни (хотя в следующем поколении он стал единственным мужчиной в этой семье), и, наконец, через шесть лет после ее смерти ее муж (в ту пору – девяностолетний старик) и ее внук восемнадцати лет были казнены как люди, которые могли позариться на престол.

Сабине было всего двенадцать лет, когда она, около 100 года н. э., вышла замуж за Адриана. Он был старше ее на тринадцать лет. В том, как они якобы отзывались о своем браке, возможно, не было ни слова правды, но это свидетельствовало о том, что брак этот не был счастливым. Говорят, Сабина однажды сказала, что, не желая увековечивать бесчеловечный характер своего мужа, она позаботилась о том, чтобы не понести от него детей. Он, в свою очередь, считал ее надоедливой и несносной и в других жизненных условиях развелся бы с ней не задумываясь. Биограф Адриана, Светоний Транквил, был уволен с должности личного секретаря императора, а Септимий Клар одновременно с ним лишился поста гвардейского префекта, поскольку они оба, по мнению Адриана, поддерживали слишком близкие отношения с его женой. Когда в 136 году она умерла, злые языки пустили слух, что Адриан ее отравил.

Тем не менее, когда в 128 году Адриан принял титул «Отца народа», она получила титул Августы. Сабина, вероятно, сопровождала его в нескольких поездках по империи и, несомненно, в 130 году посетила с ним Египет. Они поднялись вверх по Нилу на лодках и всю осень провели в Фивах. 21 и 22 ноября после заката они были вознаграждены за это «песню Лимнона». Императора сопровождали его безучастная супруга, красавец Антиной, от которого Адриан был без ума и с которым – к чести Антиноя и Сабины – императрица, по-видимому, была в прекрасных отношениях. А еще там была поэтесса.

Из множества людей, которые изуродовали древние памятники своими граффити, нет другого человека, к которому любители прошлого относились бы с большей благодарностью, чем к поэтессе Юлии Бальбилле. Не удовлетворившись сочинением стихов на весьма своеобразном искусственном языке – эльском греческом, – она велела высечь их на левой ноге Мемнона. Веселые звуки песни Мемнона очень понравились императору и императрице. К тому же Бальбилла была женщиной благородного происхождения. В ее жилах текла кровь царей (ее предки были незаконнорожденными детьми царского дома Коммагене). Сама она, вероятно, была дочерью астролога Бальбиллы, к которому обращался Нерон, или Тиберия Клавдия Бальбиллы, который был личным

помощником императора Клавдия в Египте, а при Нероне стал перфектом Египта. Сенека сообщает нам, что Бальбилла обладал недюжинным литературным талантом, и нам повезло, что именно он стал свидетелем и составил великолепное описание редкостного явления – битвы дельфинов с крокодилами в устье Нила. Эту битву выиграли дельфины – они прыгали и кусали крокодилов в мягкое брюхо. И нам думается, что именно он, а не астролог был дедом поэтессы-шантажистки. Кто, спрашивается, пригласил ее в компанию императора? По общему мнению, это сделала Сабина. Впрочем, трудно поверить, чтобы она не понравилась Адриану.

Несомненно, все они были очень довольны поездкой – пока не случилось несчастье. Через несколько дней после этой битвы утонул Антиной.

Женщины Антониев

В конце жизни Адриан сильно болел. Он вынужден был назначить своего преемника и, усыновив его, объявить людям. В этом деле он оказался совершенно бездарным и одновременно пронизательным судьей человеческих характеров. Сначала, в 136 году, он объявил своим наследником Л. Циония Коммода, которого, после усыновления, стали звать Элием Цезарем. Почему Адриан выбрал именно его, никто не понимал ни тогда, ни теперь^[20].

Коммод был совершенно пустым и бездарным человеком. К счастью, он умер еще раньше Адриана – в 138 году.

После этого император выбрал другого человека, при котором Рим пережил свой последний золотой век. Адриан усыновил мужчину пятидесяти двух лет, который происходил из семьи выдающихся управленцев, живших в Ниме. Его звали Т. Аврелий Бойони Аррий Антоний; после усыновления он принял имя Т. Элий Адриан Антоний. В том же 138 году Адриан умер, и в Риме снова вспыхнул бунт, как и после смерти Тиберия сто лет назад. Антоний не стал поддерживать бунтовщиков; он действовал очень достойно и настоял, чтобы Адриан был обожествлен. За это он получил прозвище Пий, поэтому его обычно называют Антоний Пий.

Ко времени своего усыновления он обладал преимуществами, которых не имели в свое время ни Траян, ни Адриан. Он был женат, и в его семье росла дочь – очень весомый аргумент в римской общественной жизни. У него была красивая жена, которую звали Анния Галерия Фаустина (это

была Фаустина Старшая). Она была на десять или двенадцать лет моложе мужа и происходила из очень уважаемой семьи. Ее предки и по линии отца, и по линии матери славились своими политическими и управленческими талантами. Фаустина родилась в Испании. Антоний женился на ней между 112 и 115 годами.

При усыновлении Антония Адриан выставил два условия: одно разумное, другое – нет. Антоний должен был усыновить своего семнадцатилетнего племянника (сына одного из братьев Фаустины), М. Анния Вера. После этого его стали звать Марком Элием Аврелием Вером – мы знаем его как Марка Аврелия). Но помимо этого, Антоний обязан был признать своим вторым сыном восьмилетнего мальчика Л. Циония Коммода. Это был сын Л. Элия Цезаря, которого Адриан назначил своим наследником изначально. После усыновления мальчик получил имя Л. Элий Аврелий Коммод (нам он известен как Л. Вер).

Но и этого было мало. Адриан хотел связать всех своих наследников более крепкими узами. Л. Вер – в возрасте восьми лет – должен был обручиться с дочерью Антония Пия, младшей Фаустиной (вероятно, она была единственным выжившим ребенком Антония). При этом сестра Л. Вера, Циония Фабия, которой в ту пору было пятнадцать лет, в 135–136 годах обручилась, по приказу Адриана, с Марком Аврелием. Такова была необъяснимая привязанность Адриана к семье Циониев.

Сразу же после смерти императора – вероятно, с его согласия, полученного незадолго до кончины, – Антоний Пий все поменял. Вероятно, потому, что Л. Вер был еще слишком юн, дочь Антония, младшую Фаустину, обручили с Марком Аврелием. Л. Вер вступил в брак только в возрасте тридцати четырех лет, в 164 году. Его женой стала Анния Муцилла, дочь М. Аврелия и Фаустины Младшей.

В общественной жизни Рима, если судить по официальным документам обоих императоров и сената, а также по надписям на надгробных камнях и монетах, старшая и младшая Фаустины, супруги Антония Пия и Марка Аврелия, пользовались огромным уважением и получили все мыслимые почести и награды.

Если Сабине пришлось ждать титула Августы десять лет после воцарения Адриана, то Фаустина Старшая получила его уже при восшествии мужа на престол; за это проголосовал сенат, а император утвердил его решение. Фаустине Августе было разрешено выпустить свою монету. Когда три года спустя (в 140–141 годах) она умерла, ее похоронили в Мавзолее Адриана (замке Святого Ангела). Ее провозгласили «богиней Фаустой Августинной»; в ее честь был возведен храм и назначена жрица ее

культы. Этот храм, первоначально посвященный ей, а после смерти Пия – им обоим, простоял несколько веков и в VII или VIII веке был преобразован в церковь Святого Лоренцо в Миранде. Его фасад с колоннами до сих пор красуется на форуме, выходя на Via Sacra (Священную улицу), а на архитраве и фризе можно прочитать посвящения Фаустине и Пию, сохранившиеся до сих пор.

В дополнение к храму, в ее честь была выпущена большая монета с надписью «AETERNITAS» (Вечная), поскольку к обожествлению этой императрицы римляне отнеслись очень серьезно. Хорошие императоры и хорошие императрицы считались частью Вечного Рима (в то время римляне как раз готовились отметить девятисотый юбилей своего города). Ее память увековечили созданием фонда, из которого выдавались пособия бедным девушкам; за это их прозвали «дочерьми Фаустины». Это была одна из тех традиций, основы которых заложил еще Траян.

Свадьбу Марка Аврелия с кузиной, младшей Фаустиной, отпраздновали с большой пышностью в 145 году, а когда, год спустя, у них родился первый ребенок, они оба удостоились выдающихся публичных почестей. Марк Аврелий стал помощником Антония Пия в деле управления государством, а Фаустина в 146 или 147 году получила титул Августа и право чеканить монету.

И это после рождения одного-единственного ребенка! Однако вскоре стало ясно, что это был сказочный брак, единственный за всю историю императорского Рима. Марк Аврелий и Фаустина побили даже рекорд Агриппины Старшей. Дети рождались ежегодно – если не считать промежутка в 4 года – с 152 по 156 год. В честь Фаустины были выпущены монеты с надписью «FECVNDITAS AVGVSTAE» («Плодовитая Августа»), на одной из которых была изображена Фаустина с четырьмя детьми. Она родила двенадцать детей, а может, и больше. Многие из них умерли в младенчестве, но некоторые выжили, не всегда, правда, на благо Рима, в особенности будущий император Коммод (Л. Элий Аврелий Коммод), родившийся в 161 году, и его старшая сестра Анния Луцилла, вышедшая замуж за Л. Вера.

Антоний Пий предпочел бы, наверное, жить на своей вилле в Лориуме, к северу от Рима по Аврельской дороге. Тот «Версаль», который выстроил ниже Тиволи Адриан, был ему не по нутру. И возможно, потому, что ему не очень нравилось управлять страной, он и стал таким хорошим правителем. Да и судьба была к нему благосклонна – на границах империи было довольно спокойно.

В 161 году он умер, и на престол взошел М. Аврелий, философ по

натуре и правитель поневоле. Он во всем стремился подражать Антонию, которому воздал достойную хвалу в своих «Размышлениях». Он правил до своей смерти в 180 году. Своим соправителем он назначил Л. Вера, который помогал ему до 169 года. В этом году Вер умер от удара в возрасте тридцати девяти лет. В 177 году – ибо ум философа не подвластен отцовской любви – М. Аврелий ввел своего сына Коммода в состав правительства.

Спокойствие на границах во времена правления Антония Пия оказалось обманчивым – это было затишье перед бурей. В самом начале правления Марка Аврелия с Востока на империю напали парфяне; а в 166 году германцы, жившие к северу от Дуная, захватили Дунайские провинции и даже проникли в Северо-Восточную Италию до самой Аквилеи. Л. Вера отправили на Восток, и, благодаря талантливым офицерам, в особенности главнокомандующему Ц. Авидию Кассию, сирийцу по национальности, который только что сменился с поста консула, римлянам удалось завершить кампанию победой. Марк Аврелий и Л. Вер вместе отправились на войну с германцами – им удалось заключить соглашение (первое в римской истории, потом их будет еще много), и враги отступили. После смерти Вера Марку с 170 по 174 год пришлось воевать на Дунае; в 175 году он получил пугающие известия о том, что Авидий Кассий, оставленный Вером управлять Сирией и назначенный главнокомандующим римскими войсками на Востоке, устроил мятеж и объявил себя императором. Марку Аврелию не оставалось ничего иного, как отправиться на Восток самому; но еще до его приезда Авидий Кассий был убит своими солдатами.

Фаустина во всех отношениях была идеальной женой для императора. Подарив ему множество детей, она не забывала и о своих обязанностях за границей. С 170 по 174 год, во время войн с германцами, она с одной из своих дочерей находилась в Сирмиуме на реке Сава, а после победы Марка при Квади ее наградили титулом Матери армии (Mater Castrorum). Когда восстал Авидий Кассий, она сопровождала мужа на Восток, но в 176 году неожиданно скончалась в Халале, городе в Каппадокии, у подножия Тавра.

После смерти ей воздали такие же почести, как и ее матери. По просьбе Марка Аврелия сенат причислил ее к лику богов. В Риме и Халале, где она умерла, в ее честь возвели храмы. Халала была объявлена римской колонией и стала называться Фаустинополисом. Бедные девушки получили новые пожертвования.

Но достаточно об общественной деятельности Антония и Марка и их жен. Их личная жизнь известна нам по сохранившимся письмам М.

Корнелия Фронто, который был первым учителем риторики у Марка Аврелия. Закончив преподавание, он остался близким другом философа, хотя тот увлекся стоицизмом. Фронто переписывался не только с Марком Аврелием, но и с Вером и Антонием Пием, хотя Марк был его основным корреспондентом. Антоний Пий однажды написал Фронто: «Та часть твоей речи, в которой ты отдал должное моей Фаустине, доставила мне огромное удовольствие. Это была выдающаяся речь, и, более того, совершенно справедливая. Я скорее согласился бы отправиться вместе с женой в изгнание на Гиарос, чем жить без нее во дворце». Впрочем, эти строки могли быть написаны после того, как Фаустина умерла, и Антоний имел в виду свою дочь, а не жену. Существует замечательный рассказ об Антонии и его жене, который делает ему честь и не бросает тени на Фаустину. После того как в 138 году Адриан усыновил его, Фаустина стала упрекать его в неблагодарности, на что он ответил: «Глупая, до этого у нас были хоть кое-какие деньги, а теперь, когда мы вошли с тобой в царскую семью, у нас даже этого не стало».

В своих «Размышлениях» Марк Аврелий приводит некоторые подробности своей семейной жизни; он отдает должное своей жене, которая была «послушной, любящей и лишенной какой-либо аффектации». Замечания Фронто по поводу младшей Фаустины и ее детей в письме к Марку – столь же частые, как и его жалобы на болезни, – свидетельствуют о том, что его друг наслаждался спокойной и мирной семейной жизнью. А сама Фаустина велела выбить на камне очаровательную запись, свидетельствующую о том, как счастлива она была, когда Гален сумел, наконец, вылечить Коммода: «Коммод снова здоров, и Фаустина счастлива».

В заслугу женам Антония и Марка можно поставить тот факт, что ни тот ни другой не захотел жениться вторично. Марк Аврелий открыто благодарил свою жену за то, что она избавила его от детей мачехи, которая стала бы над ним издеваться. Ходили слухи, что Циония Фабия, которая много лет назад была помолвлена с Марком, после того как он овдовел, очень хотела выйти за него замуж. После смерти своих жен Антоний и Марк завели себе наложниц, как это делал Веспасиан. Наложницей Антония стала Лисистрата, отпущенница его жены, а Марк взял себе дочь прокуратора.

Как же увязать эти возвышенные образы старшей Фаустины и ее дочери с гнусными измышлениями древних биографов, которые жили более века спустя описываемых событий? Про старшую Фаустину один из таких биографов написал всего одну фразу: «Ее сильно критиковали за то,

что она жила слишком свободно и распущенно; это вызывало у мужа сильное недовольство, но он держал его при себе». Но ведь это же равносильно признанию того, что у автора нет никаких доказательств! Антоний сразу же продемонстрировал всему Риму, что его любовь и уважение к жене превыше всех злобных сплетен, которые порочат ее доброе имя. Я бы посоветовал историкам последовать его примеру!

Обвинения, выдвинутые против Фаустины Младшей, на первый взгляд, более основательны. До нас дошла странная история о том, что в 174 году, встревоженная состоянием здоровья своего мужа – а он и вправду, судя по их переписке, был таким же болезненным, как и Фронтон, – она написала Авидию Кассию, прося его, в случае смерти Марка, возглавить империю (лишив власти, соответственно, своего собственного сына Коммода), пообещав стать его женой. В дополнение к этой истории было высказано предположение, что после провала мятежа Авидия Кассия она покончила жизнь самоубийством, а не умерла своей смертью, поскольку боялась того, что может случиться, если Марк Аврелий узнает о ее письме предателю. Однако если она и вправду переписывалась с Авидием, то Марк мог бы узнать об этом гораздо раньше. Даже историки, которые склонны были верить в эту чепуху, вынуждены были признать, что предполагаемая переписка Фаустины и Кассия, представленная биографом, вполне очевидная подделка.

Что касается других историков, то в «Записках по истории Августов» в разделе «Жизнеописания» приводятся многочисленные сплетни о ее беспорядочной жизни. Даже Мессалина позавидовала бы такому списку любовников, который приписывали Фаустине Младшей. В него входили гладиаторы и актеры пантомимы, а также люди с положением в обществе, отношения с которыми, как говорят, были предметом бесконечных шуток во время театральных представлений; и, наконец, ее собственный зять Л. Вер, от которого она якобы избавилась, накормив отравленными устрицами, поскольку этот дурак рассказал об этих отношениях ее дочери, своей жене! (Записки по истории Августов. Жизнь Адриана, Антония Пия, Марка Аврелия и других.)

История рождения Коммода, описанная в «Жизни Марка», достойна того, что привести ее здесь.

«Существует мнение, вполне правдоподобное, будто бы отцом Коммода, который наследовал Марку, был вовсе не Марк Аврелий, а один из любовников его жены. Согласно одному рассказу, наблюдая однажды за процессией гладиаторов, Фаустина безумно влюбилась в одного из них и во время долгой болезни призналась в этом своему мужу. Он обратился к

халдейским мудрецам, которые посоветовали ему казнить этого гладиатора, после чего Фаустина должна была искупаться в ванне, наполненной его кровью, и лечь в постель с мужем. Это, несомненно, помогло бы ей забыть его. После этого у нее родился сын – Коммод, который был больше похож на гладиатора, чем на принца... Одновременно есть много доказательств, что не Марк Аврелий был его отцом, а кто-то другой, ибо всем известно, что в Гайете Фаустина выбирала какого-нибудь моряка или гладиатора и заставляла их заниматься с ней любовью».

Истории о распутстве Фаустины не подтверждаются фактами. Все знали, как сильно Марк любил своих детей и никогда не думал, что они родились не от него (и Фронтон тоже так не думал). Так что все эти истории были придуманы для того, чтобы опорочить его образцовую и плодовитую жену. А чем можно объяснить, что Марк горячо любил свою жену и осыпал ее почестями после смерти? Горе-историки объясняли это тем, что его ум был занят философскими вопросами и он не замечал того, что происходит вокруг, а может, просто делал вид, что не замечает. Но этот аргумент совершенно неубедителен. А может, когда ему сообщили, что Фаустина путается с гладиаторами и матросами, он лишь саркастически улыбнулся? «Империя, которую я получил, женившись на ней, была в определенном смысле ее приданым, и я не могу развестись с ней, не вернув этого приданого!»

Что же касается фантастической истории о происхождении Коммода, изложенной в «Истории Августов», то мы не можем сказать, выдумал ли ее от начала до конца автор этой своеобразной книги (написанной либо во времена Диоклетиана и Константина, как он сам заявляет, либо во времена Юлиана, а может, и в какое-то другое десятилетие IV века) или нашел подтверждение этому в более ранних источниках. Во всяком случае, эта история была приведена с определенной целью – добиться того, чтобы репутация Марка Аврелия, который для автора «Жизни императоров» был героем нескольких книг, не пострадала оттого, что у него родился такой сын, как Коммод. Поэтому от этой выдумки можно отказаться; это не историческое, а художественное произведение.

У Кассия Диона, современника Марка Аврелия, находили лишь одну фразу: «К ошибкам других людей, особенно своей жены, он относился терпимо, не поднимал никакого шума и никого не наказывал».

Отсюда можно сделать вывод, что многое из того, что делала Фаустина Младшая, достойно критики. А о какой женщине – или о каком мужчине – нельзя этого сказать?

Марку Аврелию, мечтавшему об уединенной жизни философа, наследовал сын Коммод, который – и весь мир тоже – стал бы гораздо счастливее, если бы судьба даровала ему роль жестокого и грубого гладиатора, а не императора. Но необъяснимым образом даже в самых лучших семьях иногда рождаются неудачные сыновья, так что римские сплетни о том, что отцом Коммода был не Марк, а простой гладиатор, вполне объяснимы.

Несчастья Коммода усиливались еще и тем, что он впервые ощутил вкус власти в самом нежном возрасте. Коммод родился в 161 году; его сестра-двойняшка умерла, а он выжил. В пять лет он получил имя Цезарь; в шестнадцать стал консулом и помощником отца в управлении государством. Он правил как император с 180 года (ему исполнилось тогда всего девятнадцать лет); в 192 году, когда его убили, ему было всего тридцать один год. Вместе с Гаем Калигулой и Нероном он входит в тройку юных императоров, которые были совершенно безответственными людьми и никак не подходили для этой роли. Первый был игрушечным аристократом, второй – эстетом, а третий – гладиатором.

В жизни Коммода важную роль сыграли три женщины: его сестра Анния Луцилла, жена Бруттия Кристина, а после ее смерти наложница Марция – «во всех отношениях, кроме формальных, его жена», которая составила заговор с целью его убийства.

Анния Луцилла в 164 году, при весьма романтических обстоятельствах, вышла замуж за Л. Вера. Он взял отпуск на Восточном фронте, чтобы они смогли встретиться в Эфесе и пожениться. Она ехала из Рима в Бриндизи в сопровождении отца, а потом – родственницы (вероятно, Ционии Фабии). Отец приказал, чтобы ей нигде не оказывали официальных приемов. Ее брак с Вером продолжался пять лет, то есть до самой его смерти. После этого Луцилла (которая всегда была на ножах со своей свояченицей Ционией Фабией, мстившей ей за то, что она обманом предотвратила брак Ционии с отцом Луциллы) осталась одна с малолетней дочерью и, против своей воли и воли ее матери, была вынуждена, с неприличной поспешностью, выйти замуж во второй раз. Она стала женой престарелого высокочтимого Т. Клавдия Помпеяна, которого она презирала, но родила от него сына.

И она, и Бруттия Кристина ненадолго пережили ужасное правление Коммода, но в их смерти не было элемента оскорбленной невинности. Луцилла, «характер которой был не лучше, чем у ее брата», и старый, лишенный амбиций муж, который, почти совсем ослепший, жил тихой сельской жизнью, не могли забыть, что, будучи женой Л. Вера, она

разделяла со своей матерью положение первой дамы императорского двора. И хотя Коммод относился к ней с большой любезностью, она презирала его жену императрицу не менее сильно, чем своего второго мужа. Очевидно, у нее было много общего с Агриппиной Старшей. Не в силах терпеть верховенство другой женщины, она втянула Уммидия Квадрата, своего двоюродного или троюродного брата, в заговор против брата Коммода. Это произошло в 182 году. Убийство было поручено Клавдию Помпеяну, родственнику (вероятно, племяннику) ее второго мужа. Однако он не справился с этим заданием – придя к Коммоду с ножом в руке, он воскликнул: «Это – подарок тебе от сената!», но не успел вонзить нож в императора, как был арестован. Луциллу сослали на Капри и через некоторое время убили. Его свояченица прожила на несколько лет дольше Луциллы, но после 187 года ее признали виновной в супружеской измене и сослали – тоже на Капри, а потом и казнили.

Коммод не стал вступать в новый брак, а взял себе наложницу. Он выбрал Марцию, бывшую наложницу Квадрата, который участвовал в заговоре против него и был убит в 182 году. Это была женщина, которая заботилась о нем, и, должно быть, сумела бы сделать из него настоящего императора, если бы ей представилась такая возможность. Но для того чтобы спасти свою жизнь, она вынуждена была взять жизнь Коммода. Если верить рассказу Иродиана, Марция с самого начала и до самого конца вела себя очень умно и храбро. Она стала первой выдающейся наложницей в Римской истории.

Коммод вел себя эксцентрично. Он решил, что 1 января 193 года не будет праздновать наступление Нового года так, как это делалось всегда, и появится перед народом не в пурпурной тоге императора, а в доспехах гладиатора, и выйдет не из дворца, а в сопровождении профессиональных гладиаторов из дверей казармы.

В последний день старого, 192 года Марция, беспокоившаяся, как нас уверяют, не столько о престиже государства, сколько о том, что император попал в дурную компанию, попыталась убедить его не делать этого, но безуспешно. Он вызвал префекта гвардии, Кв. Эмилия Летуса (человека сильного характера, который однажды устроил гладиаторский бой с Коммодом, а в другой раз, если верить слухам, помешал ему, по примеру Нерона, поджечь Рим), и своего постельничего, египтянина Эклекта, и приказал им подготовить казармы к тому, чтобы он провел в них ночь. Они, вслед за Марцией, пытались отговорить его, но им это не удалось.

Коммод отправился отдыхать после обеда, но перед этим записал в своем блокноте имена людей, которых он этой ночью собирался казнить.

Положив его на диван и думая, что, пока его не будет, в эту комнату никто не войдет, император отправился в баню. Через некоторое время в комнату вошел его любимый мальчик-раб. Он взял блокнот и, играя им, вышел из дворца, где встретил Марцию. Она забрала у него блокнот и, увидев запись, сделанную рукой императора, решила прочитать, понимая, что это нечто очень важное.

К своему ужасу, она увидела список людей, которых должны были казнить этой ночью. Первым стояло ее имя, а дальше шли имена Лаэта и Эклекта, а также выдающихся сенаторов, которые дружили с отцом Коммода и которые, по его мнению, являлись для него живым укором в недостойном поведении. Ниже были записаны имена богатых сенаторов, состояние которых Коммод собирался распределить между своими солдатами и гладиаторами.

Прочитав весь список, она воскликнула: «Отлично задумано, Коммод! Так-то ты решил отблагодарить меня за любовь и заботу о тебе и за все оскорбления, которые я вынуждена была все эти годы терпеть, когда ты напивался!»

Она показала этот список Эклектору и Лаэту, и они решили, что, ради спасения своей шкуры, должны этой ночью убрать императора. Марция решительно взяла дело в свои руки и, как только Коммод вышел из бани, протянула ему чашу ароматного вина, в которую бросила яд. С жадностью выпив вино, он тут же уснул. Впрочем, он быстро проснулся и пожаловался, что отвратительно себя чувствует. Опасаясь, что яд не причинил ему вреда, эта троица позвала силача по имени Нарцисс, который, прельстившись обещанным ему богатым вознаграждением, схватил императора за горло и задушил.

Но Коммод не был последним представителем семьи Марка Аврелия. У него были три сестры: Фадилла, Корнифиция и Вибия Аурелия Сабина.

В отличие от других заговорщиков Марция и оба помощника после убийства Коммода остались в живых. Они явились в дом замечательного человека Публия Гельвия Пертинака, шестидесятилетнего ветерана, и предложили ему стать главой государства. Его принял сенат и армия, но после трех месяцев беспорочного правления он был убит солдатами, которым Дидий Юлиан пообещал увеличить оплату. Вся троица, устранившая Коммода, разделила судьбу своего кандидата: Марция, Элект и Лаэт были убиты.

В обществе существовала одна группа людей, которая еще долго с благодарностью вспоминала Марцию. Она была другом христиан и, будучи наложницей императора, помогала им, чем могла.

Достижения Юлии Домны и ее сестры

Во II веке н. э. римскими императорами были выходцы из Галлии и Испании. Теперь пришла очередь Африки и Сирии. Септимий Север родился в Великом Лежисе в Триполитании (его семья была так мало романизирована, что сестра, знавшая всего несколько латинских слов, так его раздражала, что он отправил ее домой), а его жена Юлия Домна и внучатые племянники, будущие императоры Элагабал и Александр Север, родились в Эмесе в Сирии.

Жестокое убийство Пертинакса и вмешательство в римские дела Дидия Юлиана заставили командующих крупными армиями в провинции предъявить свои права на престол, и снова произошло то, что случилось в 69 году н. э. Победителем в этом конфликте стал Л. Септимий Север, которого провозгласили императором в Карнуге в апреле 193 года. Он правил до 211 года и умер в Йорке. Правление его было успешным: при нем границы империи остались прежними, грабительские налоги обеспечили необходимые доходы, а войска сохранили ему верность. Он был способным, хотя и не слишком просвещенным императором. Это подтверждает совет, который он дал на смертном ложе своим сыновьям: «Избегайте ссор. Хорошо платите своим солдатам и больше ни о ком не заботьтесь».

Этот фантастически суеверный человек, еще будучи простолюдином, видел сны, которые обещали ему выдающееся будущее; кроме того, он с большим рвением занимался астрологией. После смерти своей первой жены Пацции Марцианы (о которой мы знаем только то, что в своей автобиографии Септимий Север даже не упомянул ее имени) он жил в Лионе и служил губернатором провинции Галлия Лугдунензис. Здесь он вспомнил, что, завершив свою службу в Сирии, где командовал IV легионом, посетил храм Солнца (Элагабала) в Эмесе и познакомился там с Юлием Бассианом, который, судя по тому, что был жрецом, происходил из знатной семьи, и с его дочерью Юлией Домной. Тогда или позже он узнал, что гороскоп предсказал, что ей суждено стать женой правителя. Он мечтал стать правителем, и потому послал за Юлией и женился на ней. Это было в 185 году. Через год или чуть позже в Лионе родился их первый сын Каракалла; а в Риме, в 189 году Юлия родила второго сына, Гету. Теперь уже их не устраивали прежние имена. Септимий Север совершил неслыханный поступок – он провозгласил себя отпрыском угасшего рода Антониев. Так что его сыновья и, что еще более удивительно, внучатые

племянники Юлии, будущие императоры Каракалла, Гета, Элагабал и Александр Север, сделались Антонинами, Аврелиями или Аврелиями Антониями.

Круглое лицо и сирийские черты Юлии по римским стандартам не считались красивыми; но она была очень умна и обладала большим мужеством, поэтому влияние ее личности чувствовалось в империи во всем. Ни одна императрица не оставила после себя столько изображений на монетах и надписей, сколько она. Юлия обладала большей властью, чем даже Плотина, и стала самой успешной императрицей за всю предыдущую римскую историю. Она получила множество титулов, которые в большинстве своем были созданы специально для нее. Титулы эти часто встречаются на монетах и надписях того времени. Уже в 196 году, после того как Септимий разгромил армию Адиабени, она получила титул Мать войска, которым в свое время была награждена младшая Фаустина. Позже она стала «матерью» еще много кого и чего. В посвящении на арке менял на форуме Боариум в Риме, установленной в 204 году, ее называют Матерью Августов – Каракаллы и Геты – и армии. После смерти Геты эта надпись была изменена, теперь она гласила: «Мать нашего Августа – Каракаллы – и армии, и сената, и страны».

После нескольких лет противостояния Юлия потерпела свое первое поражение. Консульская комната императора стала слишком тесной для нее и необычайно влиятельного префекта гвардии Ц. Фульвия Плаутиана, который начал свою карьеру, пользуясь тем, что был земляком или, может быть, даже родственником Севера. Он бы крайне невыдержанным человеком, который настаивал, что его жена должна жить в уединении. Стремясь усилить свое влияние за счет Юлии, он пошел на огромный риск – и выиграл. В 201 году, вероятно, он собрался или внушил всем, что собирается подать на императрицу в суд за измену мужу. По определению Августа, учитывая ее высокое положение, такое обвинение приравнивалось к обвинению в государственной измене. Ни одной императрице – за исключением бедной Октавии, жены Нерона, – не наносилось еще такого оскорбления, и можно было себе представить, какое возмущение оно вызвало. Если бы дело действительно дошло до суда, Юлия была бы оправдана – на что, очевидно, надеялся Плаутиан, – но в тот момент ее власти над мужем был нанесен сильный удар. Звезда Плаутиана поднялась очень высоко; на следующий год его дочь Плаутилла вышла замуж за сына императора и его предполагаемого наследника, Каракаллу. И то, что Каракалла ненавидел свою жену не меньше, чем сама Юлия, служило для нее слабым утешением.

Юлия была неукротимой женщиной – она решила стать покровительницей в той сфере, где соперничество с префектом гвардии ей не грозило. Окружив себя литераторами и философами, она основала салон. Одним из писателей, который вызвал у нее интерес, был Кассий Дион, поэтому с его стороны было неблагородно и несправедливо называть ее женщиной низкого происхождения. Ее секретарем был Филострат; именно она заказала ему собрать все сохранившиеся документы и опубликовать книгу под названием «Жизнь Аполлония Тианского», чей характер сочетал в себе фанатизм, аскетизм, веру в чудеса и суровость философа, жившего веком ранее. «Рассказ об этом был найден в дневнике ученика Аполлония Дамиса, который, как полагают, попал в руки Юлии Домны и был передан ею Филострату для редактирования. Он очень похож на Новый Завет, разве только стиль его более претенциозен и, несомненно, более совершенен; общий тон бесконечно более эрудированный, а тема еще более чудесная» (*Платнёр М. Жизнь и правление императора Луция Септимия Севера. Оксфорд, 1918*). Для Филострата императрица была «Юлией-философом». Среди ее переписки сохранилось одно послание, написанное им. «Не следует забывать, что наложение западной культуры на восточный, по своей сути, характер завоевало для императрицы такую популярность во всем мире, что повсюду стали публиковать ее мнение. В личной жизни она, должно быть, была женщиной сильной и властной, глубоко пропитанной тем довольно легковерным мистицизмом, который столь типичен для Востока, хотя и умеряется спокойным рассуждением, которым наградило ее изучение философии. «Философом Юлией», вероятно, он назвал ее не ради забавы и вполне заслуженно». Так пишет М. Платнёр, современный биограф ее мужа.

Закат ее политического влияния продолжался три года, но в 204 году она лично участвовала в Юбилейных играх, чего никогда до этого не делали другие императрицы. На следующий год алчный, жестокий и нетерпимый Плаутиан, занимавший в государстве такое же положение, что и сыновья императора, попал под следствие. Информация о его делах была передана брату императора, П. Септилию Гете, который уже лежал при смерти; Каракалла поддержал обвинения, и Плаутиан, обвиненный в измене, был убит во дворце. «Кто-то выдернул из его бороды несколько волосков и отнес их Юлии и Плаутилле, которые до вынесения приговора находились в одной комнате, и воскликнул: «Держите своего Плаутиана!» Пожалела ли Юлия Плаутиллу, кто знает? Ее муж конечно же не пожалел. Он развелся с ней и сослал на Липару.

На римских монетах часто чеканили слово *Aeternitas* (Вечность),

выражая этим надежду, что правящая династия не прервется. Эти надежды основывались на том, что у императора было два сына. Другим популярным словом было «Согласие» (Concordia), однако это не могло скрыть тот факт, который очень тревожил Юлию, что Каракалла и Гета ненавидели друг друга. В 208 году вся императорская семья отправилась в Британию, где Септимий хотел подчинить себе бриттов, и все искренне надеялись, что братья там помирятся. Их отец в 211 году, перед смертью завещал империю им обоим (какая глупость!) и убеждал забыть о своей вражде; но ни того ни другого не тронули просьбы отца. Они отвезли его прах в Рим, но о примирении не могло быть и речи. Люди опасались, как писал Продиан, что империя будет разделена на две части, по одной на каждого брата. Но в феврале 212 года Каракалла неожиданно предложил встретиться с Гетой в присутствии матери и уладить все разногласия. Гета явился во дворец. Собрались и центурионы, нанятые Каракаллой. Гета бросился к матери, ища защиты, но центурионы закололи его мечами и в неразберихе боя ранили Юлию. Гету публично предали проклятию; его имя стерли с многочисленных хвалебных надписей, которые были сделаны в его честь и в честь других членов семьи. Ему шел всего лишь двадцать третий год – и вот он погиб. Возможно, по характеру он был более дружелюбным, чем его брат; Юлия, хорошо понимавшая, что за ней внимательно следят, ради своего собственного спасения сделала вид, что разделяет радость Каракаллы по поводу смерти брата. Когда одна из дочерей Марка Аврелия, Корнифиция, пришла к Юлии, чтобы выразить свои соболезнования, Каракалле, который, в результате усыновления, мог считать себя ее племянником, показалось, что это вполне подходящий повод, чтобы ее казнить. Нам известны ее последние слова, которые вполне мог бы произнести сам Адриан: «Улетай, бедная душа, для которой это грешное тело было тюрьмой; будь свободна. Покажи, что ты истинная дочь Марка, нравится им это или нет». Каракалла послал также на Липару приказ убить свою жену. Юлия, однако, уцелела. Каким бы негодяем ни был Каракалла, до Нерона ему было далеко.

Каракалла правил Римом шесть лет и прославился тем, что в 212 году объявил всех свободных жителей Римской империи гражданами Рима. Что касается других дел, то он считал, что вопросы управления отвлекают его от более подходящих для императора занятий: армии, гладиаторских боев и гонок на колесницах, и он не возражал, когда Юлия, которая всеми силами пыталась заставить его относиться к государственным делам серьезнее, полностью подчинила его своей воле. Со своим сыном ей удалось сделать то, с чем так упорно боролся Плаутиан, – подчинение мужа ее воле. В

результате этого у Юлии и Каракаллы установились отличные отношения, что дало повод римскому сброду обвинить их в кровосмесительных отношениях. Слухи об этом поползли по Риму, впрочем, ничего более оригинального сплетники придумать не могли. Ходили и другие разговоры – поскольку Каракалла с девятнадцати лет жил без жены или наложницы, все решили, что он импотент.

В записях авральских братьев за 213 год приводится пример небывалого лизоблюдства. Эта высокочтимая компания выдающихся людей, которая существовала с момента ее вторичного утверждения Августом, приносила в честь годовщин разных событий и других важных государственных дел жертвы богам. Они также устраивали обеды – в том году их было три, – после чего выкрикивали слова похвалы императору. В 213 году они кричали вот что: «Браво, браво! Ты, Каракалла, – победитель. Браво! Мы счастливы, что ты наш император. Пусть бог отнимет у нас несколько лет жизни и прибавит к твоей. Храни тебя Германик, величайший из богов! Храни тебя Британник, величайший из богов! Если ты в безопасности, то и нам ничего не грозит. Сенату повезло, что у него такой император. Храни тебя вечно бог Август. Ты молод в своем триумфе, но мудр, как ветеран. Храни тебя бог, который выше Августа. Август! Август! Браво, Юлия Августа, мать Августа! Спасибо тебе, Август, что мы видим Августа! Да хранят вас вечно боги, Август, Августа!»

В 214–215 годах Юлия была в Вифинии, а Каракалла – на Востоке. На следующий год, во время его Армянской и Парфянской войны, она оставалась в Вифинии. Император безоговорочно доверял Юлии; он позволял ей принимать прошения и отвечать на большую часть официальных писем, приходивших на его имя. Его депеши сенату отсылались от ее имени, а также от имени императора и его армии.

В апреле 217 года на пути из Эдессы в Карре, где Каракалла собирался принести жертву богам, он был убит. Юлия получила известие об этом в Антиохии и, не желая – как в свое время жена Л. Вера Луцилла – распрощаться с позицией первой дамы империи, задумала покончить с собой. Никто не оскорбил ее предположением, что она чувствовала привязанность к Каракалле или скорбела о его смерти. Когда Макрин, сменивший Каракаллу, великодушно написал, что позволяет ей сохранить свою гвардию и другие приметы высокого положения, она воспрянула духом. Макрин, должно быть, был прав, заподозрив, что она подумывает о захвате власти. Поэтому его великодушная переписка с Юлией прекратилась; вместо этого он прислал ей короткую депешу, требуя немедленно покинуть Антиохию. И тут храбрый и гордый дух изменил

Юлии. Повсюду сохранились надписи, свидетельствовавшие о ее былой славе, а монеты с ее портретом по-прежнему звенели в кошельках людей. Но была ли она счастлива, посвятив свою жизнь борьбе за власть? Она оказывала кое-какую помощь писателям. И должно быть, один или два философа, которых она обеспечила кафедрой, испытывали к ней благодарность. Впрочем, ее гороскоп не солгал. Он обещал власть ее мужу, а счастливой жизни ей самой не обещал.

Она знала, что у нее рак. Болезнь обрекала ее на медленную и мучительную смерть. И она заморила себя голодом.

История сохранила для нас фрагмент разговора этой сирийки с женщиной, равной ей по силе характера. Это была жена шотландца по имени Аргентококк. Юлия беседовала с ней в Британии после заключения мира. Она расспрашивала ее об обычаях каледонцев, как самый заправский исследователь, и небрежно заявляла, что эти обычаи плохие. Когда она стала критиковать свободные половые отношения шотландцев, жена Аргентококка ответила: «Для удовлетворения потребностей природы наши обычаи гораздо лучше ваших. Мы выбираем лучших мужчин и живем с ними открыто. Вы же в Риме выбираете худших и тайно предаетесь с ними разврату». Жаль, что Тацит умер за сто лет до этого, он принял бы этот ответ с большим удовольствием. Он даже сам мог бы его придумать.

У Юлии Домны была младшая сестра Юлия Меса, муж которой Юлий Авит занимал в 209 году пост консула и умер, по-видимому, когда императором был Каракалла. Обе их дочери, Юлия Созмия и Юлия Мамея, были вдовами и имели по одному сыну. Сына Созмии звали Варий Авит; когда был убит Каракала, он был необыкновенно красивым мальчиком четырнадцати лет. Он пошел по стопам своего прадеда, который был жрецом Баала в Эмесе. Это был бог солнца Элагабал, которого изображали в виде черного камня конической формы. Его двоюродному брату, Гессию Бассиану, сыну Мамеи, было десять лет. Ничто не предвещало того, что один из них станет императором. Тем не менее это произошло – благодаря решимости, воображению и богатству их бабушки и матерей. Эти три женщины (из которых Созмия, хотя и отличалась невероятной алчностью, была красивее всех) в течение восемнадцати лет после смерти Каракаллы определяли судьбу Рима – сначала в худшую, а потом – в лучшую сторону.

Юлия Меса долгое время жила в Риме и, очевидно, принимала у себя дома своих дочерей, когда они приезжали из Сирии, ибо обе вышли замуж за сирийцев. Когда Макрин был провозглашен на Востоке императором, он

прислал Месе инструкции, что надо делать. Она должна была уехать из Рима и вернуться на Восток, взяв с собой все вещи. К счастью, их было не очень много. После Рима Эмеса показалась ей скучным захолустьем; после собственного дома в Риме и императорского дворца сестры даже обширные жилища ее богатой и уважаемой семьи показались ей трущобами. Она тосковала по жизни – вернее, по дворцовой жизни – в Риме.

Возможность вернуться имелась, ибо огромное войско, сосредоточенное Каракаллой на Востоке, еще не было распущено по домам, и в Эмесе хорошо знали, что Макрин уже не популярен среди солдат, которые в свое время провозгласили его императором. Солдат можно легко купить – если у вас есть деньги, а они у Месы были. И в самом деле, покупку верности войск она, без сомнения, много раз обсуждала с братом своего мужа, Септимием Севером, весьма трезвомыслящим человеком, когда он был еще жив. И поскольку у нее не было кандидата лучше, она остановила свой выбор на старшем внуке. Кроме того, она понимала (и в этом проявился ее ум), что солдаты, при прочих равных условиях, будут гораздо лучше воевать за дело, которое покажется им правым и за которое им обещали хорошо заплатить. А что может быть лучше отмщения за убийство Каракаллы? Разве воцарение юного сына Каракаллы на отцовском троне, которого того подло лишил Макрин, – это не правое дело? Молодой жрец должен был отказаться от своего достойного, но не слишком выдающегося отца, который, по счастью, уже умер. Созмия, в жилах которой текла царская кровь, с гордостью подтвердила то, что ей велели подтвердить. Варий Авит – вовсе не сын ее мужа, а сын Каракаллы. И кстати говоря, его настоящее имя не Варий Авит, а М. Аврелий Антоний.

Мальчик в длинной шелковой одежде и тиаре на голове, вероятно, был необычайно красив (хотя его изображения на монетах этого не подтверждают) и хорошо известен многочисленным солдатам, которые явились в Эмесу, чтобы отдохнуть.

И невероятное произошло. Мальчика тайно провели в лагерь. Дион утверждает, что его бабушка и мать ничего об этом не знали, но это весьма сомнительно. Солдаты провозгласили его императором. Макрин сначала принял это за шутку, но, когда велел новому префекту гвардии принести ему голову мальчика, а вместо этого получил голову самого префекта, ситуация уже не казалась смешной. Когда же войска Макрина и войска, преданные мальчику, вступили в бой, Макрину и вовсе стало не до шуток. Обе женщины – Меса и Созмия – прекратили схватку, спрыгнув со своих колесниц и обратившись к войскам. Сам юный император, сидя на коне,

храбро бился с врагом. Это был единственный подвиг в его короткой жизни. Происходило это 8 июня 218 года.

Макрин, переодевшись, чтобы его не узнали, поскакал в Рим, надеясь поднять войска и добиться помощи для себя и своего сына Диадумена. Однако его убили по пути в столицу. Сенат, действовавший под влиянием сведений, полученных от Макрина, о том, что Варий Авит повредился в уме, на свою беду объявил войну ему самому, а также его кузену, их матерям и их бабке. Первую информацию о том, как в действительности обстоят дела, сенат получил из письма нового императора, который объявлял себя «императором, Цезарем, сыном Антония (Каракаллы) и обладателем проконсульской и трибунской власти». Наверное, он не знал, что, по древнему обычаю, император ждет, когда сенат издаст указ о присвоении ему этих титулов и власти.

Женщины, хорошо знавшие римлян, не без оснований опасались, что, увидев этого странного честолюбивого юношу, провозгласившего себя римским императором, граждане поднимут бунт.

Новый Цезарь и его спутники двинулись в Рим; мир еще не видел такого необычного кортежа. В центре ехал новый император Элагабал (ибо Варий Авит взял себе имя этого бога), державший руках камень. Его сопровождали все три женщины – ибо его тетка Мамея была не тем человеком, которого можно было оставить дома. В свите ехали его кузен и два «делателя королей», главные архитекторы победы, которая была одержана на поле боя. Это были Ганн, младший служащий двора Месы, который совмещал должности учителя Вария и любовника его матери, а также еще более необычный персонаж, П. Валерий Комазон, начавший свою жизнь в качестве актера, но потом ставший военным. Этого человека ждала головокружительная карьера.

Их путешествие помешала зима, и они решили переждать ее в Никомедии. Быть может, мальчик приболел; после всех этих бурных событий, вполне возможно, у него случилось нервное расстройство. Но он был счастлив и приказал устроить пышные празднества в честь бога, имя которого он принял, и регулярно появлялся в одежде жреца – в шелках пурпурного и золотого цветов, с ожерельями и подвесками, водрузив на голову богато украшенную драгоценными камнями митру. Облачившись в эти одежды, он объявил, что вступает во второй год своего консульства и во второй раз становится трибуном. Его бабка и мать посовещались с военачальниками Ганном и Комазоном и решили, что надо попробовать сделать из него человека, хотя бы немного похожего на римлянина. Когда ему объяснили, что в Риме шелковые одежды считаются признаком

дурного тона, он простодушно ответил, что шерсть – слишком дешевый для него материал и носить шерстяные одежды он не станет. Юный император решил доказать всем, что последнее решение за ним. Ганн попытался было исполнить свою роль строгого наставника, но Элагабал, до этого подумывавший о том, чтобы объявить его Цезарем и женить на своей матери, решил от него избавиться. «Ганн, конечно, жил роскошно и любил брать взятки, но, несмотря на это, он никому не сделал зла и для многих людей был благодетелем». Так отзывается о Ганне Кассий Дион.

Бабушка Элагабала, которая вращалась в высших слоях римского общества и имела богатый опыт, сказала ему, что по римским представлениям он больше похож на женщину, чем на мужчину. Однако вместо того, чтобы прислушаться к ее словам, он заказал большую картину, на которой должно было быть изображено, как он приносит жертву своему камню (его тоже следовало там изобразить). Картину отослали в Рим и велели повесить на самом почетном месте в Доме сената. Она должна была помочь сенаторам заранее привыкнуть к облику нового императора. Вряд ли эта картина им понравилась, несмотря на всю ее красоту; а приказ о том, что они должны приносить перед ней жертвы, скорее всего, привел их в ярость.

В начале июля 219 года императорский кортеж достиг Рима. Увидев императора в его необычных одеждах, римляне окрестили его ассирийцем. Никто даже в самом страшном сне не стал бы считать римлянином юношу, который подвергся обрезанию и не ел свинины.

Самая сильная из его эмоций была привязанность к своему камню; он, вероятно, искренне верил, что, привезя в Рим солнечного бога, сделал городу величайший подарок. В Риме начали строить храмы в честь солнечного бога Элагабала, самый большой и самый важный был на Палатине. В этот храм император хотел перенести священный предмет, которому поклонялись римляне, – палладий^[21]. Была отпразднована свадьба Элагабала и карфагенской богини Юноны Целесты, статую которой привезли в Рим специально для этого. Император считался «верховным жрецом» и искренне полагал, что этот пост дает ему право жениться на посвященной богине женщине. Он избавился от своей первой жены и вступил в брак с весталкой Аквилией Северой. Трудно сказать, сильно ли он оскорбил римлян, хотя, вне всякого сомнения, стремился польстить им, а вовсе не обидеть их богов. Он имел смелость сказать: «Я сделал это для того, чтобы от меня, верховного жреца, у нее, верховной жрицы, родились богоподобные дети». «Его нужно было высечь на форуме, – отмечает Кассий Дион, – ибо так, по традиции, наказывали тех,

кто лишал невинности весталок».

Культ бога солнца был необычным, оргиастическим и поначалу понравился римлянам, как красочный и совершенно новый карнавал. Раз в год, в день летнего солнцестояния, черный камень провозили по улицам Рима, от Палатина до храма этого бога за стенами города. Его везли шесть лошадей, которые были запряжены в повозку, а император бежал или шел перед ним спиной вперед, чтобы, не отрывая глаз, любоваться великолепием святыни. Чтобы он не упал, улицы посыпали золотой пылью.

Своим женщинам, которые вместе с Ганном и Комазоном вознесли его на эту головокружительную и опасную высоту, он на публике демонстрировал величайшее почтение и уважение. С самого начала правления он отдал дань своей тетке Юлии, которая была причислена к лику богинь, как и его «отец» Каракалла. Его мать удостоилась таких почестей, о которых могли мечтать лишь Ливия и Агриппина, но которых не удостоивалась еще ни одна женщина. Вскоре после своего восшествия он ввел ее в сенат; ей было выделено официальное место рядом с консулами. Она имела право ставить свои подписи под указами, словно была полноправным членом сената. И вероятно, она не раз этим правом пользовалась.

С самого начала правления Элагабала Юлия Меса и Созмия получили право на свою монету; это право они сохранили до конца его правления. Обе носили титул Августа. Три его жены, во время своего короткого замужества, тоже имели право на монеты. В пышных речах Юлию Созмию называли Мать Августа и Мать армии, а Юлию Месу – Мать армии и сената.

Император считал – или, скорее, бабушка убедила его в этом, – что, наряду с мужским сенатом, должен быть и женский. Такой орган был создан; он собирался на Квиринале. Единственным и, вероятно, довольно полезным его достижением была разработка сложных правил этикета для женщин: «Какие одежды женщина могла носить в обществе; кто имеет превосходство и над кем; какая женщина должна подходить первой и целовать другую, кому полагается ездить на колеснице, а кому – на лошади, вьючном животном или осле; кому полагается ездить в повозках, запряженных мулами или быками; кто может пользоваться носилками, и чьи носилки должны быть кожаными, или из кости, или украшены слоновой костью или серебром, и, наконец, кому разрешается носить золото и драгоценные камни на обуви».

Вполне возможно, сенат жриц устраивал свои собрания, и, хотя «женский парламент» после смерти Элагабала был упразднен, позже его

возродил император Аврелиан, а быть может, и кто-то другой.

Хотя Созмия некоторое время имела возможность наслаждаться экстравагантным удовольствием беспорядочной жизни, ее умная мать понимала, что долго это продолжаться не может. Она видела, что, во-первых, Элагабала мало интересуют вопросы управления (за исключением разве что грандиозного проекта завершения строительства бань Каракаллы), к которому у него не было никакого призвания; а во-вторых, он оказался гомосексуалистом, склонным к чудовищным извращениям. «Он вытворял такое, – сообщает Кассий Дион, – что мне стыдно об этом писать». Но он все равно писал. В его «Истории Августа» описываются скандалы, достойные навозного жука. Впрочем, большая часть историй, выдаваемых за факты, вне всякого сомнения, была выдумана сплетниками с извращенным воображением. Но многое соответствовало действительности. И когда страсть Элагабала к светловолосому Иероклу, карианскому рабу по происхождению, дошла до того, что его мать-рабыня была привезена в Рим и получила должность, равную жене консула или бывшего консула, и когда император завел речь о том, чтобы провозгласить Иерокла Цезарем, терпение римлян лопнуло. «Он ткал шерсть, иногда надевал сетку для волос и подкрашивал глаза, обводя их белым свинцом или альканной. Однажды он побрил себе подбородок и устроил в честь этого события праздник; но после этого велел выщипать себе волоски, чтобы еще сильнее походить на женщину». Его бабушка устроила ему выволочку; она умоляла его жить нормальной жизнью, но он остался глух к ее доводам.

Меса смотрела на вещи реально. Мальчик неисправим, и его надо устранить; и его мать – тоже. К счастью, у нее есть прекрасный кандидат на трон императора – ее второй внук.

Мамея конечно же приветствовала эту идею, хотя и приходилась императору тетей. Так же как и ее сестра, она несколько не краснела, когда в Риме был пущен слух, что она изменяла своему мужу и что ее сына не надо звать Гессием Бассианом, поскольку он тоже отпрыск Каракаллы. Этот мальчик, к счастью, был полной противоположностью своему кузену и оправдал те усилия, которые мать потратила на его образование. Он не страдал теми извращениями, которыми прославился Элагабал. Люди, и в особенности – а это очень важно – солдаты гвардии, его любили.

Пренебрегать формальностями не стоило; и надо было убедить Элагабала усыновить своего кузена. Сначала он и слышать об этом не хотел, но его заверили, что если Цезарь будет заниматься управлением, то он сможет полностью отдалиться своим религиозным обязанностям. Итак,

Цезарь был усыновлен – шестнадцатилетний подросток признал своим сыном двенадцатилетнего мальчика. Элагабал отозвался об этом с юмором: «Я приобрел взрослого сына». Бассиан получил имя М. Аврелий Север Александр.

Впрочем, очень скоро после усыновления Элагабал понял, зачем это было сделано, и, видя, что народ любит его брата сильнее, чем его самого, решил от него избавиться. Однако Александра оберегали мать – которая не позволяла ему есть пищу, присланную из дворца императора, – и бабушка. В конце концов Элагабал был убит римскими гвардейцами, а вместе с ним погибла и его мать. Не удовлетворившись убийством, солдаты раздели их догола и протащили по улицам столицы, а потом бросили тела в реку.

Так, в возрасте тринадцати с половиной лет, Александр Север сделался императором; он правил более двенадцати лет и умер в 235 году в возрасте двадцати пяти лет. Мамея наконец-то добралась до власти. При восшествии сына на престол она получила титул Августа.

Хотя Александр не был похож на Элагабала, его мать и бабушка не хотели рисковать. «Титул и величие империи принадлежали ему, но управление делами находилось в руках матери и бабушки; они старались повсюду ввести новое отношение к делу – серьезное и ответственное» (Иродиан, 6, I, I). Эту перемену обозначили два очень важных события. Помня о том, с какой враждебностью относились друг к другу сенат и Элагабал, мать и бабка Александра Севера создали орган из шестнадцати сенаторов, который должен был давать советы его преемнику. А статуя бога Элагабала, совсем недавно царившего в Риме, была возвращена в Эмесу.

Через четыре года Меса умерла и была причислена к лику богов. В ее смелой и богатой событиями жизни было много разочарований. Но в конце ее она с удовлетворением вспоминала, как ей удавалось предугадывать, откуда исходит опасность, и умело ее предотвращать. Такой же смелостью обладали и другие женщины из ее семейства: сестра и две дочери. Умерла она своей смертью, и к тому же на удивление спокойной. Ее никто не убивал, как убили обеих ее дочерей. И ее сестра, в отличие от нее самой, не пыталась отнять у нее жизнь.

Обеспечив, с помощью бабки, власть своему сыну, Мамея частично из-за своих добрых намерений чуть было не погубила ее после смерти Юлии Месы. Вполне закономерно, что у этих сильных женщин мужчины были очень слабы. Александр вскоре обнаружил, что мать так тщательно охраняет его от различных искушений и что его дни так плотно заполнены учебой, что у него почти не остается времени для самостоятельных

действий, какими бы невинными ни были его побуждения. Хуже того, он узнал, что его мать не была образцом порядочности; она вела себя в соответствии с традициями своей семьи и безо всякого стеснения обогащалась. Объяснение, представленное матерью, его совсем не удовлетворило – она заявила, что хочет обеспечить его деньгами на тот случай, если ему придется подкупать свои войска.

Узнав об этом, он бросил ей вызов, женившись на девушке со сложным именем Гнея Сея Эренния Саллюста Барбия Орбиана, которая была дочерью Саллюста Вара Макрила или, быть может, Макриниана. Нетрудно себе представить, какая разразилась буря. Среди властных женщин его семьи не было ни одной, кто согласился бы признать ее невесткой, особенно после того, как эта невестка, будучи супругой правящего императора, узурпировала положение первой дамы при дворе, отодвинув свою свекровь. Столкнувшись с этой неприятностью, Мамея призвала на помощь все свои силы. Она попыталась помешать сыну даровать жене титул Августа, но, естественно, не преуспела в этом. Но она не отказалась от дальнейшей борьбы. Через год или два (осенью 227 года) она все-таки добилась своего и разрушила брак сына. Императрицу сослали в Африку, а ее отец был казнен. Александр женился снова, а потом, быть может, еще два раза вступал в брак. Если у него и были дети, то они умерли в младенчестве.

Мы не знаем, насколько можно верить «Описанию жизни Александра», которое приводится в «Истории Августа», где из-за уважения, которое он оказывал сенаторам, его считали средоточием всех добродетелей.

Преданная ему мать никогда Александра не покидала. Когда в 231 году он отправился воевать с персами, поехала с ним; когда, два года спустя, ему пришлось идти на север, чтобы уладить проблемы на Рейне, тоже отправилась туда. 18 или 19 марта 235 года Александра и Мамею убили в Майнце-на-Рейне солдаты, возмущенные ее жадностью и тем предпочтением, которое они с сыном оказывали солдатам, пришедшим с Востока. После этих лет женского правления легионеры избрали своим императором Ц. Юлия Вера Максима. До этого он служил центурионом, а в начале своей жизни был простым крестьянином во Фракии. Он обладал огромной физической силой, но не имел никакого образования. Он процарствовал три года, ни разу не побывав ни в Риме, ни в Италии, а потом, в свою очередь, был убит.

Удивительно, но столь жадную и властную женщину, как Мамея,

монах Зонара называет «женщиной образцовой веры». Ее интересовало христианство; желая узнать об этом учении больше, находясь еще в Антиохии – еще до провозглашения Элагабала императором и до переезда семьи в Рим, – она приказал доставить к ней под охраной военных Оригена и попросила его отслужить для нее службу. Своего сына она, вероятно, воспитала в сочувствии к христианам, поскольку в его личной часовне, рядом с небольшим числом статуй обожествленных императоров, стояли изображения Аполлония Тианского, Христа, Авраама и Орфея. Для христиан это был период благоденствия, о котором они вспоминали во времена ужасных испытаний, начавшихся в первые годы следующего века. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что Мамея сама была христианкой, однако свидетельств этому нет.

Мать Константина и дочь Диоклетиана

За период примерно в полвека, прошедший после смерти Александра Севера в 235 году до восшествия Диоклетиана в 284 году, отмечено около сорока человек, которые считали себя римскими императорами (некоторым на это правление отведено всего лишь несколько дней). Императора выбирали и провозглашали солдаты; потом они его убивали и выбирали нового. На территорию империи вторгались завоеватели с новыми именами: франки, готы, алеманны, персы. В 260 году император Валериан был взят в плен персами; они подвергли его редким унижениям. В этот период жила только одна выдающаяся женщина – Зенобия.

Приблизительно через триста лет после смерти Клеопатры, во время триумфа Аврелиана в 274 году н. э., жители Рима увидели редкое зрелище – женщину, которая перед тем как попасть в плен, назвала себя в письме императору «царицей Востока». Это была Зенобия (Бат Заббай) Пальмирская, темная красавица, нацепившая на себя во время триумфа столько украшений, что, несмотря немалую физическую силу, едва передвигала ноги. Она называла Клеопатру своей родственницей и одевалась так, как, по ее мнению, должна была одеваться Дидона. Зенобия была воплощением женского целомудрия и после 276 года стала вдовой – а быть может, и убийцей – Одената из Пальмиры, который, после разгрома римской армии и пленения Валериана персами, восстановил власть Рима на Востоке. Овдовев, Зенобия, очень активная женщина, завоевала Египет и большую часть Восточной империи; но, когда провозгласила своего сына Августом, император Аврелиан двинулся на Восток и разгромил ее армию.

Он захватил Пальмиру, и его кавалерия быстро настигла верблюдов, на которых пыталась бежать Зенобия. Ее взяли в плен, привезли в Рим и во время триумфа выставили на всеобщее обозрение. После этого ей разрешили удалиться из Рима на подаренную ей виллу в Тиволи, стоящую на вершине холма, а может быть, на равнине, рядом с Адриановой, где она спокойно дожила свой век.

Несмотря на обрушившиеся на нее несчастья, Римская империя не погибла; ее спас гений Диоклетиана, скромного уроженца Далматии. Предполагают, что в начале своей жизни он был рабом.

Он сумел обеспечить безопасность границ и создать работоспособные органы управления, поскольку понимал, что Римская империя слишком велика и один человек, даже в сотрудничестве с Цезарем, управлять ею не может. Необходимо было иметь двух Августов и двух Цезарей. А столицами сделать два города, имеющие более выгодное географическое положение: Милан на Западе, где должен был жить первый Август, и Никомедию в Вифинии, которая должна была стать резиденцией второго. История Рима как столицы империи завершилась. А с ней и система управления, которая, по сути, оставалась такой, какой ее создал Август. Необходимо было установить абсолютную монархию, и в 293 году такая система была создана. Первым Августом стал сам Диоклетиан (в Никомедии), а вторым – его старый друг Максимиан, поселившийся в Милане. Цезарями были Констант, управлявший Галлией и Британией, и Галерий, живший на Дунае. Все понимали, что династические браки при таком раскладе будут играть такую же важную роль, что и во времена сотрудничества Юлия Цезаря, Красса и Помпея, и триумvirата, правившего после смерти Юлия. Поэтому Галерий должен был жениться на Валерии – дочери Диоклетиана, в которую он, очевидно, был влюблен. Константу пришлось отказаться от своей наложницы и жениться на Феодоре, приемной дочери Максимиана, с которой его обручили еще в 289 году.

История последнего периода, описанного в нашей книге, связана с двумя из этих трех женщин. Первой была наложница Константа, ставшая матерью Константина. Эта замечательная отважная женщина в возрасте двадцати трех лет приехала в Иерусалим и прожила там несколько лет. Другая была дочерью Диоклетиана; ее звали Валерия, «тяжелая жизнь которой могла бы стать темой для трагедии».

Наложницу Константа звали Елена. В легендах ее называют царской дочерью: в одном панегирике она названа британкой; некоторые верили,

что она была законной женой Константа. На самом деле она, вероятно, родилась в Далмации, а ее отец был владельцем гостиницы. Констант, социальное происхождение которого было достаточно высоким, по-видимому, познакомился с ней во время одной из поездок, которые часто совершали офицеры. В конце ее жизни, когда она стала Флавией Августой Еленой и была известна всему миру как достойная мать императора Константина и влиятельная покровительница христианской церкви (а христианство не одобряло наложничества), люди, даже в общественных надписях, лстиво называли ее женой Константина, «*divi Constanti castissima coniunx*».

В 293 году, когда Констант отказался от Елены, стал Цезарем и женился на Феодоре, Константину было всего пять лет. В этом браке у его отца родилось три сына и три дочери.

Валерия вышла замуж за Галерия, который, как и ее отец, происходил из простой семьи. Галерий начал свою взрослую жизнь пастухом. Их брак продолжался до смерти Галерия в 310 году. Детей у них не было, но Валерия стала хорошей матерью для незаконного сына своего мужа, которого звали Кандидиан. Как и ее мать Приска, она симпатизировала христианам; возможно, обе они были членами христианской общины, хотя и не крещеные.

1 мая 305 года Диоклетиан, как и Сулла в свое время, удивил мир, отрекшись от власти и убедив второго Августа, Максимиана, последовать его примеру, что тот и сделал, но весьма неохотно. Причина отречения, вероятно, была та же самая, что и у Суллы, – сильное ухудшение здоровья. Диоклетиану было пятьдесят девять, и он прожил в отставке еще девять лет. К тому времени был уже построен великолепный дворец в Сплите. Он поселился там и принялся выращивать капусту. Максимиан удалился на свою виллу в Лукании.

Новыми Августами стали Констант и Галерий (зять Диоклетиана); Цезарями – Максимин Дайя (племянник и приемный сын Галерия) и Север. Чуть больше года спустя Констант, подавивший в Британии восстание Карауса, умер в Йорке, и войска, находившиеся в Британии, провозгласили своим императором Константина. Галерий воспринял эти известия без особой радости, но признал его Цезарем. После этого несколько лет в империи царили беспорядки, и Максимиан, вернувшийся к политической жизни, решил, что приобретет влиятельного союзника, если привяжет к себе Константина, женив его на своей дочери Фаусте. И Константин, которому было тогда девятнадцать лет, оказался в 307 году в той же самой ситуации, что и его отец четырнадцать лет назад. Ему пришлось расстаться

со своей наложницей Минервиной, которая подарила ему очаровательного малыша Криспа, и жениться на Флавии Максиме Фаусте, младшей дочери императора Максимиана и сестре Максентия. Свадьбу сыграли в Арле в начале 307 года, и до нас дошел панегирик, написанный, очевидно, по этому поводу. В нем говорится о почетном состоянии брака и о необходимости детей, которые, повзрослев, станут солдатами. Панегирик написан в том стиле, который вполне одобрили бы цензор Метелл Македонский и император Август. Автор высокопарно восхваляет жениха, и льстивые обороты этой части панегирика превосходят лишь высказывания об отце невесты. О самой невесте почти не упоминается. Но удивляться тут нечему – что можно сказать о девочке девяти лет?

Она не дотянула трех лет до обычного возраста, в котором римские девушки выходили замуж. Однако императорам разрешалось не соблюдать правил, которым подчинялись обычные люди; к тому же Константин и Фауста были уже обручены в детстве. В честь этого даже была написана картина, изображавшая жениха и невесту, которая висела во дворце Максимиана в Аквилее. Свадьба должна была состояться в любом случае; ее просто отложили на несколько лет. Так оно, очевидно, и было.

Прошло некоторое время, и у них родился первый ребенок. Всего Фауста родила мужу трех сыновей: Константина II, Констанция и Констанса.

Действуя, вероятно, по наущению своей матери, которая была убежденной язычницей, Галерий убедил Диоклетиана подписать в 303 году указы о преследовании христиан – Диоклетиан сделал это весьма неохотно. Вскоре после этого он ушел в отставку, а Галерий стал Августом. Его жена Валерия получила титул Августа – «*sacratissima ac pissima Augusta, materque castrorum*». В 311 году, незадолго до смерти, Галерий отменил эти указы, издав «Закон о веротерпимости»; в империи было четыре женщины, искренне сочувствовавшие христианству (если, конечно, они уже сами не обратились в Христову веру), которые почувствовали огромное облегчение: Фауста, Елена, Приска и Валерия. Это был, вероятно, последний момент счастья, который пережили эти женщины, ибо после этого на них обрушились невыносимые страдания, которые, по словам историка Гиббона, вполне могли бы стать темой для трагедии.

На одре смерти в 311 году – которая, как у Суллы и Ирода, была ужасна и потому описана историками весьма кратко, – Галерий поручил Лицинию, ставшему в 308 году вторым Августом империи, заботу о своей жене и сыне. Они, к несчастью, ему не доверяли и обратились за покровительством к Максимиану Дайе, ставшему Цезарем в 305 году.

Мальчик Кандидиан, попавший в руки Лициния, сначала был принят как родной, а потом изгнан.

В борьбе за личную власть, которая разрушила систему управления империей, созданную Диоклетианом, Максимин, приняв у себя убитую горем вдову Галерия, решил, что для достижения своих целей ему надо развестись с женой и жениться на ней. «Это дикое животное воспламенилось страстью. Дама еще носила черные одежды и оплакивала мужа. Он умолял ее отдать ему свою руку, решив, если она согласится, избавиться от своей жены. Валерия, ничего не скрывая, дала ему единственно возможный ответ. Пока она носит траур, она не может даже думать о новом браке, ведь пепел ее мужа, его дяди^[22], еще не успел остыть. А с его стороны чудовищно разводиться с женой, которая была ему верна. Точно так же, без сомнения, он со временем поступит и с ней». Но в предложении Максимиана, по мнению Лактанта, было больше политики, чем жажды обладания.

Максимин жестоко отомстил Валерии. Многие люди были казнены лишь потому, что были ее друзьями; сама Валерия вместе с Приской отправились в ссылку в отдаленную часть Сирии. Диоклетиан, доживавший свой век в Сплите, посылал письма с протестом, но ответа на них не получил. И он смирился; в конце концов, он уже стар, устал от мира, и его интересует только сад. В 313 году армия Максимиана была разгромлена Лицинием под Византией, и он умер в Каппадокии, а Приска и Валерия снова пустились странствовать. Пятнадцать долгих месяцев они под чужими именами переезжали с места на место на Востоке. Никто не догадывался, что две эти женщины когда-то были женами императоров. Они отправились в путь, вероятно надеясь, что в конце концов доберутся до Диоклетиана, но их надежды рухнули, когда до них дошли вести о его смерти. В конце своих пятнадцатимесячных странствий они были опознаны в Фессалониках. Их публично обезглавили, а останки бросили в море.

Елена была не просто удачливее их, она, по всем меркам, жила счастливой, успешной жизнью. Когда Констант женился на Феодоре, она, возможно, была немного уязвлена и страдала от ревности. Но когда стало ясно, что не сыновья Феодоры, а ее сын Константин станет императором, она почувствовала себя отомщенной; Феодору с детьми отослали в далекую Тулузу, где она, по-видимому, и пропала. Однако такие чувства не подобают истинной христианке, ибо после 312 года она вместе с Константином обратилась в христианство.

Елена обладала сказочным богатством, она имела собственность в

различных частях света. В самом Риме ей принадлежал огромный участок земли: на востоке, от соединения Келиана и Эсквилина, по обе стороны от Аврелиановой стены – от нынешнего места расположения церкви Святого Иоанна Латеранского до Санта-Кроче Иерусалимского. Здесь были найдены три надписи, сделанные в ее честь. Ее резиденция, Palatium Sessorianum, располагалась внутри римских стен.

Елена прославилась своими щедрыми пожертвованиями: христианская церковь, друзья, солдаты – все получали от нее дары. Она вложила большие деньги и в строительство новой столицы своего сына – Константинополя, в котором, естественно, стояло несколько ее статуй.

Но христианство для нее заключалось не только в ритуалах и благотворительности; она верила в саму идею. Исповедуя учение Евсевия, она была преданной арианкой, как и сводная сестра Константина, Констанция, которая тоже находилась под сильным влиянием Евсевия. В 313 году Констанция вышла замуж за Лициния и в 325 году присутствовала на Никейском соборе, оказывая поддержку делу ариан. Возможно, что именно под ее влиянием Константин в споре взял сторону Ария.

В 330 году, после официального основания Константинополя, неугомонная Елена отправилась в Иерусалим. По дороге, в Антиохии, она низложила епископа Евстатия, который принял в споре другую сторону и поэтому показался ей очень опасным. Елена построила в Иерусалиме две церкви – одну в Вифлееме, а другую – на Оливковой горе, а вернувшись в Константинополь – еще две. Она умерла здесь в присутствии сына, и ее тело было отвезено в Рим и там похоронено.

Елене пришлось мало о чем пожалеть – возможно, лишь о том, что в 326 году она погубила свою невестку Фаусту, жену Константина. Сведений об этой мрачной истории у нас почти нет. Константин в свое время из молодого амбициозного развратного человека, хладнокровно убивавшего врагов, превратился в серьезного, почитаемого всеми государственного мужа – и все это благодаря влиянию новой религии. И тем более грустно, что в конце жизни его правление сильно ухудшилось. Нельзя было придумать ничего более ужасного, чем убийство собственного сына Криспа, к которому Константин когда-то был очень привязан. Крисп в 321 году женился на женщине по имени Елена, и через год у них родился сын. Крисп сделал блистательную карьеру, хотя в 326 году, когда его отравили, ему исполнилось всего двадцать лет. Быть может, он был несдержан. Быть может, он и вправду участвовал в заговоре против отца. Говорили, что он невиновен, как Ипполит, что его мачеха Фауста была такой же страстной женщиной, как и Федра, и вела себя как она, но в это трудно поверить.

То, что в гибели Криспа в каком-то смысле была виновна Фауста, не вызвало сомнений, и в 326 году Елена убедила Константина предать ее ужасной смерти. Она обварилась кипятком в бане.

Елену широко почитают в современном Риме. Циники могут сомневаться в том, что она отыскала в Иерусалиме обломок креста, на котором был распят Христос; у Евсевия ничего об этом не говорится. Но Елену, вероятно, убедили, что предмет, который она нашла в Иерусалиме, является обломком этого креста. Константин, похоже, тоже в это верил и, возможно, именно поэтому построил на земле, принадлежавшей его матери, храм, который первоначально стоял на месте современной церкви Санта-Кроче в Иерусалиме.

Рядом с церковью Святой Агнессы, которую построил сам Константин или его дочь, на улице Номентана, стоит храм Святой Констанцы. Свод окружающей его крытой аркады украшен мозаикой с изображением птиц и плодов, виноградников и сельского пейзажа, по своей красоте не имеет равных в Риме. Этот храм был сооружен Константином как мавзолей своей дочери Констанцы. Она умерла в 354 году, через семнадцать лет после отца, и ее тело было похоронено здесь, как он и хотел.

Часть вторая
Обычай

Глава 7. Брачная церемония

Выбор мужа

Во время своей первой свадьбы женщина испытывает такие чувства, которые ей уже больше не испытать. Поэтому, когда писатели той эпохи живописали, вслед за древними авторами, римскую свадьбу, они, естественно, имели в виду свадьбу молодой девушки, вступающей в брак в первый раз. Очень часто это была и первая свадьба ее мужа. Когда во времена республики стало увеличиваться число разводов, а при Августе закон стал наказывать бездетных вдов или разведенных женщин моложе пятидесяти лет, которые не обзавелись новым мужем, вторые и третьи браки стали обычным явлением. Сатирик Ювенал, неизбежно преувеличивая, рассказывает нам о женщине, которая в течение пяти лет восемь раз выходила замуж.

Римляне, очевидно, созревали очень быстро, даже по современным нормам Средиземноморья; считалось, что девочка готова к браку в двенадцать, а мальчик – в четырнадцать лет. И хотя свадьбы не всегда игрались в столь юном возрасте (особенно в семьях простолюдинов, где отцам порой было трудно обеспечить дочерям приданое), литературные источники и надписи свидетельствуют о том, что девочки в среднем первый раз выходили замуж в четырнадцать лет. По суровым законам Августа, наказание за безбрачие наступало для юношей старше двадцати пяти лет, а для девушек – двадцати. Поэтому женщины в основном выходили замуж в шестнадцать-двадцать лет, юноши женились в двадцать – двадцать пять лет. Марку Аврелию было двадцать четыре, когда он женился на Фаустине.

Среди высших классов, в которых браки в основном заключались по расчету, невесту сыну выбирал отец, и юноша должен был подчиняться его воле, если, конечно, невеста не отличалась скверным нравом. Жениха для дочери тоже подбирал отец, но девушка обычно решала вопрос, выходить ли ей замуж за этого парня, вместе с матерью. И если отец заключал сделку о свадьбе, не посоветовавшись с женой, она обрушивала на него свой гнев, и при этом совершенно справедливо. Существует рассказ о том, что решение женить Тиберия Гракха Старшего на Корнелии, дочери великого Сципиона Африканского, было принято во время мужской пирушки. Когда Сципион вернулся домой и сообщил жене, что нашел жениха для их

дочери, «она пришла в ярость, на которую способна только женщина, из-за того, что он не посоветовался с ней, ведь Корнелия была не только его, но и ее дочь. Она заявила, что, даже если он решил выдать девочку за самого Тиберия Гракха, все равно надо было посоветоваться с ней, ее матерью». Точно такую же историю рассказывали, когда в следующем поколении Тиберий Гракх Младший обручился с дочерью Аппия Клавдия. Первый рассказ – чистая выдумка, да и второй, вероятно, тоже. Однако негодование матери в обоих случаях, согласно римским представлениям, было вполне оправданно. Только в условиях, созданных младшим Катонем, в конце республики, где женщин, как в старые добрые времена, заставили полностью подчиняться мужьям, хозяин дома мог отвергнуть предложение величайшего из всех живших римлян, Помпея, который хотел жениться на дочери этого человека, и женщины этому беспрекословно подчинились.

Присматривая подходящего жениха, родители или опекуны девушки часто обращались за советом к друзьям. На рубеже I и II веков н. э. Юний Маурик спрашивал Плиния Младшего, нет ли у него на примете подходящего парня для его племянницы, дочери Арулена Рустика, которого в 93 году н. э. казнил Домициан. Как всегда, Плиний был готов помочь. Он предложил подходящего кандидата, Миниция Ацилиана из Брешии, которому было около сорока. Он был немного староват – но мы ведь не знаем, сколько лет было даме.

«Его лицо, довольно румяное, свидетельствует о высоком происхождении. Он – красивый парень, сенатор до мозга костей. Я полагаю, что об этом надо сказать, ибо это те качества, о которых добропорядочная женщина имеет право знать. Следует ли мне упомянуть, что его отец исключительно богатый человек?»

Несомненно, следует. Как говорил Ювенал: если ты беден, то свататься к дочери богатого человека совершенно бесполезно.

Юноша и девушка для заключения брака должны были достичь подросткового возраста – а он, как считалось, наступал между двенадцатью и четырнадцатью годами. Если этого не было, брак считался незаконным. Браки между близкими родственниками относились к разряду преступлений – инцесту, который первоначально карался смертью, а позже – ссылкой. Однако со временем определение инцеста было смягчено. В древности запрещались браки между троюродными братьями и сестрами; но ко II веку до н. э. нередкими стали браки даже между двоюродными родственниками. Во времена империи тоже – к примеру, жена Марка Аврелия, Фаустина Младшая, приходилась ему двоюродной сестрой. Когда в 49 году дочь Германика Агриппина сменила Мессалину и стала четвертой

женой императора Клавдия, своего дяди, общественное мнение было шокировано, и не без оснований. В IV веке браки племянниц с дядьями снова были запрещены законом.

Таким образом, абсолютным препятствием для брака был возраст (для тех, кто не достиг подросткового возраста) или слишком близкое кровное родство.

Кроме того, была категория браков, которые закон отказывался признавать законными. Например, брак римского гражданина (или гражданки) с иностранцем. Римские женщины не могли выходить замуж за раба. До 445 года до н. э. запрещалось заключать браки между патрициями и плебеями. Сенатор или потомок сенатора в третьем поколении по мужской линии не имел права (после принятия в 18 году до н. э. закона Юлия) брать в жены отпущенницу, а дочь, внучка или правнучка сенатора по мужской линии не могла выйти замуж за отпущенника. Этот запрет часто казался неразумным в первые годы империи, когда у детей человека, ставшего консулом, двоюродными братьями и сестрами были дети отпущенника (порой сказочно богатые).

До тех пор пока Септимий Север не внес изменения в законодательство, римская женщина не имела права выходить замуж за легионера; а если она жила в провинции, то и за чиновника римской администрации в этой провинции. Не могла она стать женой и своего опекуна или наставника, а также их сына и внука.

Однако ни в одном из этих случаев закон не запрещал подобные браки, он просто отказывался их признавать. Супруги не имели права судиться по вопросам, возникавшим в процессе брака, а также не пользовались общественными льготами, которые полагались семьям, живущим в законном браке. Этот союз не считался *matrimonium iustum*, и родившиеся дети не признавались законными.

Там, где этих ограничений не было и брак соответствовал римским законам, муж римской женщины был либо полноправным гражданином Рима, либо территориальным подданным, не считавшимся гражданином (таких мужей называли перегринами). В последнем случае мужчина мог иметь право жениться на римской гражданке (конубиум), а мог и не иметь. Таким правом пользовались до принятия указов об унификации страны в 90 году н. э. большинство латинских сообществ Италии. После 90 года оно было специальным указом даровано латинским колониям. Если право конубиума приобреталось вместе с римским гражданством, а в эпоху империи его получали солдаты вспомогательных войск при увольнении со службы; целые сообщества (Клавдий даровал его городу Волубилис в

Мавритании), а также отдельные люди, – то его значение расширялось^[23]. Тем, кто получал право конубиума, разрешалось заключать законные браки с женщинами, которые не являлись гражданками Рима, и их дети становились его гражданами.

Закон различал статус детей, рожденных в таком браке. Брак римской гражданки и римского гражданина конечно же был законным – дети, как и родители, тоже становились гражданами Рима. Если же римская женщина выходила замуж за человека, не имевшего гражданства, но обладавшего конубиумом, то их дети, по примеру отца, не получали гражданства. Если же он не имел конубиума, то дети, вслед за матерью, становились гражданами Рима. Однако после принятия закона Миниция (в каком году, мы не знаем) ситуация изменилась – если римская женщина выходила замуж за перегринца, не имевшего конубиума, их дети не получали гражданства, а наследовали статус своего отца. Этот закон был изменен Адрианом – дети римской матери и латинского отца становились гражданами Рима.

Поскольку родители хотели, чтобы их дети вступали в удачные браки, а девушки не могли выходить замуж без согласия отца или опекуна (хотя могли, по закону, оспорить решение, которое показалось им несправедливым), у девушки почти не было возможности, даже если она хотела, заключить мезальянс (неравный брак). Если муж умирал и женщина снова хотела выйти замуж, не достигнув возраста двадцати пяти лет, то ее родственники имели право запретить ей (обратившись в магистрат) вступать в брак, который казался им неподходящим. Таким образом, если заключались браки, которые не одобрялись законом, то это случалось, без сомнения, только в том случае, когда невеста была уже старше двадцати пяти лет.

Несмотря на то что браки заключались по расчету, они часто оказывались счастливыми. Но справедливо и обратное – из-за отсутствия любви оба супруга были несчастны. Хороший брак удовлетворял обе семьи; удачный брак к тому же удовлетворял общественные потребности страны – в нем рождались мальчики, которые, вырастая, становились солдатами. С самого начала римской истории и до ее конца государство беспокоила проблема пополнения армии новыми бойцами. В современном обществе мало найдется стран, в которых главной целью брака, как в Древнем Риме, было рождение новых солдат.

Помолвка

Жениха и невесту иногда обручали еще в раннем детстве; но это происходило, вне всякого сомнения, еще до того, как во времена империи был принят закон, который гласил, что дети должны понимать, о чем идет речь, когда заключается помолвка, иными словами, им должно быть не менее семи лет. По законодательству Августа, помолвка не признавалась законной, если девочке не исполнилось еще десяти лет. Но даже после этого годовалую Октавию, дочь Клавдия, обручили с Л. Юнием Силаном, пятнадцати– или четырнадцатилетним подростком.

Формальности помолвки обговаривали будущий муж (а если он был слишком юн, то его отец или наставник) и отец или опекун девочки. В древности они заключали, как выражаются юристы, «двухстороннее соглашение»; иными словами, при разрыве помолвки в суд могли обращаться обе стороны.

Однако перед концом республики такая система уступила место другой, более либеральной (и наказание за нарушение обещания тоже ушло в прошлое). Теперь помолвка стала неофициальным соглашением о браке, сделанным либо в письменном виде, либо перед свидетелями. Ее можно было легко отменить, произнеся простую формулу: «*Condicione tua pop utor*». Стороны обменивались подарками, но в случае расторжения помолвки не могли потребовать их возвращения через суд. Тем не менее мужчина обычно подносил невесте дорогие подарки – *donation ante nuptias* (подарки до свадьбы). Это делалось незадолго до свадьбы, и если помолвка разрывалась, то подарок обычно возвращали (по закону Константина, его возвращения можно было требовать через суд). На свадьбе жениху обычно возвращали деньги за подарок – как дополнение к приданому невесты. Это делалось для того, чтобы увеличить сумму, которую получала женщина в случае смерти мужа. Причина, по которой подарок делался до свадьбы, заключалась в том, что по римским законам мужу и жене запрещалось обмениваться дорогими подарками после свадьбы. Этот странный запрет появился, очевидно, во времена Августа и сохранился до эпохи Септимия Севера и Каракаллы.

В бурной политической жизни в период поздней республики и гражданских войн помолвка, которая считалась удачной в момент ее заключения, в результате изменения политической ситуации становилась ненужной и даже нежелательной. Дочь Юлия Цезаря в 59 году до н. э. чуть было не вышла замуж за Сервилия Цепио (возможно, М. Брута), но

политические интересы Цезаря изменились, помолвка была разорвана, и она стала женой Помпея. Первая помолвка молодого Октавиана – с Сервилией, дочерью второго консула при Юлии Цезаре в 48 году до н. э. – после создания триумvirата в 43 году до н. э. была разорвана, и, желая укрепить союз с Антонием, Октавиана обручили с падчерицей Антония (Клодией, дочерью П. Клодия и Фульвии). Впрочем, они так и не поженились, поскольку возникла необходимость установления семейных связей с Секстом Помпеем. Так что его вторая помолвка была тоже разорвана, и он женился на Скрибонии, сестре тестя Секста Помпея. Она была намного старше Октавиана, два раза побывала замужем и имела нескольких детей.

Обрученных юношу и девушку называли спонсус и спонса. Помолвка скреплялась поцелуем, и по обычаю, который, вероятно, пришел с Востока и первоначально заключался в уплате выкупа за невесту, будущий жених надевал девушке на третий палец левой руки железное кольцо^[24]. Родственников и друзей приглашали на пирушку по случаю помолвки – эта пирушка называлась sponsalia (спонсалия). Императора Августа, до того как он стал стариком, часто приглашали на спонсалии, и если он принимал приглашение, то это считалось знаком расположения императора к хозяевам. Гай Калигула тоже любил посещать пирушки по случаю помолвки совсем простых людей.

Конечно, для главных участников этих событий, если они были еще совсем детьми, эти торжества были мало понятны и скучны, но старшие, без сомнения, наслаждались разговорами и воспоминаниями. Если помолвка была заключена по взаимному согласию, то родители предвкушали выгоды, которые обещал им будущий союз их детей в торговле и, быть может, в политике. В деловых вопросах римляне были очень практичными людьми.

Дочь Цицерона Туллия обручилась со своим первым мужем в 67 году до н. э., когда ей было всего двенадцать лет. Свадьба состоялась через четыре года, а когда в 57 году до н. э. ее муж неожиданно умер, она снова оказалась на брачном рынке. Через год, когда Туллии исполнилось двадцать три года, ее обручили с Фурием Крассипом. До нас дошли письма, которые Цицерон писал в конце марта ее дяде Квинтию, жившему на Сардинии. В одном из них он выражал надежду, что Крассип не сорвется с крючка. В апреле он извещал Квинтия, что все формальности завершились 7-го числа, а 8-го он давал обед в честь помолвки. Когда в 51 году брак распался, Т. Неро (отец будущего императора Тиберия) отправился в далекую Киликию, где Цицерон служил губернатором, специально для того, чтобы просить

руки его дочери. Цицерон дал согласие на брак и послал в Рим гонца с сообщением об этом, но тот прибыл слишком поздно. Туллия (которой было в ту пору двадцать девять лет) и ее мать уже сделали свой роковой выбор. Спонсалия уже прошла, и Туллия должна была выйти замуж за печально знаменитого Долабеллу.

Формы брака

В ранние дни Рима существовало три разных формы брака, но во всех случаях жена переходила из-под власти отца под власть мужа и должна была беспрекословно ему подчиняться. Фактически девушка меняла один вид зависимости на другой; она меняла семью. Однако еще задолго до гибели республики римские женщины взбунтовались против этого рабства, и, хотя закон по-прежнему сохранял первоначальные формы брака, соблюдались они очень редко. На их место пришел «свободный брак».

Первой формой брака была примитивная покупка невесты, пережиток древних времен. Жених в присутствии пяти свидетелей совершал фиктивную покупку жены. Он при десяти свидетелях ударял монетой по весам и объявлял девушку, держа ее за руку, своей собственностью.

Второй формой была женитьба людей, уже живущих совместно, но, очевидно, в самом начале объявивших о своем намерении стать мужем и женой, иначе нельзя было бы отличить жену от наложницы. В этом случае мужчина приобретал полную власть над женой только в том случае, если она целый год жила с ним неотлучно. Но еще в V веке до н. э. женский ум изобрел способ избежать полного подчинения мужу. Под удобным предлогом женщина за три дня до окончания очередного года совместной жизни куда-нибудь удалялась и проводила эти три дня отдельно от мужа.

Третья форма брака (конфарреация) была самой интересной и живописной. Главный жрец и жрец Юпитера председательствовали на церемонии, на которой присутствовало десять свидетелей. Приносились обильные жертвы: овца, фрукты, соленый пирог, хлеб из полбы. Жениха и невесту усаживали на стульях, которые стояли рядом и были покрыты овечьей шкурой. Вероятно, это была шкура овцы, которую приносили в жертву. Мы не можем утверждать, что эта форма брака была разрешена только для патрициев, но, несомненно, это была единственная форма, которая считалась законной для тех, кто занимал самые высокие жреческие посты в республике (и в империи тоже): для главного жреца и фламينا Диалиса (их жены автоматически становились жрицами), а также для

фламина Мартиала и фламина Квиринала. Эти посты могли занять только те люди, чьи родители и они сами поженились по такому обряду. Развода, добиться которого было чрезвычайно трудно, мог потребовать только муж, поэтому эмансипированные женщины выступали против этой церемонии. Фламин Диалис и его жена не могли развестись ни при каких условиях^[25]; их могла разлучить только смерть, и, если жена умирала первой, муж должен был немедленно оставить свой пост. Неудивительно поэтому, что этот пост после 87 года до н. э. оставался незанятым целых семьдесят пять лет, и, когда императором стал Тиберий, закон был изменен. Абсолютное подчинение жены фламина Диалиса было ограничено только сферой ее религиозных обязанностей.

Уже в III веке до н. э. свободный брак стал повсеместной практикой. Жена, по закону, сохраняла свою собственность, а поскольку она теперь не являлась абсолютной собственностью мужа, то развестись стало легко.

Выбор дня свадьбы

Не всякие дни подходят для свадьбы. По традиции, Русская православная церковь запрещает свадьбы в период между Рождеством и Пасхой, а различные конфессии западной христианской церкви не одобряют браков во время Рождественского и Великого постов. Поэтому только полный дурак мог напрашиваться на неприятности, играя свадьбу в неподходящий день. В римском календаре было множество таких дней. Нельзя было жениться, когда духи мертвых вырываются на свободу – они становятся особенно мстительными и зловредными, когда вдова снова выходит замуж (дух умершего мужа стремится отомстить жене). По этой же причине 18–21 февраля, в дни поминовения мертвых (паренталии), свадеб старались не играть. Не женились и 24 августа, 5 октября и 8 ноября, когда открывали вход в подземный мир на форуме; а также в мае, когда латины приносили жертвы мертвым. Существует поговорка: «Женишься в мае – всю жизнь будешь маяться». Неподходящей для свадеб была и первая половина июня – до 15-го числа, когда заканчивалась весенняя уборка в храме Весты и весь мусор выбрасывался в Тибр. Мартовские дни (особенно 1, 9 и 23-е) были неподходящими по другой причине, поскольку в этом месяце салии – танцующие жрецы Марса – «сдвигали щиты». «Оружие означает битвы, а битвы враждебны духу женитьбы». Праздничные дни считались неподходящими для первых браков, но вдовам вступать в новый брак не возбранялось. Если смотреть

на это с точки зрения суеверия, то причина была весьма неделикатна, но вполне объяснима. На первую в своей жизни свадьбу новобрачные обычно приглашали множество гостей; а в праздничный день люди были заняты и прийти могли не все. Вторую или третью свадьбу, наоборот, следовало отмечать гораздо скромнее. Брачующиеся старались избегать также тех дат, когда римские войска потерпели крупные поражения (по очевидным причинам): такими днями в каждом месяце были календы (1-е число), ноны (5-е или 7-е), а также иды (13-е в одних месяцах, 15-е в других). Одной из причин было то, что за ними шли черные дни, совсем не подходящие для молодой жены, которая должна была приступить к исполнению своих домашних и религиозных обязанностей в качестве новой хозяйки дома.

Таким образом, свадьбу надо было играть в подходящий для этого день – лучше всего во второй половине июня, в период сбора урожая, когда природа дарит людям свои плоды. Суеверия, связанные с днем свадьбы, как и с церемониалом самой свадьбы, сохранились с древнейших времен, когда римляне жили сельским хозяйством. Все боги, покровительствующие браку: Церера, Теллус, Пикумнус и Пилумнус, – были богами природы и земли.

Свадьба

Хотя свадьба состояла из сложных, полных условностей церемоний, которые проходили сначала в доме невесты, потом по пути в дом жениха и, наконец, при входе невесты в свой новый дом, и хотя свидетели подписывали нечто вроде брачного контракта, все эти действия не являлись самой свадьбой. Соблюдали ли стороны все подробности церемонии или, наоборот, вовсе отказывались от нее, брак все равно считался законным. Это было состояние, в котором мужчина и женщина жили совместно по обоюдному согласию как муж и жена. При отсутствии взаимного согласия соблюдение всех требований церемониала или тот факт, что мужчина и женщина вступили в половые отношения, не имели никакого значения.

Основой брачных ритуалов были религия и суеверия, хотя ученые этого долго не понимали. Эти суеверия определяли большинство церемоний: избавление от дурных влияний, задабривание духов, которые могут принести молодым вред, и, в особенности, поощрение сил, от которых зависит рождение детей. К концу существования республики брачный церемониал утратил свою религиозную суть, и римскому миру пришлось ждать своего обращения в христианство, чтобы религиозный

аспект брака снова возобладал. Церемония бракосочетания была гражданской. В брачном контракте оговаривался размер приданого, ибо он представлял большой интерес как для отца невесты (или ее наставника), так и для жениха (и, возможно, его отца). Нужно было все очень тщательно обсудить, чтобы потом не возникало никаких споров.

Молодая невеста накануне приносила в жертву богам свои игрушки и девичье платье, которое до поздней республики представляло собой тогу. После этого ее облачали в свадебный наряд.

Начинали с прически. До свадьбы волосы девушки никогда не расчесывали на пробор, а собирали в хвост и завязывали лентой или скрепляли заколкой.

Перед свадьбой их разделяли на шесть прядей, которые укладывались вокруг головы в виде конуса и завязывались шестью шерстяными полосками. Эту примитивную прическу носили только невесты в день свадьбы и некоторые жрицы.

Пряди волос отделялись с помощью кривого железного наконечника копья. Было выдвинуто много предположений, зачем это делалось; современные антропологи считают, что первоначально целью этого ритуала было изгнание злых духов, живущих в волосах. Эти духи больше всего боялись наконечника копья, которым был убит гладиатор; сэр Джеймс Фрэзер даже утверждает, что это должен был быть наконечник, с которого еще капала кровь! Но в этом случае пришлось бы признать, что, когда в Риме играли свадьбу, всегда находился только что заколотый гладиатор!

Покрывало невесты напоминало длинный шарф из прозрачной ткани, вроде жоржета или вуали. Его повязывали на голову, оставляя лицо открытым. Он был ярко-оранжевого цвета, или цвета пламени; такой же окраски была и обувь невесты. На голову надевали венок из майорана. Свадебное платье называлось прямая туника. Ткань для нее изготавливали на старомодном вертикальном станке. Прямую тунику шили из белой тонкой фланели или легкого муслина. Как и современное свадебное платье, надевали ее только один раз в жизни. В будущем, став матроной, женщина будет носить столу. Талию перехватывал белый шерстяной пояс, завязанный сложным узлом, который называли геркулесовым – он защищал от колдовства и дурного глаза.

На свадьбу собирались гости, друзья и клиенты семьи, для которых посещение торжественных событий было обязанностью. Приезжал жених, и, исполнив религиозный ритуал принятия покровительства, который существовал в первые годы республики, невеста объявляла себя его женой, произнеся слова: «Ubi tu Gaius, ego Gaia» («Где ты, Гай, там и я – Гайя»)^[26].

Это вовсе не означало, что она брала себе его имя, ибо ее имя не менялось. Эта фраза означала: «К какой бы семье или клану ты ни принадлежал, я тоже буду принадлежать им». После этого подружка невесты подводила ее к жениху и они брались за руки. Тут же приносилась жертва богам, обычно это была свинья. Если свадьба проходила по обряду конфарреации, то брачующиеся усаживались на два стула, которые стояли рядом и были покрыты овечьей шкурой, и ели хлеб из полбы.

Далее подписывался брачный контракт (*tabulae nuptiales*), появившийся в первые годы существования Римской империи. Организатор брачной церемонии – сочетавший в себе функции семейного жреца и лучшего друга – произносил установленную фразу, выполняя роль, которую когда-то играл настоящий жрец. Брачный контракт, в котором был указан размер приданого, подписывали десять свидетелей, пришедших на свадьбу. До нас дошло два контракта на папирусе, которые были заключены в Египте, вероятно, в I веке н. э. В обоих перечислены драгоценности невесты, а в одном – ее одежда. Рядом проставлена стоимость каждого предмета.

После подписания контракта наступало время пожелать новобрачным счастья. Собравшиеся кричали «*Feliciter!*» (желаем счастья!). После этого все усаживались за стол и приступали к свадебному завтраку, на котором невеста сидела рядом с женихом. Этот завтрак оплачивал жених. Его стоимость не должна была превышать определенной суммы: после Августа она равнялась тысяче сестерциев.

Этим завершалась первая часть брачных торжеств.

Вечером невесту официально забирали из рук матери (это действие, вероятно, символизировало похищение сабинянок, впрочем, ученые в этом не уверены). После этого ее отводили в дом жениха, а она должна была делать вид, будто сопротивляется. Ее сопровождали друзья, которые вместе с зеваками кричали «*Talasio!*», совсем не задумываясь о том, что означает это слово, а также пели непристойные песни, смысл которых понимали очень хорошо. Римляне одобряли эти публичные непристойности, полагая, что они обладают магическим действием и способствуют плодовитости. Жених и его друзья кидали в толпу орехи, которые собирали дети.

Сопровождение невесты в ее новый дом было главной частью брачной церемонии и выполнялось всегда, даже когда жених отсутствовал, посылая вместо себя письмо или доверенного человека. Впрочем, это случалось очень редко.

Самую важную роль в процессии играли три мальчика, родители которых были живы. Один держал невесту за левую руку, другой – за

правую. Третий шел впереди и нес факел, зажженный в очаге родного дома невесты. Его изготовляли из сосны или боярышника; всего в процессии было пять факелов. Другие участники несли веретено и прялку.

Когда процессия подходила к дому жениха, наступал черед других обрядов. Мальчик выбрасывал факел (как сегодня невеста бросает свой букет), и присутствующие старались его поймать, поскольку это обещало долгую жизнь. (Если мужа или жену заставляли вступать в брак насильно и они хотели, чтобы супруг побыстрее умер, невеста, схватив факел, должна была потушить его и положить под брачное ложе; если же жениху удалось захватить факел, он должен был положить его на могилу, чтобы он там догорел. Так, по крайней мере, пишет ученый Фест.)

После этого невеста втирала в дверной косяк масло и жир; в древности это был волчий жир, поскольку волков было очень много; и вытирала их шерстью; после этого жених брал ее на руки и переносил через порог. В доме она должна была дотронуться до огня и воды (это были главные элементы любого дома – от частного до Дома сената, где жили девственницы-весталки). В зале стояла маленькая брачная кровать, но не для новобрачных, а для их духов: гения жениха и юно невесты. Собравшиеся пели эпиталаму, и один из мальчиков отводил невесту в спальню, где ее раздевали женщины, которые выходили замуж всего один раз. Потом они уходили; появлялся жених и ложился в постель.

На следующее утро молодая жена, теперь уже не девушка, а матрона, в первый раз участвовала в религиозном обряде своей новой семьи.

В идеальном обществе женщины, вероятно, не должны вступать в брак больше одного раза, и Тацит считал, что такое общество имелось у некоторых германских племен, где мужчины отказывались жениться на женщине, которая уже потеряла девственность. Здесь женщина «любила не мужчину, а свое положение замужней». В Риме матроны, которые прожили в одном браке (их называли *univirae*), были на особом счету – только им разрешалось раздевать невесту перед первой брачной ночью.

При втором и последующих браках похищение невесты у ее матери не имело никакого смысла и, как уже было показано, праздничные дни, не подходящие для первой свадьбы, считались вполне пригодными для тех, кто вступал во второй или третий брак. Когда в 50 году до н. э. Катон снова женился на Марции, своей второй жене, с которой несколько лет назад развелся, свадебная церемония была очень скромной. Гостей не приглашали, роль организатора брачной церемонии выполнял Брут, который и произнес все необходимые слова.

На вдовцов или разведенных мужчин, невеста которых выходила замуж в первый раз, эти запреты не распространялись. Так, церемонию в полном объеме провели для невесты-ребенка, которая на несколько месяцев стала второй женой шестидесятилетнего Марка Цицерона.

Заклучались в Риме и фиктивные браки, целью которых было обмануть закон, поскольку муж и жена вовсе не собирались жить вместе. Это происходило в тех случаях, когда одна или обе стороны хотели избежать наказания, которое полагалось тем, кто, будучи моложе определенного возраста, не состоял в браке.

Не следует, однако, думать, что сложные брачные обряды всегда полностью выполнялись даже во время первой женитьбы; более того, не следует полагать, что во всех современных странах люди искренне верят в суеверия, связанные со свадьбой. То, что нам известно о древних брачных обычаях, мы узнали в результате кропотливых исследований и смелых предположений ученых, занимающихся древней историей. Ну и конечно же нам очень помогла настенная живопись. Но несмотря на то что в эпитафиях Катутла имеется прекрасное описание брачных церемоний, ни один из римских источников не сохранил для нас подробного описания реальной римской свадьбы. Характерными особенностями брачного обряда были: покрывало невесты огненного цвета; подписание брачного контракта; фраза организатора церемонии; принесение жертв; завтрак; процессия с факелами и орехи. Да и об этом мы узнали в основном из сатир императорского Рима времен его упадка. Первым был рассказ о том, как юноша (император Нерон) «вышел замуж» за своего любовника, а вторым – как императрица (Мессалина) официально сочеталась браком с простолудином, когда ее муж, император Клавдий, был еще жив. Кое-кто даже утверждал, что он сам присутствовал на свадьбе.

Приданое

Невеста должна была иметь приданое, поэтому, когда Л. Лукулл женился на Клодии, отец которой Аппий Клавдий, консул в 79 году до н. э., умер, оставив семью без гроша, отказался от приданого (он вполне мог себе это позволить), его поведение посчитали странным. Обычно, и это следует отметить, размер приданого устанавливался в результате жарких споров между отцами или опекунами будущей невесты и ее будущего свекра. В первые годы республики размер приданого был весьма

скромным, и мы нигде не находим подтверждения тому, что жених требовал выплатить ему непомерную сумму, как иногда случается в современной Индии. В начале имперского периода если семья была богата, то невесте в приданое давали миллион сестерциев. Его выплачивали после свадьбы в течение трех лет. Полибий оставил нам прекрасное описание выплаты приданого двух дочерей великого Сципиона Африканского (первая половина II века до н. э.):

«Перед смертью Сципион Старший установил размер приданого для своих дочерей – по 50 таланов^[27] каждой, и его жена во время их свадьбы выплатила обоим своим зятьям первую половину этой суммы, но умерла, не успев выплатить вторую. И этот гигантский долг повис на Сципионе Младшем, который приходился обоим означенным дамам племянником.

По римскому обычаю, на полную выплату приданого давалось десять месяцев, а по закону само оно выплачивалось годовыми порциями в течение трех лет. Однако Сципион, не колеблясь ни минуты, велел своему банкиру выплатить оставшиеся двадцать пять таланов обоим теткам в течение десяти месяцев. В конце этого периода их мужья, Тиберий Гракх и Сципион Насика, пришли в банк и спросили, давал ли Сципион какие-либо указания по передаче им денег. Когда же им сказали, что они могут получить весь остаток приданого и что каждому выписан счет на двадцать пять таланов, они заявили банкиру, что произошла, вероятно, какая-то ошибка, поскольку по закону они должны получить не половину, а лишь третью часть приданого. Банкир ответил, что так распорядился Сципион, но они отказывались в это верить и, полагая, что не поняли друг друга, пошли к Сципиону.

Их действия были вполне понятны, поскольку римлянин никогда не стал бы платить хотя бы один талан на день раньше срока, не говоря уж об огромной сумме в двадцать пять таланов, которую полагалось растянуть на три года».

Однако Сципион Младший был достаточно богат, чтобы позволить себе такой жест. Более века спустя Цицерон не мог, по своей бедности, заплатить ничего. Его дочь Туллия вышла в третий раз замуж за Долабеллу. Это случилось в 50 году до н. э., и части ее приданого должны были выдаваться 1 июля 49, 48 и 47 годов. Всякий раз Цицерон в отчаянии писал своему банкиру Аттику, спрашивая его, где можно занять денег, а в 47 году он предложил избежать уплаты, организовав развод (для которого была масса других причин), даже если уже выплаченные две трети приданого придется списать как безвозвратные потери.

Когда Плавт в своей пьесе «Мостеллария» обращался к зрителям со

словами: «Ты был мужем многих старух, которым продавал себя за их приданое», многие мужчины прекрасно понимали, о чем идет речь.

Приданое (выплата которого не была, как в Греции, необходимым условием для того, чтобы брак считался законным) – это, по сути, вклад невесты в расходы по ведению домашнего хозяйства. В древней форме брака, когда жена находилась в полной власти своего мужа, приданое переходило в полную его собственность, если жена ко времени их брака была независимой. Но если она находилась под властью своего отца, приданое уже в III веке до н. э., при определенных обстоятельствах, можно было вернуть. При свободной форме брака, которая позже стала обычной, возврата приданого можно было потребовать в любое время: первоначально в случае смерти мужа или развода по его вине, а позже даже в том случае, если виновной в разводе была жена. Юридические проблемы, связанные с возвратом приданого, уже во времена Цицерона стали такими сложными, что выдающийся юрист Сер. Сульпиций Руф вынужден был даже написать на эту тему книгу.

Требование возвратить приданое, которое выдвигала разведенная жена или вдова, имело практический смысл – женщине нужны были деньги, если она собиралась снова выйти замуж. Требование мужа сохранить за собой хотя бы часть приданого, если развод произошел из-за недостойного поведения жены, основывалось на двух доводах: во-первых, сохранение части приданого в руках мужа (подобно тому как раньше в таких случаях оно удерживалось полностью) должно было послужить для женщины наказанием; во-вторых, поскольку дети оставались с отцом, ему нужны были деньги на их воспитание и содержание. В первом случае закон позволял ему оставить за собой одну шестую приданого, если жена ему изменяла, одну восьмую, если ее проступок был не столь серьезен, плюс одну шестую часть на каждого ребенка, максимум на трех детей. А поскольку удерживаемые доли суммировались, то оскорбленный муж мог оставить у себя до двух третей приданого бывшей жены. Существовала возможность и дальнейшего уменьшения ее доли, например, если речь шла о недвижимом имуществе, то муж мог потребовать компенсации затрат на улучшение этого имущества. Все выплаты делались наличными (как и само приданое) тремя порциями в течение трех лет, кроме тех случаев, когда причиной для развода стала измена мужа; в этом случае все приданое возвращалось в руки жены сразу.

После Августа, в случае если разведенная жена была осуждена за измену, в дополнение к высылке она штрафовалась на сумму, равную половине ее приданого.

Глава 8. Дети

В римском брачном контракте четко указывалось, что люди женятся с целью рождения детей. В Риме, вне всякого сомнения, было много таких, кто вступал в брак именно по этой причине; однако мало было мужчин, которые, подобно сотруднику консула, Кв. Гортензию, жившему в последние годы республики, настойчиво добивались брака по другой причине. Когда ему исполнилось шестьдесят, он был уже вдовцом; дети его давно выросли, ему вдруг приспичило (очевидно, он слегка повредился в уме) заняться улучшением своего рода. Желая породниться с Катонем Младшим, он попросил у него руки его дочери. Катон ответил, что его дочь замужем и счастлива в браке; тогда Гортензий спросил, не может ли он вступить в брак с женой Катона Марцией и создать в будущем поколении тесную связь между двумя семьями, если уж породниться им не суждено? Марция была второй женой Катона и, родив ему трех детей, дала прекрасное начало его второй семье. «Конечно, – ответил удивленный Катон, – если ее отец на это согласится». Поинтересовался ли кто мнением Марции, мы не знаем. Ее отец (Л. Марций Филипп, занимавший в 56 году до н. э. должность консула) возражать не стал; Катон развелся с Марцией – и Гортензий на ней женился. Однако детей у них не было; Гортензий умер, и дело для Марции закончилось очень удачно; она снова вышла замуж за Катона и вернулась в его дом еще более богатой, чем раньше. Эта история, с одной стороны, отталкивающая, а с другой – комичная, и Лукан совершенно напрасно пытался сделать из нее трагедию.

Большинство государств считает справедливым, разумным и необходимым для своих собственных интересов наказывать холостых и незамужних и награждать те семьи, которые вырастили и воспитали большое количество детей. В Древней Спарте неженатого мужчину подвергали презрению; отец троих детей освобождался от военной службы, а отец четверых – от уплаты налогов. В Риме рассказывали историю о том, как еще в 403 году до н. э. старые холостяки не только выслушивали упреки сенсоров Камилла и Постулия в том, что они уклонялись от выполнения своего долга, но и вынуждены были платить огромные штрафы.

Уменьшение численности коренного населения не может не беспокоить ответственную власть; а в древних государствах особую тревогу вызывало сокращение высшего слоя общества, ибо он (хотя и

пополнялся выходцами из нижних слоев и иноземцев) поставлял стране политиков, верховных управляющих и армейских офицеров. В Римской империи, которая не хотела зависеть от наемников, существовала насущная потребность пополнения армии здоровыми новобранцами, и римляне верили, что самых лучших солдат поставляют сельская местность и что люди, живущие на земле, имеют самые большие и самые здоровые семьи. Спарта была обеспокоена сокращением своего населения уже в IV веке до н. э.; Грецию тревожило вымирание аристократических семей во II веке до н. э. В том же самом веке, после падения Карфагена, забили тревогу и государственные мужи Рима, ибо проблема пополнения легионов стала уже очень острой. В 133 году до н. э. Тиберий Гракх разработал свою идеалистичную программу возрождения фермерского хозяйства. Он предложил заселить сельскую местность в Италии мелкими фермерами, римскими гражданами. Два года спустя цензор Метелл Македонский произнес ту самую публичную речь в защиту браков, которую цитировал в 18 году до н. э. Август, вводя законы, частично повторявшие законы Древней Спарты, а некоторые даже превосходившие их по жестокости.

Цензор Метелл говорил не о прелестях и романтике брачных отношений, а о том, что они необходимы для выживания римского общества, ведь уже тогда молодые люди уклонялись от супружеских уз. И причиной этого был вовсе не гомосексуализм, который в древности считался нормальным явлением, не то что в наши дни. Одних и тех же мужчин тянуло – иногда очень сильно, а иногда не очень – к красивым людям обоего пола. Как уже говорилось, мужчины в Древнем Риме были бисексуалами.

Дело было в том, что многие юноши отказывались от семейных обязанностей в пользу любовниц. Любовницу, в отличие от жены, человеку выбирал не отец, а он сам. Он мог искренне ее полюбить. Она могла быть женщиной из того слоя общества, на которой обычай – а если она была зарегистрированной проституткой, то и закон – запрещал ему жениться. Любовница обладала очарованием и живостью, которые отличали ее от добропорядочной скучной жены, то есть женщины того сорта, от которых старался держаться подальше Проперций. В поздней республике и ранней империи игривых и красивых женщин было сколько угодно, в основном отпущенниц, которые славились своей элегантностью и привлекательностью. Именно этих женщин мы должны благодарить за самые прекрасные – и во многом непристойные – страницы римской поэзии.

Таковыми женщинами были: Немезис Корнелия Галла, Ликорис Тибулла,

Цинтия Проперция и Коринна Овидия. Цинтия была римлянкой; ее настоящее имя было Хостия, и она утверждала, что происходит из семьи эпического поэта, не лишенного таланта, который творил во времена Гракхов. Она была куртизанкой, а поскольку Проперций был свободнорожденным гражданином Рима, то брак между ними был невозможен. Мы уже упоминали о том, как он ликовал, когда в 28 году до н. э. провалился закон, по которому ему пришлось бы расстаться с Цинтией, жениться на уважаемой женщине и наплодить для империи новых солдат. Он написал по этому поводу полное радости стихотворение.

Подобные связи, не важно, были ли они наложничеством или нет, можно было легко разорвать, когда они теряли свою прелесть.

Много ли было женщин из добропорядочных слоев общества, которые намеренно избегали брака, мы не знаем. Если в языческой Античности некоторые женщины и мечтали об уединенной жизни, то такой возможности у них не было, поскольку в те времена еще не существовало монастырей. Были там и женщины, из которых получились бы отличные матроны, но они предпочли стать любовницами мужчин, а не их женами.

В свободной связи неженатого мужчины с женщиной рождение ребенка становилось самым настоящим несчастьем. Чтобы избежать этого, женщины прибегали к аборту. То, что эта операция часто заканчивалась гибелью и матери, и ребенка, а общественное мнение осуждало аборты, мы знаем из двух весьма неудачных поэм Овидия, написанных им после того, как выяснилось, что Коринна беременна. Первая поэма представляет собой молитву богине Изиде, в которой Овидий просит сохранить Коринне жизнь, а в другой поэт рассуждает о том, что если бы все беременные женщины убивали своих детей, то человечество быстро вымерло. Враги императора Домициана утверждали, что он соблазнил свою племянницу Юлию, дочь Тита, а когда она забеременела, настоял на аборте, от которого женщина умерла. Ювенал, живший во II веке н. э., отмечал высокое мастерство врачей, делавших аборт: «Сколь велико умение, сколь сильны лекарства лекаря, делающего аборт, с помощью которых он убивает человечество еще в самой утробе матери!» И только при Септимии Севере, правившем в конце II века н. э., за аборты было введено уголовное наказание.

Плиний Старший, который пишет о том, что запах, исходящий от потушенной лампы, вызывает выкидыш, имеет в виду аборт, словно это было обычным делом, и указывает, что прерывание беременности особенно опасно на четвертом и восьмом месяце.

От незаконного ребенка можно было легко избавиться, оставив его на

подходящем холме, как обычно поступали с нежеланными детьми в Риме и в течение многих веков в Греции. Некоторых оставляли в живых, и при императоре Траяне, когда родителям выплачивали пособие на детей, в Велее в Северной Италии, в списке из 279 законнорожденных детей, которым полагалось такое пособие, указаны и двое незаконнорожденных – мальчик и девочка. Дети, родившиеся у наложниц, имели статус законных; позже юристы стали называть их «природными детьми».

У нас слишком мало данных, чтобы судить о рождаемости в Риме и во всей империи; однако мы имеем достаточно сведений о богатых людях, в особенности о семьях, которые играли ведущую роль в римской политике. И здесь возникает ряд очень интересных вопросов.

Время от времени появлялись очень большие семьи, и можно только пожалеть, что Плиний Старший мало интересовался этим вопросом. Он пишет, что у Корнелии и Семпрония Гракхов было двенадцать детей, а у Германика и Агриппины – девять, но он обратил на это внимание только потому, что дети разного пола рождались попеременно; мальчик, девочка и снова мальчик и девочка. Тем не менее он приводит примеры людей, имевших необыкновенно большое потомство: Кв. Метелла Македоника, цензора в 131 году до н. э., который убеждал молодых мужчин жениться, и некоего Ц. Криспина Хилара из Фьезоле, который в 5 году до н. э. совершил паломничество в Рим и вместе со своей огромной семьей принес жертвы богам на Капитолии. Метелл к моменту своей смерти имел четырех сыновей, двух дочерей и одиннадцать внуков. У Хилара было шесть сыновей, две дочери, двадцать семь внуков, восемь правнучек и восемнадцать правнуков. В эпиграмме Марциала говорится о женщине, которая родила от одного мужа пятерых сыновей и столько же дочерей, и все они ее пережили. А младшая Фаустина, жена Марка Аврелия, имела по меньшей мере двенадцать детей.

Были мужчины и женщины, которые отличались повышенной плодовитостью. Марк Антоний имел детей от трех жен. Фульвия, его первая жена, родила детей от Клодия, Курио и от него самого. Но была еще более замечательная женщина – Вистилия, мать генерала Корбуло и теща императора Гая Калигулы, которая имела детей от шестерых мужей!

Вместе с тем, как отмечал Плиний Старший, в одних браках совсем не было детей, а в других – только один ребенок. В истории поздней республики и ранней империи примеров подобных браков было множество. Супружеская жизнь сестры Тиберия Гракха и великого Сципиона Эмилиана развалилась, потому что они были бездетны. Юлий Цезарь был очень сексуальным мужчиной, но в первом браке у него родилась лишь

одна дочь, а во втором и третьем браках детей вообще не было. Не знаем мы и о том, были ли у него дети от его любовниц, даже Клеопатры^[28] (хотя слухи об этом ходили и в древние времена, и в нашу эпоху).

Когда Август – тогда еще Октавиан – в 39 году до н. э. взял в жены Ливию, у него уже была дочь от первого брака, а Ливия ждала второго ребенка. Оба были молоды и, подобно другим супругам, мечтали о совместных детях, но они у них так и не появились. Траян и Плотина детей не имели, Адриан и Сабина – тоже. В следующей главе мы расскажем о женщине более низкого происхождения, жившей во второй половине I века до н. э., которую звали Турия. Эта скромная и великодушная женщина, признав, что бесплодна, умоляла мужа – впрочем, совершенно безуспешно, ибо он ее любил, – развестись с ней и подыскать себе другую жену.

Многочисленные надписи на могилах, в которых говорится о том, что богатые мужчины и женщины завещали все свое имущество отпущенникам обоюбого пола, свидетельствуют о том, что эти мужчины и женщины не имели детей.

Маленькие семьи и исчезающие семьи. Чем это можно объяснить?

Было высказано предположение, что в верхних классах капиталистического общества очень ценится богатая наследница; что для тех, кто хочет разбогатеть, единственная дочь – гораздо более желанная невеста, чем девушка, имеющая нескольких сестер, – и поэтому ей представляется возможность найти себе самого лучшего мужа. Утверждают также, что способность родить не более одного ребенка (об этом говорил еще Плиний Старший), подобно другим качествам, передается по наследству. Таким образом, постепенное вымирание семей высшего класса было вызвано естественными причинами.

Тем не менее мы не можем сказать, что оно было вызвано одной лишь стерильностью или относительной стерильностью представителей аристократии. Да, бесплодных пар было много, но есть и другие, более очевидные объяснения – в римском мире не было больниц, опытных гинекологов и глубокого понимания проблем сохранения детского здоровья.

Во-первых, слишком часто случались выкидыши. У дочери Цезаря Юлии через четыре года после свадьбы с Помпеем случился выкидыш, а на следующий год она умерла в родах. Императрица Поппея умерла в 65 году н. э. по той же самой причине. Другого объяснения, почему надежды на рождение наследника Домициана в 90 году н. э. испарились, просто нет. Мы хорошо знаем о том, какое несчастье постигло третью жену Плиния Младшего, поскольку он рассказал об этом в письмах ее деду и тетке. «Вы

огорчитесь, узнав, что у вашей внучки случился выкидыш. Глупая девчонка, не догадавшись, что она беременна, позабыла об осторожности и наделала глупостей, которых можно было бы избежать. Она усвоила этот урок. Но ведь она могла и умереть». Однако этот случай вселил в Плиния уверенность в том, что его жена способна родить и в будущем у него появятся дети. Но эта уверенность не была основана на заключении врача, и дети у него так и не появились.

Существовали и другие причины, ограничившие размер семей. Много женщин и детей умирало во время родов; исключительно высокой была детская смертность; во всех социальных классах число детей, переживших младенческий возраст, было удручающе низким. Огромное число надписей на надгробиях сообщает нам о том, что дети, похороненные в этих могилах, умерли в самом раннем возрасте, и в этом дети из богатых семей были ничуть не удачливее бедных. Из двенадцати детей Корнелии и Гракха Старшего девять умерли в детстве. Ребенок, которого она родила от Тиберия в 11 году до н. э., скончался вскоре после своего появления на свет. Рождение дочери у Агриколы (которая уже вышла замуж за историка Тацита) вряд ли обрадовало ее родителей, поскольку их первый ребенок, мальчик, умер. Дочь Нерона – его единственное дитя – скончалась, не прожив и четырех месяцев. Единственный сын Домициана умер во младенчестве, еще до того, как его отец взошел на престол, и был обожествлен после этого. Его изображение сохранилось на монете – маленький мальчик сидит на вершине мира. Из большой семьи Марка Аврелия лишь пятеро детей (менее половины) пережили своего отца.

Таковы были объективные причины, которые лишали супругов возможности иметь детей и наблюдать, как те растут здоровыми и счастливыми.

Гораздо труднее узнать, до какой степени рождению и воспитанию детей мешало планирование семьи.

Нет сомнений, что иногда гулящая жена, обнаружившая, что она беременна от человека, который не был ее мужем, решалась на аборт – но это было не всегда, ибо Ювенал утешал мужа, чья жена была бесплодна, тем, что ему, по крайней мере, не грозит перспектива воспитывать сыновей, родившихся от гладиатора.

О том, какие существовали в римском обществе противозачаточные средства и как их применяли, мы ничего не знаем; и кажется удивительным то, что в третьей книге «Искусства любви», которая по сути является учебником для куртизанок, Овидий не упоминает о том, как избежать беременности. Нам сообщают – и снова сатирики – о замужних женщинах,

которые не хотят рожать детей и которые иногда получают подкидышей. Ибо подкидывать только что родившихся младенцев было запрещено законом только в конце IV века. Плавт пишет о подбрасывании новорожденных как о весьма распространенном явлении, а Светоний сообщает, что около 63 года до н. э., из-за дурного предзнаменования, сенат вынес постановление, что ото всех родившихся в тот год мальчиков нужно избавляться. И вправду, когда внучка Августа спустя несколько лет после смерти мужа родила ребенка и опозорила себя, император заявил, что этот младенец не должен жить. В середине I века н. э. подбрасывание детей, по-видимому, было еще очень распространенным явлением, поскольку Музоний Руф, просвещенный человек, протестовал против этого.

Самым простым объяснением того, почему родители избавлялись от ребенка, была невозможность вырастить его из-за своей бедности, и благотворители, частные лица и императоры начиная с конца I века уничтожили это зло, учредив для неимущих родителей пособия на детей. Их называли «кормовыми деньгами», о которых нам рассказывает в своих письмах Плиний, а также сообщают надписи и рельефы на величественной арке Траяна в Беневенто. Старшая и младшая Фаустина прославились пожертвованиями на подобные цели. А Константин издал указ в Италии и Африке, в котором требовал, чтобы магистраты оказывали немедленную помощь тем родителям, которые заявляли, что не имеют средств на содержание и воспитание своих детей.

Тот факт, что в Велее было выдано 246 пособий на мальчиков и всего 35 – на девочек, говорит о том, что от новорожденных девочек бедняки отказывались гораздо чаще, чем от мальчиков. Мы не знаем, так ли это было на самом деле; по одним записям судить об этом трудно, ибо главной целью пособий было увеличение числа новобранцев, и, когда решался вопрос, кому их выделить в первую очередь, предпочтение отдавалось мальчикам.

В более состоятельных семьях существовало стремление ограничить число детей ради экономии денег: и те факты, которые во II веке до н. э. приводит Полибий для Греции, конечно же справедливы и для Рима. В Греции основной причиной исчезновения высших слоев общества стало желание родителей обеспечить своим детям такой же уровень жизни, какой был у них, и многие семьи намеренно ограничивались рождением – или, по крайней мере, воспитанием – одного-двух детей. Если же после болезни или тягот войны эти дети умирали, родители понимали, какую глупость они совершили, но было уже поздно. Август, как мы видели, считал, вслед за древними спартанцами, что в нормальной семье должно быть трое или

более детей, и стремился с помощью специальных законов убедить в этом свой народ.

Естественно было бы ожидать, что в обществе, где внебрачные половые связи были обычным явлением, должны были существовать более убедительные доказательства незаконнорожденного статуса детей, чем сатирические поэмы. Плиний рассказывает нам о двойняшках, которые были похожи на разных отцов, и к тому же не римлян. Он же поведал нам о древнем способе установления отцовства, который существовал у вымершего племени пселлов в Северной Африке. Новорожденных детей оставляли в том месте, где было много змей, и если змеи, учуяв их запах, уползали прочь, то эти дети считались законнорожденными, если же змеи их кусали, то они объявлялись внебрачными.

В Египте сохранились папирусы, в которых рассказывается о незаконнорожденных детях, в том числе и в семьях римской аристократии. Макробий поведал нам замечательную историю о том, как в Рим из провинции приехал мужчина, так сильно похожий на Августа, что по городу поползли слухи, что это его сын. Когда Август спросил мужчину, случалось ли его матери бывать в Риме, тот, не смущаясь, ответил: «Нет, но мой отец там бывал». Истории о сыновьях, которые ничем не напоминали своего отца, но были поразительно похожи на гладиатора или какого-нибудь еще более немислимого человека, были любимой темой сатириков. До нас дошла эпиграмма, в которой Марциал рассказывает об отце семерых сыновей, каждый из которых был точной копией одного из слуг этого дома!

По мнению Овидия – но не Вергилия, конечно, – Дидона была беременна, когда Эней ее покинул; а после смерти Цезаря царица Египта Клеопатра хвасталась – вероятно, без всяких на то оснований, – что отцом ее сына Цезариона был Юлий Цезарь, и даже не пыталась скрыть тот факт, что все ее последующие дети родились от Антония, то есть были внебрачными.

Если женщина из приличной семьи носила ребенка, зачатого от любовника, то ее муж иногда предпочитал скрыть этот факт и даже хвастался своим отцовством. В сатирах Ювенала есть грубый, но смешной рассказ о том, как клиент заявлял, что, благодаря его помощи хозяин-импотент стал отцом трех детей. Иначе бы ему пришлось развестись с женой, которая должна была после этого вернуться в семью своих родителей, и, если бы там не настояли на аборте, ей пришлось бы бросить своего ребенка сразу же после его рождения, как это сделал Август с ребенком своей внучки.

В Абонутейхе, что в Пафлагонии, во II веке н. э. жил знаменитый шарлатан Александр Золотое Бедро. Лукиан утверждает, что «многие женщины хвастались, будто имели от него детей, а их мужья подтверждали, что это действительно так».

В королевских, аристократических и церковных кругах со времен Средневековья до XVIII века незаконнорожденные дети были обычным явлением и позором не считались; поэтому на первый взгляд кажется удивительным, что в тесном аристократическом кругу Римской республики и ранней империи почти не осталось сведений о незаконнорожденных детях. Прокурорам в суде и сплетникам на улицах доставляло огромное удовольствие порочить происхождение своих оппонентов или жертв; но их чаще всего обвиняли в низком происхождении, а вовсе не в том, что они родились вне брака. Про кого-то говорили, что «одним его прадедом был отпущенник, который занимался изготовлением веревок в деревне около Фурии, а вторым – уроженец Африки, сначала продававший там духи, а потом хлеб; такую историю рассказывал Антоний об Октавиане, будущем императоре Августе» (*Светоний. Жизнь божественного Августа*).

Во время революции появились самозванцы, которые утверждали, что они потомки выдающихся людей: Л. Эквит, выдававший себя за сына Тиберия Гракха, был избран трибуном и убит в 100 году до н. э.; Ц. Аматий, называвший себя сыном младшего Мария и казненный в 44 году до н. э. В империи тоже время от времени появлялись выскочки или самозванцы. В Галлии во время мятежа 69–70 годов появился человек, который называл себя Юлием Сабинном из Линьона и утверждал, что по линии прабабушки происходит от самого Юлия Цезаря. Другой самозванец выдавал себя за распутного Нимфидия Сабина, префекта преторианской гвардии в последние годы правления Нерона, который, по его утверждению, был сыном Гая Калигулы. И как мы уже рассказывали, в начале III века н. э. матери Элагобала и Александра Севера утверждали (вероятно, без оснований, но с большой гордостью), что их сыновья – незаконнорожденные отпрыски Каракаллы.

Один французский ученый, обладавший богатым воображением, Ж. Каркопино, написал книгу в 79 страниц под названием «Бастард Адриана». Она посвящена Л. Циюнию Коммоду (Элию Цезарю), которого, к всеобщему удивлению, Адриан усыновил и которому удалось прожить после этого два года и чей сын, Л. Циюний Коммод (Л. Вер) правил вместе с М. Аврелием с 161 года до своей смерти в 169 году. Древние авторы не меньше нас удивлялись, почему Адриан усыновил Элия Цезаря. Они объясняли это тем, что он был очень красив, а Адриан питал слабость к

красивым юношам. Если бы в Риме запахло скандалом, римские писатели ни за что бы его не пропустили; к тому же невозможно поверить, чтобы тот факт, что Адриан был не только любовником Элия Цезаря, но и его отцом, можно было сохранить в тайне в течение двух тысяч лет!

Утверждения о том, что человек родился от матери из выдающейся семьи, – которые гораздо легче опровергнуть, – были, естественно, более редкими. Самозванец, выдававший себя за сына добродетельной Октавии, которого за это сослали на галеры, вовсе не обвинял ее в прелюбодеянии; он утверждал, что из-за того, что он родился очень слабеньким, его сразу же отдали в семью крестьян, заменив, вероятно, на Марцелла, который, таким образом, является подкидышем.

Глава 9. Счастливые браки

При старой форме брака молодая жена с самого начала становилась собственностью своего мужа. Но в конце республики женщины уже вступали в свободный брак и оставались во власти своего отца; такую дочь называли *filia familia* *ихог*. И вправду, до II века н. э. капризный отец имел право по собственной инициативе забрать свою дочь из семьи, разведя с мужем против ее воли. Однако в целом это не было реальной угрозой для супругов.

Молодую жену по-прежнему называли *puella* – молодая женщина; во времена республики ее не величали матерью семейства, если она не выходила замуж по древнему обычаю и не подчинялась власти мужа. В «Эпиталамиуме» Катулл очень мило описывает, как молодая жена беспокоится, удастся ли ей удержать при себе мужа, которого будут обольщать красивые безнравственные кокетки, положившие на него глаз.

Она становилась хозяйкой дома с того самого момента, когда, на следующее утро после брачной ночи, приносила жертвы богам своей новой семьи. Если свекровь жила с ней в одном доме, то с самого начала молодая жена получала очень строгого критика всех своих действий и должна была призвать на помощь все терпение и такт. В 61 году до н. э. Цезарь развелся со своей женой Помпеей (после того как во время праздника Бона Деи в его дом ворвался какой-то мужчина) на том основании, что «жена Цезаря должна быть вне подозрений». Трудно поверить, чтобы мать Юлия Цезаря Аурелия, утверждавшая, что в дом проник любовник Помпеи, упустила возможность опорочить невестку, которую не выносила!

Не важно, получала ли молодая жена звание матери семейства или нет, она с самого начала приобретала социальные обязанности, которых никогда не имела греческая замужняя женщина. Корнелий Непот, как хороший социолог, критиковал тех римлян, которые считали свои национальные обычаи нормой, а греческие условности презирали, поскольку они отличались от римских. Он писал: «Много из того, что мы в Риме полагаем правильным, в Греции считается неприличным. Ни один римлянин не считает недостойным привести свою жену на обед. Дома жена (мать семейства) занимает главное место и является центром социальной жизни. В Греции дела обстоят совсем по-другому – здесь жена никогда не присутствует на обеде, если это не семейный обед, и проводит все свое время в дальней части дома, именуемой «женской половиной», куда

никогда не заглядывает мужчина, если он не ближайший родственник».

Если мужчина уже был женат и имеет детей, жена может сразу же настроить мужа против себя или расположить его к себе отношением к своим приемным детям. Ничто так не привлекает в семейной жизни сестры Августа Октавии, как ее забота о детях своего мужа, несмотря на ужасное отношение к ней их отца.

После рождения первого ребенка, особенно мальчика, брак объявляли удачным.

Аулус Геллий рассказывает нам о философе Фаворине, который жил в Риме в начале II века н. э. Он услышал, что жена одного из его учеников родила сына, и настоял на том, чтобы тут же пойти к нему и поздравить. «Мы все сопровождали его и вошли в дом вместе с ним. Увидев в прихожей отца, он обнял его и поздравил, а потом сел и спросил, долго ли продолжались роды и были ли они трудными. Услыхав, что мать устала и теперь спит, он спросил: «Она конечно же будет кормить ребенка сама?» Бабушка ответила ему: «Мы решили пожалеть нашу дочь и нанять кормилицу. Она прошла через тяжелое испытание, и мы не можем обременять ее сложным и утомительным занятием – кормлением ребенка». На это Фаворин ответил: «Дорогая дама, прошу вас, не допустите, чтобы она стала своему сыну матерью только наполовину».

И он пустился в долгие рассуждения, на которые способен лишь философ, о том, что мать сама должна кормить свое дитя. Но об этом давно уже твердили римские консерваторы. В конце республики главным показателем все большей деградации общества считался тот факт, что кормлением грудью и в целом воспитанием детей в раннем возрасте занимались не родные матери, а рабы. До нас дошла эпитафия одной вольноотпущенницы: «Граксии Александре, женщине исключительной добродетели, которая сама кормила своих сыновей грудью, она прожила 24 года, 3 месяца и 16 дней».

Девочке давали имя на восьмой день, а мальчику – на девятый. Согласно законодательству Августа (закон Элия Сентия 4 года н. э. и закон Папия Поппея 9 года н. э.), рождение законного ребенка в Риме должно было быть зарегистрировано в течение трех дней. Во II веке н. э. разрешено было регистрировать и побочных детей.

После принятия законов Августа рождение третьего ребенка в Риме, должно быть, считалось праздником. По мнению Августа, настоящая семья должна иметь троих детей; родители, которые выполнили свой долг, получали награду. Все ограничения на размер наследства для мужа и жены снимались. Мать, если она еще не получила независимости по закону,

теперь приобретала полную юридическую свободу; отец, занятый политической жизнью, среди прочих привилегий, получал право на быстрое продвижение по службе. Так было в самом Риме; за его пределами подобные привилегии получали семьи, имевшие четверых детей, а в провинции – пятерых. Иностранцы над этим потешались. «Люди женятся и плодятся, – писал Плутарх, – не для того, чтобы занять наследников, а для того, чтобы получить свое наследство целиком».

С течением времени в этих законах начали искать лазейки, и некоторые достойные супруги, у которых (не по их вине) не было детей, стали по приказу императоров – которые часто сами оставались бездетными – получать почетное право родителей троих детей. Домициан наградил им Марциала, который не имел даже жены.

Тем не менее родители, воспитавшие троих или более детей, испытывали законное чувство гордости. Марциал в своих эпиграммах бичевал эротизм и пресмыкательство перед сильными, а также сексуальные извращения и порчу своей внешности (имея в виду парики или крашенные волосы, а также вставные зубы), но порой он посвящал элегантные поздравительные стихотворения своим друзьям. Такое стихотворение получил от него к свадьбе Пуденс; когда же его жена родила третьего ребенка, Марциал прислал ему другое. Жену Пуденса звали Клавдией Руфиной, которую считали римлянкой или гречанкой, хотя на самом деле ее предками были бритты.

«Благословите ее, боги, за то, что она, плодовитая жена, родила детей своему верному супругу и что она, совсем еще не старая женщина, благодаря своим сыновьям сможет обзавестись еще и невестками. И пусть же позволят ей верховные боги насладиться одним лишь супругом и вечно радоваться трем своим сыновьям».

Дети приносили в дом счастье; римляне, вероятно, любили детей не менее сильно, чем современные итальянцы, и, вполне возможно, так же сильно их баловали. В одном из произведений Лукреция есть строки, в которых говорится о том, что счастье может быть мгновенно уничтожено смертью. Он рассказывает об успешном молодом отце, который гордится своей должностью, и о том, с какой радостью встречают его дома красавица жена и обожаемые дети, прибегающие обнять его. До нас дошло огромное число эпитафий, в которых родители из простых семей оплакивают безвременную смерть своих детей.

Отношения матери к своей дочери были в целом более близкими, чем к сыну. Их связь никогда не прерывалась и была такой же тесной, как и в современной Италии. А когда дочь собиралась замуж и готовилась к

свадьбе, женщины делились между собой самыми интимными вещами.

Тем не менее были случаи, когда матери проявляли большую заботу об образовании своих сыновей. Интересно отметить, что во времена республики жили три матери, которые прославились тем, что воспитали трагически погибших сыновей: Тиберия и Гая Гракхов, Сертория и Юлия Цезаря. Другую римскую матрону, внучка которой стала женой писателя, помнят благодаря ее взглядам на образование. Это была мать Агриколы, семь лет правившего Британией, при котором римская армия впервые вторглась в Шотландию. Когда он был студентом, она мудро посоветовала ему завершить изучение философии в Университете Марселя (Массилии), поскольку ей казалось, что его горячий интерес к ней может помешать его карьере на общественной службе.

Считалось, что в первые годы республики отцы приводили на заседание сената своих юных сыновей, чтобы те с ранних лет привыкали к его атмосфере, поскольку в будущем им предстояло участвовать в его работе. Не всем, должно быть, нравилось ходить в сенат, но был один мальчик, Папирий, который, если верить легенде, не позволил скуке убить в нем чувство юмора. Эта история рассказывает нам о ненасытном любопытстве женщин, она очень нравилась Катону. Именно благодаря ему мы о ней и узнали; он рассказал ее легионерам в 167 году до н. э.

Заседание сената, на которое отец привел юного Папирия, было отложено до наступления ночи, чтобы никто из римлян не узнал, какой вопрос на нем обсуждался и чем закончилось голосование.

Когда юный Папирий вернулся домой, его мать, очень любопытная женщина, спросила, что обсуждал сенат. Он ответил, что ему велено молчать об этом, но такой ответ ее не удовлетворил. Она приставала к нему с вопросами, и, чтобы избавиться от них, мальчик придумал смешную историю. «Сегодня обсуждали такой вопрос, – сказал он, – что лучше для общества – чтобы мужчина имел двух жен или женщина – двух мужей?» В ужасе от услышанного мать выскользнула из дома и тут же рассказала об этом всем своим замужним подружкам, а те – своим. В результате этого, когда сенаторы на следующее утро подходили к Дому сената, дорогу им преградила толпа истерически вопивших женщин: «Это жена должна иметь двух мужей, а не наоборот!» Сенаторы решили, что женщины сошли с ума, но, дойдя до зала заседаний, узнали, в чем дело. Юный Папирий рассказал им о своем ответе матери. И они, вполне резонно, постановили не водить больше мальчиков в сенат, а Папирию, в награду за его остроумие, присвоили прозвище Претекстата^[29]. Именно так, если верить этой легенде, одна из ветвей семейства Папириев получила свое прозвище.

Мы уже упоминали о том, что в поздней республике и ранней империи жены римских политических деятелей имели возможность разделять их политические интересы. Неожиданная угроза изгнания, возникшая в конце 43 года до н. э., позволила выявить тех, кто был тесно связан с попавшими в опалу людьми, самые худшие и самые лучшие их черты. Многие жены богатых и знаменитых римлян поставили на карту свою жизнь в надежде спасти от смерти мужей. Жены продемонстрировали самую искреннюю преданность; отпущенники – вполне приличную, рабы – небольшую, а сыновья – вообще никакой, писал Валерий Патеркул. Нам известна ужасная судьба неизвестной женщины, которую обычно называют Турией, хотя нет никаких причин утверждать, что ее звали именно так. Мы узнаем о ней потому, что сохранилось длинное обращение, которое после ее смерти оставил муж, – обращение к ней самой, в виде надписи на камне, установленном рядом с ее могилой. Трудно поверить, что в Риме могла жить более благородная, более мягкая – и одновременно более мужественная – женщина. Ее мать и отец погибли, вероятно, от рук своих рабов, в сельском доме в 49 году до н. э., когда ее муж воевал в заморской стране. Она добилась, чтобы убийцы пошли под суд. Потом, когда ее попытались лишить наследства, она умело расстроила все эти происки. Позже вернулся Фарсал, ее суженый, и они поженились. Но он был республиканцем и в 43 году до н. э. попал в опалу. Благодаря ее смелости Фарсалу удалось бежать из Рима. Когда, после битвы при Филиппах, Октавиан его помиловал, она встала на колени перед Лепидом, который управлял Римом, и стала умолять этого негодяя выполнить обещание, данное Октавианом, и простить ее мужа. После этого они сорок один год жили счастливо и спокойно, только детей у них не было. Эта великодушная женщина считала, что во всем виновата она, а не ее муж. Она стала упрашивать его развестись с ней, оставить у себя всю ее немалую собственность, жениться во второй раз и позволить ей жить в его семье в качестве сестры и второй матери будущих детей. «Должен признаться, – пишет он, – что в этом месте я взорвался; я совсем обезумел; я был так поражен твоим предложением, что долго не мог успокоиться. Мысль о том, что тебе могла прийти в голову идея перестать быть моей женой, тебе, которая не бросила меня, когда я был в ссылке, привела меня в ужас. Разве при такой верности отсутствие детей имеет какое-нибудь значение?» Стоит ли говорить, что Турия обладала всеми добродетелями, которыми, по мнению римских авторов, должна была обладать настоящая римская жена, и к тому же таким достоинством, как великодушная настойчивость (если ей не мешали в этом муж и брат мужа), с которой она наделяла своих молодых

кузин и племянниц, выходявших замуж, приданым. Уорд Фаугер, английский ученый, обладавший богатым воображением, предполагает, что если бы первым умер ее муж (а он очень горевал, что не ушел раньше ее), то она сделала бы точно такую же трогательную надпись на его могиле, полную искренней любви к нему. Более того, из этой надписи становится ясно, что они были счастливы не только в браке. Сестра Турии и ее муж, которого звали Ц. Клувий, искренне их любили.

Бизнес, или управление имуществом, был тем делом, в котором жена могла разделять интересы мужа, а если она становилась вдовой, то это помогало ей найти полезное занятие. Помпея Целерина, мать второй жены Плиния, вероятно, многому научилась у своего зятя и, пользуясь его советами, успешно распоряжалась денежными средствами, поскольку он был финансистом. В то же самое время она обладала большой практической хваткой; Плиний писал, что если бы теща проинспектировала его собственные поместья, то работники стали бы трудиться гораздо лучше.

Мы встречаем таких женщин и среди представительниц деловых кругов, и в семьях отпущенников. Петроний в своем «Сатириконе» знакомит нас с Фортунатой, бездетной женой Тримальхиона. Это произведение было написано в середине I века н. э. Фортуната обвешивалась драгоценностями и выглядела очень вульгарно, а в присутствии гостей напивалась допьяна, но и в хорошие, и в плохие времена была верной женой своему мужу. Однажды, когда муж потерял почти все свои деньги, она, чтобы помочь ему, продала все украшения. Надписи на могилах рассказывают нам о женщинах, имевших хорошую голову на плечах, которые после смерти мужа брались за его дело и успешно его продолжали.

Если говорить о более образованных слоях общества, то третья жена Плиния Кальпурния так сильно восхищалась талантами своего мужа, что он в письме к своей тетке посвятил целый абзац описанию ее добродетелей: «Более того, просто из любви ко мне она стала интересоваться литературой. Заполучив тексты моих выступлений в суде, снова и снова их перечитывает и даже заучивает наизусть. Перед моим появлением в суде она похожа на комок нервов, а когда дело завершено, ликует от радости. Она отправляет специальных гонцов, чтобы выяснить, какую поддержку и какие аплодисменты я получил и выиграл ли я дело или нет. Если я произношу речь, она слушает ее, сидя неподалеку за занавесом и наострив уши, чтобы не пропустить одобрительных замечаний. Что

касается моих стихов, то она кладет их на музыку и распевает; этот способ преподавал ей не учитель музыки, а любовь, которая является самым лучшим учителем».

Надпись, сохранившаяся, вероятно, со времен Августа, перечисляет достоинства женщины по имени Мурдия. Она дважды была замужем и имела детей в обоих браках. Перед смертью она завещала некоторую сумму своему второму мужу, чтобы продемонстрировать свою признательность, а оставляя наследство детям, позаботилась, чтобы ее сын от первого брака получил те деньги, которые она унаследовала от его отца. Именно этот сын и сделал надпись на ее могиле. Отметив честность своей матери и ее рассудительность, он пишет, что «превратностей в женской судьбе гораздо меньше, чем в мужской, и трудно сказать что-нибудь новое в похвалу женщине». Эту мысль подтверждают тысячи дошедших до нас эпитафий, посвященных умершим женщинам. Один вдовец просто написал: «У меня нет причин на нее жаловаться». Жен хвалят за одни и те же добродетели: за старомодность, за то, что они были домоседками, не изменяли мужу, были ему послушны, дружелюбны и веселы, бережливы, скромно одевались, религиозны, но без фанатизма.

Но больше всего похвал жены удостоились за умение прясть и ткать. Эту добродетель отмечают даже надписи, посвященные Турии и Мурдии.

Все это банальные, обычные эпитеты, которые высекал, без сомнения, каменщик, изготовлявший надгробия. Они сохранились во множестве по всей Римской империи, а это свидетельствует о том, что тысячи и тысячи простых мужчин и женщин прожили свою совместную жизнь счастливо и спокойно. И они оттесняют на задний план легкомысленные и небрежные вирши беспринципного распутника и ядовитые стрелы сатириков; женщины, чью память увековечивают эти надписи, не были героинями Овидия или Проперция, а также Ювенала и Марциала.

Нельзя сказать, чтобы литературные произведения, дошедшие до нас, совсем не описывали браков, которые были столь же счастливы, сколь и незаметны. Сохранились письма Плиния, которые он писал своей жене в отъездах. Из них видно, что он скучал по ней каждую минуту. А в конце I века н. э. Стаций написал очаровательное стихотворение, в котором рассказал о своей семейной жизни. У него была прекрасная жена Клавдия; ее никогда не привлекали театр или игрища; она никогда не проявляла интереса к мужчинам – для нее существовал только ее муж; она разделяла с ним разочарования и победы его литературной карьеры и не жаловалась, когда ему надо было уехать. И тем не менее после всего этого она не согласилась уехать из Рима и поселиться на берегу Неапольского залива,

как он хотел. Причиной этому было ее беспокойство (и его тоже) о том, что ее дочь (падчерица Статия) уже слишком стара для брака, а женихов все нет. Но Статий не стал слушать возражений жены. Неужели она не понимает, что ее дочери легче будет найти мужа в Неаполе, чем в Риме?

Долгие, счастливые браки – один, как сообщает нам эпитафия, продолжался шестьдесят лет. Турия прожила со своим мужем сорок один год. Младший Плиний рассказал нам о безутешном вдовце, который лишился жены после тридцати девяти лет совместной жизни. Август и Ливия, за год до его смерти, сыграли золотую свадьбу.

Если мужа горько оплакивали своих жен, то и жены не могли смириться с потерей мужа. Они тоже сооружали им надгробные памятники и придумывали эпитафии. Юлий Классициан, финансовый секретарь (прокуратор) Британии, интриговавший против губернатора Светония Паулина, умер после подавления восстания Боадиции. В Лондоне сохранилась эпитафия на памятнике, который воздвигла ему жена Юлия Паката. Она называла себя «его безутешной вдовой».

В одном из фрагментов утерянного эссе Сенеки о браке находим список таких жен: «Когда младшая дочь Катона, Марция, оплакивала смерть своего мужа и женщины спросили ее, когда наступит конец ее скорби, она ответила: «Когда закончится моя жизнь». Когда родственник посоветовал Аннии снова выйти замуж, ведь она еще молода и красива, она ответила: «Я никогда этого не сделаю. Предположим, я найду хорошего мужа; я не хочу жить в постоянном страхе его потерять. Если же муж окажется плохим, то почему, прожив с лучшим из мужей, я должна буду довольствоваться худшим?» Когда все стали хвалить хорошую женщину, которая вышла замуж во второй раз, младшая Порция сказала: «Женщина, которая по-настоящему счастлива и добродетельна, никогда не выйдет замуж более одного раза». Когда старшую Марцеллу мать спросила, рада ли она, что вышла замуж, та ответила: «Ужасно рада! Поэтому я никогда не выйду замуж во второй раз». Валерия, сестра Мессалы, которую спросили, почему она, после смерти мужа Сервия, снова не выходит замуж, сказала: «Для меня он еще жив и никогда не умрет».

Таких женщин в Риме называли *univirae* и искренне уважали, поскольку они вступали в брак всего лишь один раз.

Однако реалист может спросить: а как быть с бессердечными законами, по которым бездетные вдовы, не вышедшие замуж во второй раз, должны были подвергаться наказанию?

Если вдова была хорошо обеспечена, то наказания были ей не страшны; она могла плюнуть на наследство, которое, по истечении двух лет незамужней жизни, становилось для нее недоступно. А если она уже перешагнула пятидесятилетний рубеж, то действие закона на нее не распространялось.

Глава 10. Неудачные браки и разводы

Неудачные браки

Браку угрожала опасность как снаружи, так и изнутри. В сложной социальной жизни Рима в эпоху поздней республики и империи, красивой молодой жене угрожала в первую очередь опасность извне, если на ее пути попадался бессовестный оболъститель. Корнелию, когда-то невинную и чистую девушку, сразу же после свадьбы с Помпеем в 52 году до н. э. стал преследовать опытный развратник, Ц. Меммий, человек, которого Катулл имел все основания ненавидеть. Но Корнелия передала все его письма мужу, и Меммия, предусмотрительно осужденного совсем по другому делу, отправили в ссылку в Афины, которая должна была остудить его пыл.

Хотя супружеская измена не является сама по себе и по своим последствиям тем достижением цивилизованной жизни, которым можно гордиться, в литературе (как и в эпоху Реставрации в Англии) Дон Жуан считается привлекательной фигурой (еще бы, ведь иначе он не смог бы никого соблазнить!), а обманутый муж, не важно, молодой или старый, вызывает не сожаление, а презрение и насмешку. Для легкомысленных и безнравственных людей украденный плод всегда самый сладкий. Чем моложе жена и чем сильнее охрана, которой окружает ее муж, тем большее удовлетворение получает беспринципный захватчик. Гораций мог спрашивать, стоит ли игра свеч. Овидий и Проперций ответили бы ему, что, по мнению распутников, которых они иногда изображали, стоит.

Ревнивый муж держал свою жену в доме, словно пленницу, а домашние рабы были ее тюремщиками. Однако рабов можно было попросить открыть дверь и отнести любовное письмо. «Кто будет охранять самих охранников?»

Если жена не изменяла мужу, то его ревность ее ужасно раздражала.

Гораздо большее разочарование испытывали жена и муж, если время шло, а детей все не было. Существовали, конечно, способы избежать такого положения: например, во время луперкалий (15 февраля) женщины стояли на улицах Рима, вытянув руки, а полуголые жрецы стегали их ремнями из козлиной кожи. Но даже эти и похожие способы иногда не срабатывали.

Не всякая жена в такой ситуации могла поступить как Турия и предложить мужу развестись с ней и вступить в брак с такой женщиной, которая сможет родить ему детей. Бесплодие, по убеждению римлян, стало

причиной самого первого развода в их истории. Спур Карвил очень хотел детей, но был убежден, что бесплоден не он, а его жена. А Тримальхион похвалил себя за то, что не развелся с Фортунатой, думая, что она бесплодна.

Муж, конечно, мог мечтать о детях, но в то же самое время, подобно супругу Турии, любить свою жену, и в этом случае ни будущее семьи, ни счастье его дома еще не было потеряно. Всегда можно было усыновить мальчика; и в римском обществе мальчиков обычно усыновляли в особых случаях (если бездетные родители были очень богаты, или дядя усыновлял племянника, оставшегося сиротой). Прославленные семьи часто усыновляли детей, чтобы избежать вымирания. Если бы не это, семьи двух великих героев 2-й Пунической войны, Кв. Фабия Максима и П. Сципиона Африканского, в следующем за ними поколении могли просто исчезнуть. Внук Фабия Максима и сын Сципиона были вынуждены усыновить мальчиков; их приемными детьми стали братья, сыновья Л. Эмилия Паулла от его первой жены Папирии, с которой он так неожиданно развелся. Для Л. Эмилия Паулла в будущем это оказалось величайшей трагедией, поскольку двое его сыновей от второй жены, которые, казалось, гарантировали счастливое будущее его рода, умерли еще в детстве. Начиная с Юлия Цезаря и Августа все римские императоры, не имевшие сыновей, вынуждены были усыновлять мальчиков из других семей.

Первой причиной развода сестры Тиберия Гракха Семпронии и Сципиона Эмилиана было отсутствие детей. Второй причиной стало то, что она сильно подурнела со временем – это несчастье часто случается с женщинами, и это конечно же не могло ускользнуть от внимания циника Ювенала (Ювенал, 6-я сатира, 142–147):

К Бибуле что же горит таким вождельем Серторий?
Любит, по правде сказать, не жену он, а только наружность.
Стоит морщинкам пойти и коже сухой позавянуть,
Стать темнее зубам, а глазам уменьшиться в размере,
Скажет ей вольный: «Бери-ка пожитки свои да вон убирайся!
Нам надоело с тобой: сморкаешься часто; скорее
Живо уйди! Вон с носом сухим приходит другая!

Со временем супруги начинают раздражать друг друга, и муж и жена должны научиться терпению. Этот фундаментальный закон человеческого бытия отметил еще цензор Метелл Македонский в своей знаменитой речи в

131 года до н. э. А в самом конце существования республики, в одной из своих Менипейских сатир, Варрон писал: «Муж должен либо исправлять недостатки своей жены, либо смириться с ними. В первом случае жена станет более привлекательной, а во втором – он сам станет более совершенным».

Плутарх в своих «Рецептах для брака» рассказывает очень поучительную историю, которую он приводит и в «Жизни Эмилия Паулла». После развода со своей женой Папирией, которая родила ему двух замечательных сыновей, Эмилий Паулл пустился во все тяжкие. Поскольку она была разумна, богата и красива, друзья сильно критиковали Эмилия за развод. В ответ он протянул ногу и сказал: «Этот новый башмак очень красив, но он мне жмет, а где, никто из вас не знает. Поэтому женщина делает большую ошибку, полагаясь на свое богатство, происхождение и красоту; она должна больше думать о тех качествах, которые приносят в семейную жизнь гармонию. Вместо того чтобы проявлять нетерпение и ежедневно раздражать мужа, она должна быть ласковой и преданной и испытывать к нему сочувствие. Врачи скажут вам, что их не столько беспокоит сильный жар, причина которого ясна и понятна, сколько тот, который все время усиливается и причину которого они установить не могут. Точно так же постоянные придирки и небольшие размолвки, случающиеся между мужчиной и его женой ежедневно, разрушают их брак и делают совместную жизнь невозможной».

Следует отметить, что во всех древних источниках именно жена действует мужчине на нервы, а не наоборот. Можно подумать, что в те времена совсем не было сварливых мужей!

Открытые ссоры дают большие надежды на примирение. На Палатинском холме в Риме стоял храм Юноны Вириплаки, «укротительницы мужей». Муж и жена приходили в этот храм и устраивали жестокую перепалку, после чего возвращались домой, примирившись. Так античные боги оказывали людям психологическую помощь, за которой мы теперь обращаемся к психиатру.

Брат Цицерона Квинтий постоянно ругался со своей женой. Он был очень вспыльчивым человеком, не способным проявлять терпение и уступать жене, которая была истеричной женщиной, и при этом гораздо старше и богаче, чем он. Это была Пампония, сестра Цицеронова друга и его банкира Аттика. Брак был заключен по расчету – он был выгоден Цицерону, который надеялся с его помощью укрепить свои связи с Аттиком. У Квинтия была очень вредная теща. И еще у него был сын, которого оба родителя, когда он подросток, пытались перетащить на свою

сторону. Тем не менее, несмотря на постоянную угрозу крушения, это брак просуществовал более двадцати лет. В письме Цицерона Аттику, отправленном в 51 году до н. э., когда Цицерон и его брат уезжали в Киликию, приводится ужасная картина. Они выехали из Арпинума, где родились, и отправились на виллу Квинтия в Арке; не посоветовавшись с женой, Квинтий послал слугу заказать обед. Поскольку это был праздничный день, он предложил жене развлечь женщин, пока сам он будет развлекать мужчин, на что она ответила: «Я тоже здесь гостя». «Вот так каждый день», – сказал Квинтий брату. Гости заняли свои места за обеденным столом, но хозяйка так и не появилась. Квинтий послал ей несколько блюд, но она вернула их нетронутыми. В ту ночь они спали в разных комнатах, а когда на следующее утро Квинтий пожелал ей доброго утра, она никак на это не отреагировала. В конце концов в 45 году до н. э. Квинтий с ней развелся и хотел было жениться снова, но раздумал, объяснив это тем, что нет в жизни большего счастья, чем постель на одного человека.

Ювенал оставил нам обширную галерею невыносимых жен: дочь уважаемых родителей, которая все время говорит только о них; жена, которая считает, что должна выглядеть и говорить как римская женщина; жена, которая терпеть не может старых друзей своего мужа и ссорит его с ними; жена, которая неразлучна со своей матерью и испорчена ею; сварливая и вздорная жена; сплетница; синий чулок; женщина, которая ведет себя как мужчина, обожает атлетов или без ума от театра или игры.

И разумеется, жена, пристрастившаяся к спиртному. Хозяйка, которую описал Ювенал, заставила своих гостей ждать невыносимо долго, пока не явится. Она выпила аперитив: две пинты вина и, к возмущению мужа и гостей, свалилась на пол. Подобное уродство во времена республики римляне не могли себе даже представить, да и в империи такое тоже случалось не часто. Глубоко внедрившаяся в сознание римлян неприязнь к пьющим женщинам возникла не из-за того, что они шокировали общество, а потому, что таких женщин считали сексуальными извращенками, хотя одно вытекало из другого. «Кому захочется Любви, если Любовь пьяна?»

Старший Плиний приводит ужасные примеры жестокости древних римлян по отношению к пьяным женщинам. Отмечено, что Эгнатий Метенн избил свою жену до смерти за то, что она пила вино из бочки; Ромул признал его невиновным. В «Истории» Фабия Пиктора рассказывается о замужней женщине, которая открыла ящик, где лежали ключи от винного погреба, и семья в наказание заморила ее голодом. Катон утверждал, что родственники целуют женщин для того, чтобы выяснить, не

пахнет ли от них вином. Однажды в суде рассматривалось дело о жене, которая втайне от мужа выпила вино в качестве лекарства от болезни; об этом узнал муж и подал на нее в суд. Цн. Домитий постановил, что за это ее следует лишить приданого.

Считалось, что дочь Августа Юлия совершала свои преступления под воздействием винных паров, поэтому, когда ее сослали на остров Пандатерия, Август запретил поставлять ей вино.

Лекарством от семейных передряг всегда считалась религия. И от презрительного взгляда сатириков не укрылось пристрастие женщин к новым восточным культам, которые в последние годы республики и в империи появились на территории Италии и во всем западном мире. Особенно сильно притягивали неудовлетворенных жен астрологи, поскольку многие верили, что астрология – это точная наука. Когда умрет ее муж? Когда умрет любовник? Женщинам хотелось, чтобы нелюбимый супруг поскорее закончил земной путь, а любовник жил подольше. Самые отчаянные старались ускорить кончину мужа. Ходили слухи, что несчастная жена Сципиона Эмилиана Семпрония убила своего мужа и в этом ей помогла ее мать.

Мы не можем пожаловаться на недостаток информации о слабостях и недостатках римских жен. «Идеальная жена, – говорит Ювенал, – встречается столь же редко, как и черный лебедь».

А идеальные мужья? Что можно сказать о скрягах, мотах, грубиянах, распутниках, с которыми, по несчастью, вынуждены были жить достойные римские женщины? Таких мужчин конечно же высмеивали сатирики, но отнюдь не в роли мужей. И ни один не захотел взглянуть на них с точки зрения их жен. В дошедших до нас литературных произведениях Античности социальная критика оставалась уделом мужчин.

При этом нельзя сказать, чтобы мужчины, писавшие книги, были неискренни. Они принимали как должное тот факт, что для жен существует один моральный стандарт, а для мужей – другой. Старший Катон безо всякого смущения заявляет: «Если вы застали свою жену с любовником, то можете совершенно безнаказанно предать ее смерти безо всякого суда. Если же вы сами будете уличены в неверности или недостойном поведении, то она вас и пальцем не тронет, поскольку не имеет на то никакого права». Одним из признаков просвещенного человека, каким был Музоний Руф, живший в I в. н. э., было то, что, относясь с огромным почтением к институту брака и веря в равноправие полов, он возмущался тем, что общепринятая мораль, осуждая жену, вступившую в связь с одним из

домашних рабов, совершенно оправдывает ее мужа, который спит с одной из ее рабынь. Та же самая мысль была высказана Плавтом в пьесе «Купец» двумя столетиями раньше, еще во времена Катона. Старая рабыня, узнав, что ее госпожа застала своего мужа с любовницей, восклицает:

А будь мужьям такое ж наказание
За то, что в дом привел к себе любовницу
(как выгоняют женщин провинившихся),
Мужчин, не женщин, вдовых больше было бы!

(Плавт. Купец. 823–829. Пер. А. Артюшкова)

Впрочем, в устах рабыни это воспринималось не как обличение вопиющей несправедливости, а просто как шутка, которая должна была вызвать у зрителей смех.

Если о безнравственной жизни женщины известно всему Риму, как в случае с Семпронией, женой консула в 77 году до н. э., и Клодией (Лесбией), женой консула в 60 году, трудно поверить, чтобы их мужья ничего об этом не знали. Бывали, конечно, и такие семьи, где муж и жена соглашались не обращать внимания на измены друг друга. Ювенал говорил, что если мужчина решил жениться на очень богатой женщине, то ему будет позволено наслаждаться ее богатством лишь при условии предоставления ей полной свободы в личной жизни. Овидий утверждал даже, что муж, страдающий от измены своей жены, смешон, поскольку не знает социальных условностей Рима.

Конечно, жен, которые обманывали своих мужей, было много. Отсутствие больших гостиниц, должно быть, сильно усложняло им жизнь; и, вероятно, поэтому в римском законе о разводах огромное значение придавалось тому, что любовников застали в постели. В этом помогали рабы, всегда опасные и ненадежные союзники. И когда правда выходила на свет, и жена, и ее любовник, по законам Августа, подвергались очень суровому наказанию.

Что касается неверности мужей, то по закону и по обычаю это не касалось ни его совести, ни судей. То, что половая потенция мужа гораздо выше, чем у жены, считалось непреложным фактом, и жены, которые относились к жизни реалистично, это хорошо понимали. Эмилия, жена великого Сципиона Африканского, закрывала глаза на измены мужа, а когда он умер, даже отпустила на свободу рабыню, которая была его самой

любимой наложницей, и выдала ее замуж за одного из своих отпущенников. Когда жена Августа Скрибония превратилась в ханжу и заявила, что отказывается терпеть присутствие любовницы, «ее моральное извращение», как называл это Август, если верить Антонию, стало причиной для развода. Ее преемница Ливия умела играть роль понимающей жены. Жены Клавдия, если не обращать внимания на их собственные интриги и измены, сами поставляли любовниц в постель своему мужу. А когда Нарцисс решил сообщить Клавдию о неверности его супруги, то обратился за помощью к любовнице.

Пока муж забавлялся с рабынями или отпущенницами, все шло хорошо (хотя, конечно, надеяться, что жена будет заботиться о плодах такого союза, означало требовать от нее слишком многого). Затеяв интрижку с замужней римской матроной, мужчина, по римским законам, подвергал опасности эту даму, но вовсе не себя, если, конечно, был осторожен и следил, чтобы их не застали в постели. И только после того, как Август объявил измену супруга общественным преступлением, а роман с женщиной из императорской семьи приравнял к государственной измене, крупные деятели римского общества стали подвергаться суровому наказанию за свою неверность.

Развод

В классический период Римского государства передовые римляне считали, что моральный облик людей их эпохи весьма непривлекателен, и совершенно неоправданно идеализировали нравы римского прошлого. Утверждали даже, что за первые пять веков существования Рима не было ни единого развода, и только в 230 году до н. э. Спирий Карвилий развелся со своей бесплодной женой и породил этот ужасный обычай. Однако эта идиллическая картина не имела ничего общего с реальностью. Двенадцать таблиц в 451 году до н. э. уже содержали формулу развода: «Res tuas tibi labeto» («Бери свои вещи и уходи»). Жена, покидая мужа, должна была отдать ему все ключи. И конечно же развод Карвилия мог бы произойти и в VII и в VI веках, а не только в III.

Если брак заключался по старинному обряду, то муж имел право развестись с женой (хотя процедура была очень сложной), за исключением, по-видимому, фламина Диалиса, который заключал брак по форме конфарреатио. Нам известен лишь один случай развода фламина Диалиса со своей женой, да и то по специальному разрешению императора

Домициана. Церемония развода, как нам рассказывают, «включала в себя многочисленные ужасные, необычные и зловещие обряды».

Женщина же, сочетавшаяся с мужем старинной формой брака, не могла развестись с ним ни при каких обстоятельствах. Зато в свободной брачной системе, которая господствовала в последние годы республики, жена – или ее отец, действовавший от имени своей дочери, – могла развестись с мужем с такой же легкостью, как и он с ней.

К концу последнего столетия существования республики причины для развода стали совсем тривиальными; в высших классах общества они становились предметом политических манипуляций и интриг. Ливия, сестра Ливия Друза, одаренного трибуна 91 года до н. э., по совету брата вышла замуж за его друга Кв. Сервилия Кепио и родила ему дочь Сервилию. Но потом друзья рассорились – и брак Ливии распался. Ливия развелась (или муж развелся с ней) и вышла замуж за М. Порция Катона. Молодой Помпей, думая о своей карьере, принял совет Суллы развестись с первой женой и жениться на его родственнице; молодой Юлий Цезарь, получив такое же предложение от Суллы, предпочел остаться со своей женой, дочерью Цинны, отказавшись от того будущего, которое сулил ему Сулла в случае развода.

В республике не было судов, занимавшихся делами о разводах, и жена, вступившая в свободный брак, а потом пожелавшая расторгнуть его, не могла добиться никакого наказания для неверного мужа, даже если заставляла его с любовницей в постели. Если же муж уличал ее в измене, то при любой форме брака закон давал ему право убить ее, а также избить, искалечить или даже прикончить ее любовника. Если же муж узнавал, что жена ему неверна (даже не застав ее с любовником), он просто разводился с ней и оставлял за собой часть приданого. В том случае, когда брак был заключен по старинному обряду, муж – или его отец, если сын зависел от него, – собирал семейный суд, в состав которого входили кровные родственники жены, который и выносил ей приговор. Измена считалась достаточным поводом для убийства жены.

После падения республики назрела необходимость реформ процедуры развода, и этим вопросом занялся Август. Он задался целью разработать удовлетворительную форму установления факта развода; создать специальный суд для рассмотрения дел об измене и других суровых преступлений в области морали и помешать доносчикам, дублировавшим в Риме общественного прокурора, потворствовать мужьям, которые обвиняли своих жен в неверности.

По первому пункту законодательство Августа вводило формальную

процедуру регистрации развода, признаваемую законом. Развод представлял собой разделение мужа и жены, возвращение приданого, повторный брак или какое-либо другое действие неоспоримого значения, вроде изгнания из мужниного дома жены, уличенной в измене. Формулы развода оставались прежними: «Бери свои вещи и уходи» или «Conditione tuanon u tor», но теперь эти фразы нужно было произносить при семи взрослых свидетелях мужского пола (граждан Рима); если это делалось в письменном виде, то запись удостоверялась семью печатями свидетелей. Только после этого развод вступал в силу.

В 18 году до н. э., по закону Юлия о разводах, измена была признана общественным преступлением и был создан постоянный суд, который слушал дела о замужних женщинах, изменявших мужу, и их любовниках, вне зависимости от того, были они женаты или нет. Но и мужьям пришлось умерить свой пыл. По новым законам женатый мужчина подвергался наказанию, если соблазнил чужую жену; а та наказывалась за измену мужу. Мужчину признавали виновным в преступлении в том случае, если он имел любовницу, которая не была зарегистрирована как проститутка. Если женщины из уважаемых семей, даже замужние, хотели облегчить себе жизнь и регистрировались как проститутки, то сенат закрывал им эту лазейку.

Тем не менее положение мужа по-прежнему было более привилегированным, чем положение жены, и только при Константине закон был изменен и муж обязан был нести такое же наказание за измену, как и жена. К тому времени стоики уже несколько веков порицали узаконенное привилегированное положение мужа, а в империи существовали слои общества – евреи или христиане, – которые требовали, чтобы мужчины вели себя в соответствии с более высокими моральными стандартами, чем законы Рима. Плутарх писал: «Мужчина, который запрещает женщине предаваться тем же удовольствиям, которым привержен он сам, похож на мужчину, который сдается в плен и заставляет свою жену воевать вместо себя».

Что касается наказания изменившей жене, новые законы Августа учили мужей, как надо выполнять свой долг. Если он заставал жену в постели с любовником, то должен был сам – а если он зависел от своего отца, то отец от его имени – развестись с ней; в противном случае мог подвергнуться наказанию за попустительство, и его наказывали как изменника. После развода ему давалось шестьдесят дней для возбуждения дела об измене против бывшей жены и ее любовника. Если же муж хотел ее простить и попытаться начать семейную жизнь заново (как тот военный

трибун, которому жена изменяла с центурионом и нежелание которого подавать на развод не встретило одобрения у императора Траяна и его советников) или если он считал, что развод – уже само по себе серьезное наказание, то в дело вступал общественный осведомитель, который не позволял мужу проявить подобную слабость. По истечении шестидесяти дней доносчик, которому законы Августа помогали вести весьма доходную жизнь, получал четыре месяца для подачи иска. Судебный иск нельзя было подавать позже шести месяцев после развода. Надо отдать должное Константину, который предоставил право судебного преследования только мужу или близким родственникам.

Если жена и ее любовник признавались виновными, их приговаривали к изгнанию на разные острова. Жена лишалась половины своего приданого и третьей части имущества; после этого всякий, кто вступал с ней в брак, считался уголовным преступником. Любовника лишали половины имущества. После Константина обе стороны приговаривались к смерти.

Законы Августа, по крайней мере, запретили мужу убивать свою жену, которую он застал на месте преступления, – хотя, если оно было совершено в его доме, он имел право убить ее любовника, если тот был рабом или отпущенником его семьи. Тем не менее отцу жены разрешалось убивать свою дочь, застигнутую на месте преступления, если он, одновременно с ней, приканчивал и ее любовника или хотя бы прилагал усилия, чтобы его наказать. Закон также положил конец ужасным семейным трибуналам, за исключением тех редких случаев, когда сенат или император решали, что преступление жены должно рассматриваться приватно, а не в общественном суде.

После развода дети оставались с отцом.

Когда императору Марку Аврелию предложили развестись с женой, Фаустиной Младшей, он пошутил: «Что, развестись? И вернуть ее приданое?» Он имел в виду империю, которая досталась ему от тестя.

Развод всегда наносил сильный удар по финансам мужа; и, когда у него не было более веских причин расстаться с женой, чем нежелание и далее терпеть ее сварливый характер, он, без сомнения, часто отказывался от этой идеи, понимая, что ему придется возвращать ее приданое. В 47 или в начале 46 года до н. э. Цицерон развелся с Теренцией и ломал себе голову, где найти для этого деньги, и вполне вероятно, что, когда четыре года спустя он умер, приданое так и осталось невозвращенным. Он был игроком по натуре и все эти четыре года надеялся найти себе новую жену, приданое которой помогло бы ему выплатить долг Теренции; но его второй брак продолжался всего несколько месяцев, и он не знал, как справиться с

ситуацией.

Разведенная жена – или ее отец или наставник, действовавшие от ее лица, часто вынуждены были обращаться в суд, чтобы вернуть приданое. В первый период республики решение по этому делу выносил судья; он мог, по своему желанию, отказать в возвращении части приданого, как это делали в отношении жен-пьяниц. Но в последние годы республики, как мы уже говорили, были установлены четкие правила. Если инициаторами развода были жена или ее отец, муж мог оставить у себя на каждого ребенка по одной шестой части приданого, что максимально составляло его половину. Если муж разводился с женой по причине ее измены, то к этому добавлялась еще одна шестая; если причиной развода было пьянство жены или какая-либо менее серьезная провинность, он оставлял у себя одну восьмую.

Сохранился рассказ о том, как Ц. Марий проявил мудрость и находчивость в деле о разводе. Некий Ц. Титиний из Минтурне обратился к нему с просьбой помочь ему сохранить за собой приданое жены, с которой он решил развестись по причине ее безнравственного поведения. Марий понял, что этот Титиний хорошо знал характер своей будущей жены еще до свадьбы и женился на ней с твердым намерением при первой же возможности развестись и оставить у себя часть ее приданого. Он посоветовал Титинию оставить это дело, но тот отказался. Тогда Марий вынес приговор: он оштрафовал жену Титиния на небольшую сумму, а его самого – на сумму, равную стоимости ее приданого. Позже, в 88 году до н. э., эта женщина, которую звали Фанния, сумела отблагодарить его за доброту. Когда он бежал от гнева Суллы, она вывела его из болот и спрятала в своем доме.

О том, какие отношения существовали между разведенными супругами, мы почти ничего не знаем. Когда бывшая жена Помпея Муция вышла замуж за М. Эмилия Скаура и родила от него сына, Скаур решил – хотя Помпей и не разделял его мнения, – что между ним и Помпеем существует тесная связь. О том, каковы были отношения Августа со Скрибонией после их развода и до ее добровольной ссылки вместе с дочерью Юлией, нам вообще ничего не известно. До нас дошла любопытная история о человеке по имени П. Квириний, который жил в конце правления Августа и первые годы власти Тиберия. Он женился на Эмилии Лепиде, которая была помолвлена с внуком Августа Л. Цезарем. Но Л. Цезарь умер, и она вышла замуж за Квириния, который был уже мужчиной средних лет. Прожив с ней совсем немного, Квириний развелся,

и она вышла замуж за Эмилия Скаура, внука того человека, за которого вышла замуж Муция. В 20 году н. э., примерно через пятнадцать лет после их развода, когда Квиринаю было уже за семьдесят, он подал на нее в суд несколько исков, обвинив в разных преступлениях. Одно обвинение заключалось в том, что она якобы пыталась его отравить, другое – что выдавала себя за его дочь, которой в ту пору было не более пятнадцати лет. Квириний к тому времени был уже совсем старым и очень больным и на следующий год умер. Лепида, по-видимому, намеревалась, когда придет время, представить свою дочь законной наследницей Квирина и обеспечить себе роль управляющей имуществом мужа, лишённого этих прав. Однако дело обернулось против нее, и ей пришлось отправиться в ссылку.

Разведенные женщины и вдовы

Брак прекращался из-за смерти супруга или развода. Были и другие случаи, когда жена могла избавиться от мужа: если он совершал какое-нибудь уголовное преступление; если он находился в плену, если он бросил ее или – возможно, по закону Августа, действовавшему до III века н. э., – поступал в регулярную армию.

Вдовец мог жениться сразу же после смерти жены; вдова обязана была отдать дань памяти мужа и десять месяцев не выходить замуж. Во времена империи этот срок увеличился до года. Это правило имело практическое значение – вступая в новый брак, женщина должна была убедиться, что не носит ребенка от прежнего мужа, однако отсрочку ввели не только из-за этого. Будь это единственная причина, женщина, родившая ребенка вскоре после смерти мужа, могла бы снова вступить в брак.

Запрет сначала был наложен по религиозным соображениям, но позже стал предметом светского закона. И вдова, вышедшая замуж до истечения положенного срока траура, подвергалась наказанию – вместе со своим новым мужем она должна была отказаться от всего наследства, доставшегося ей от прежнего мужа; кроме того, лишалась права наследовать имущество своих родственников, за исключением ближайших.

Августа больше интересовали цели пропаганды, чем человеческие чувства. Его не трогала картина безутешной вдовы, которая грустит и преданно чтит память своего усопшего супруга. Империи нужны были дети. Поэтому одним из первых он принял закон о том, что женщины от двадцати до пятидесяти лет, оставшиеся незамужними больше года после

смерти мужа или через полгода после развода, подвергались наказанию^[30]. Позже был принят менее суровый закон Папия Поппея, продлевавший период, во время которого женщине разрешалось оставаться незамужней, до двух лет для вдов и восемнадцати месяцев для разведенных.

Эти законы при христианских императорах были отменены, поскольку христианская церковь считала второй брак грехом. В этой церкви очень высоко ценилось безбрачие, поэтому Константин отменил и другие указы Августа, каравшие целибат.

Если жена находилась в полной власти своего мужа и не была им освобождена, он мог по своему желанию назначить ей наставника или разрешить выбрать его самой. После смерти мужа ей по наследству переходили его имения; если у него оставались дети – не важно, от нее или от предыдущих браков, – поместья делились между вдовой и детьми в равных долях.

Если, как это бывало обычно, муж и жена состояли в свободном союзе, то она не имела права претендовать на имущество мужа, но он мог оставить ей наследство. Условие было одно – наследство не должно было превышать размер того имущества, которое он оставлял своему наследнику. Правда, при определенных обстоятельствах вдова получала лишь жалкие крохи. С начала христианской эры по IV век действовал очень странный закон Августа, по которому вдова наследовала лишь десятую часть имущества мужа, если на момент его смерти ей было больше двадцати, но менее пятидесяти лет, а ему – от двадцати пяти до шестидесяти и у них не было детей. Так что мужчина мог оставить четверть наследства своей любовнице и лишь десятую часть – жене!

Даже несчастливый брак мог закончиться удачно – если супруг переживал своего спутника и в старости мог наконец насладиться жизнью без забот и тревог в качестве вдовца или вдовы. Окруженный подхалимами и приживалами, охотящимися за наследством, богатый старик (или старуха) купались в лести, не опасались одиночества, давали поводы сатирикам для смеха и проживали остаток своей жизни весело, поскольку старики не всегда теряют разум.

«Не называй мужчину счастливым, пока он не умрет», – сказал однажды Соломон Крезу. Марциал пошел еще дальше: «Не называй мужчину счастливым, пока не умрет его жена – особенно если она богата».

Богатая вдовушка притягивала к себе всевозможных проходимцев и брачных мошенников. Одни вдовы понимали, какой властью обладают, и с наслаждением тиранили мужчин, другие были на удивление уступчивыми.

Плиний Младший, который видел мир в сатирическом свете, оставил нам смешной рассказ о М. Аквиллии Регуле, охотнике за наследством. Однажды тот ворвался в спальню богатой Верании, вдовы Пизона, которого на свою голову усыновил Гальба, быстро составил ее гороскоп, убедив вдовушку, что, несмотря на серьезную болезнь, она поправится, потом ненадолго вышел и, вернувшись, рассказал ей, что знакомый ему ясновидящий подтвердил его предсказание. В результате вдова сделала дополнительные распоряжения к своему завещанию, а когда поняла, что умирает, обрушила на голову Аквиллия поток проклятий. Однако Регул на этом не успокоился – он нашел женщину по имени Аурелия, которая составляла свое завещание, и стал убеждать ее оставить ему одежды, которые она носила, но проиграл – Аурелия не умерла.

Глава 11. Женщины недостойного поведения

Проститутки

В Риме во всех итальянских городах было много проституток, и узнать их было так же легко, как и в наши дни. Многие из них были иностранками – из Сирии или Египта. Они были всегда ярко накрашены, не завязывали волосы лентами и носили короткие туники и тоги, в которые обязаны были облачаться также женщины, уличенные в прелюбодеянии. Длинных одеяний, называвшихся столой, они носить не могли, поскольку стола полагалась лишь замужним женщинам, уважаемым матронам. Тог и туники проституток были к тому же очень ярких цветов. Одни из продажных женщин ходили по улицам, другие сидели или стояли у входа в бордель. В Риме их можно было найти на Священной улице, в Субуре, у Большого цирка, за стенами Эсквилин-Виминала и на Целиане. Проститутки любили также собираться у храмов восточных культов в Риме. Их регистрировали полицейские (эдилы), а во времена империи начиная с Гая Калигулы проститутки платили государству налог. Он, по восточному обычаю, равнялся заработку с одного клиента в день. Мы очень много знаем об этих женщинах – частично по произведениям римских писателей, в особенности Ювенала и Марциала, и частично – по данным археологии, которые были получены в особенности в процессе раскопок Помпеев. Пепел и лава, извергавшиеся в 79 году н. э. из Везувия, сохранили для нас свидетельства дневной и ночной жизни, ибо бордели открывались только в три часа дня, самых бедных и самых богатых жителей погибшего города.

Некоторые проститутки работали на себя, выплачивая ренту владельцу борделя или гостиницы, где они снимали комнаты. Другие работали на хозяина публичного дома. Были и такие, которых нанимали недорогие гостиницы; иногда подобные заведения тесно сотрудничали с общественными банями. Опытные клиенты, желавшие получить удовольствие, уже знали, куда им надо идти.

В поздние годы империи в Риме было не менее сорока пяти борделей, и за их работой официально наблюдали эдилы. В Помпеях их было не менее семи (один сотрудничал с парикмахерской). Нам известен один бордель в ПUTEОЛИ, однако в ОСТИИ, по-видимому, не нашли ни одного.

Если кому-нибудь из читателей захочется увидеть римский бордель

(лупанарий), ему нужно поехать в Помпеи и найти дом номер 18 по улице Инсула, 12 (напротив Альберго ди Ститтио). Служитель откроет дверь и, в зависимости от его характера, либо замрет, потеряв дар речи от изумления, либо даст посетителю краткий, но не обязательно точный обзор того, что происходило в этом здании в древние времена. Бордель имел два этажа; комнаты на втором, куда вела специальная лестница с улицы, были, вероятно, больше тех, что расположены на первом. Интерьер второго этажа не сохранился. Первый этаж дошел до нас в целостности и сохранности; обе его двери выходили на улицу (вход и выход). Внутри были кабинетто и пять комнат, каждая примерно 18 на 6 футов. Каменные лежа (на которые укладывали матрасы) занимают около трети всего пространства. На стенах коридора сохранилось восемь фресок; трудно представить себе что-нибудь более непристойное.

В то время, когда извержение Везувия прикрыло эту лавочку, она принадлежала двум партнерам – Африкану и Виктору. До нас дошли имена двух девушек – Глицерия и Феба, а также клиентов этого борделя и других заведений в городе, которые оставили свои автографы на стенах. Большинство из них было рабами, которые звались Феликс, Ромул, Марс и Скамандер.

Даже без свидетельств писателей, вроде Ювенала и Марциала, можно было бы догадаться, что подобные заведения были вонючими, грязными и полными мусора, а в комнатах стояла невыносимая жара – они предназначались в основном для низших слоев общества, преимущественно рабов. Стоимость посещения борделя в Помпеях составляла от двух до восемнадцати асов.

Тем не менее римляне считали, что юноши, даже из хороших семей, должны были посещать подобные заведения. Это было частью их подготовки к жизни. Эту мысль не постеснялся высказать Цицерон в своей речи в защиту Целия в 56 году до н. э. До нас дошла история о том, как старший Катон, увидев юношу, выходящего из борделя, произнес: «Это хорошо». Когда же он заметил, что этот юноша уже в который раз выходит из его дверей, он сказал: «Когда говорил «Это хорошо», я вовсе не имел в виду, что ты должен поселиться в этом доме».

Владельцы борделей покупали и продавали рабынь на аукционах. У Марциала есть эпиграмма, посвященная шлюхе, которую постоянно целовал ведущий аукциона, желая убедить покупателей, что она не страдает дурными болезнями. Но это привело к непредвиденному результату – единственный запрос на эту девушку был снят.

Помимо продажи в бордели невинных молодых рабынь, существовала

и продажа белых рабов, что вызывало недовольство властей. Адриан запретил эту торговлю, и его указ подтверждали последующие императоры. Существование борделей подвергалось беспощадной критике Диона Златоуста, но ни один другой древнеримский писатель, если судить по дошедшим до нас произведениям, его не поддержал.

В Париже можно увидеть рельеф, найденный в Эсернии в Кампанье, где с юмором описан счет, который выставлялся посетителю постоялого двора определенного рода:

«Воздвигнут при жизни Ц. Калида Эротика самому себе и Фаннии Волунтас. Хозяин. Принесите счет, пожалуйста. Ты записал: пинта вина, 1 асс; хлеб, 1 асс; кушанья -2 асса. Согласен. Девушка, 8 ассов. Согласен. Сено для мула, 2 асса. Этот мул меня разорит».

Долгое время считалось, что римляне не знали венерических болезней. Однако если верить самому неожиданному источнику, письму младшего Плиния, в котором он рассказывает о благородном самоубийстве мужа и жены, компетентные специалисты считают, что они покончили с собой именно из-за сифилиса. Но поскольку поэты, писавшие эротические стихи (например, Овидий в своем «Искусстве любви»), молчат об этом, заболевание вряд ли было распространено.

Куртизанки

Между грубыми обитательницами мира борделей и очаровательными, элегантными и дорогими дамами, жившими в городе, существовала непроходимая пропасть. Дам звали Делиями, Цинтиями, Лесбиями и Кориннами; в разное время женщины этого типа сводили с ума, мучали и бесили Тибулла, Проперция, Катулла и Овидия. Третью книгу «Искусства любви» Овидия можно считать руководством для женщин подобного типа.

Молодая женщина подобного рода обычно жила с матерью (и, возможно, с сестрами), которая поощряла ее образ жизни и, вне всякого сомнения, делила с ней барыши. Иные женщины жили под покровительством и заботой уважаемой и представительной хозяйки борделя, которая опекала их, как старая нянюшка. А случалось, такой даме любовник снимал дом, где она жила в окружении слуг (мужчины-привратника) и рабынь. Как только она надоедала ему, он ее выгонял, а штат прислуги переходил к приемнице.

Содержать красивую любовницу было очень дорого. Герой пьесы Плавта «Мостеллария» продал отцовские владения, чтобы освободить и

обеспечить жильем рабыню, которую он полюбил; а среди тех, кто задолжал менялам в последние годы республики, было много молодых людей, которые заняли у них деньги не для политической карьеры, а для того, чтобы потратить их на своих содержанок.

Для куртизанки не было большего несчастья, чем влюбиться в человека, который ее содержал – и мог в любую минуту выкинуть на улицу. Пусть лучше он влюбляется в нее без ума, и кокетка будет наслаждаться всеми прелестями жизни, которые достаются тем, кто обладает очарованием. Пусть он терзается муками ревности и беспокоится – оправданно или нет – верна ли она ему или изменяет. Но главное, пусть он боится, что она бросит его и уйдет к мужчине, который богаче его и который может позволить себе роскошь, недоступную ему. Именно эти опасения терзали Проперция и Овидия.

Куртизанками такого рода обычно были римлянки, иногда отпущенницы, но чаще женщины достойного происхождения. Одной из первых куртизанок в римской истории была хиспала Феценция, которая помогла в 186 году до н. э. раскрыть заговор поклонников вакхического культа. Сначала она была рабыней, которую хозяева отпустили на свободу.

Если эти женщины были римлянками, если, выйдя замуж, они не подвергались наказанию за измену и если – по законам Августа – мужчины, которые их содержали, не получали обвинения в измене или в противоестественном грехе, то они, как обычные проститутки, должны были зарегистрироваться у эдилов. Однако после того как в правление Тиберия было обнаружено, что одна уважаемая замужняя женщина, родившаяся в семье, из которой вышло несколько преторов, подала (с согласия мужа) заявку, чтобы ее зарегистрировали как куртизанку, закон был ужесточен. Сенат издал указ, предписывающий, что ни одна женщина, чей муж, отец или дед были римскими всадниками, не имеет права на такую лицензию. Не могли получить их и жены бывших и действующих сенаторов.

Число случаев, когда жена изменяла мужу с его согласия, было невелико. Вполне возможно, что женщина благородного происхождения, подавшая заявку на регистрацию во времена Тиберия, была разведена, но муж не пошел дальше этого и не стал наказывать ее за измену. Тем не менее Гораций, который сравнивал современных ему мужчин и женщин с благородными римлянами и римлянками, которые в прежние времена сделали Рим великим, считал танцы первым шагом молодой женщины к падению, а измену с согласия мужа – последним. На глазах у мужа она вставала из-за стола и уходила с мужчинами из дома. И с какими

мужчинами: купцами, приехавшими в Рим, и капитанами испанских судов.

Куртизанок отличал от порядочных замужних женщин, от которых Проперций старался держаться подальше, не только их моральный облик. Их называли *doctae puellae*, поскольку они были одаренными и культурными женщинами, с которыми было интересно беседовать. Они играли на арфе и цитаре и прекрасно пели. Они хорошо знали классику (произведения греческих авторов) и, следуя совету Овидия, читали современную литературу, то есть стихи, которые писали сам Овидий и другие поэты того времени. К тому же они умели танцевать, и их танцы ничем не напоминали ту скучную ритмичную гимнастику, на которую отваживались уважаемые матроны, не рискуя навлечь на себя неодобрительные замечания своих мужей. Словом, куртизанки умели демонстрировать красоту своего тела, что не позволялось делать матронам.

Овидий в своем «Искусстве любви» мог, конечно, заявлять, что пишет эту книгу вовсе не для респектабельных матрон, носящих длинные одежды. Однако респектабельные женщины, я думаю, всеми правдами и неправдами доставали эту книгу и тщательно изучали советы, которые Овидий давал их красивым соперницам, то есть женщинам, которые вынуждены были прокладывать себе путь в жизни при помощи своих чар. В третьей книге матроны находили советы о том, как надо подбирать цвета одежды, наносить косметику и укладывать волосы (писалось даже об окраске волос и париках). Овидий советовал женщинам чистить зубы, умывать лицо каждое утро и относиться к своим слугам с пониманием. Им рассказывали, как избавиться от плохих зубов и дурного запаха изо рта; как скрывать свою худобу и малый рост. Советовали держать себя в руках и разговаривать и смеяться негромко. Они должны развивать свои таланты. На этом месте *casta puella*, вероятно, закрывала книгу – дальнейшее ее не касалось.

Куртизанкам Овидий рекомендовал чаще появляться на публике, насколько это позволяли приличия (ибо неизвестно, когда ей удастся подцепить подходящего мужчину), но при этом избегать женственных мужчин и мошенников. Она не должна слишком ярко демонстрировать свои чувства (радость или скорбь); от нее требовалось отвечать на любовные письма, но не слишком поспешно, настаивать, чтобы ей платили достойное вознаграждение, учитывать разницу в возрасте с партнером, и знать, что можно требовать от пылкого юноши и опытного любовника средних лет, и постоянно мучить его, в определенных пределах, конечно, чтобы дольше удержать его любовь. Он учил ее, как уклоняться от надзора, как поменять старого любовника на нового, какими невидимыми

чернилами лучше пользоваться для любовных писем; какими причинами объяснять свое отсутствие, если любовник заходил к ней и обнаруживал, что ее нет дома: «нужно было принести жертву» или «проведать больную подругу». Овидий давал советы, как усыпить утомившего ее партнера с помощью снотворных порошков. Он внушал ей, что надо постоянно твердить о своей любви тому, кто ее содержит; прежде чем поверить в существование опасной соперницы, нужно раздобыть неопровержимые доказательства. На пиры следует приезжать чуть позже назначенного времени, надо также уметь вести себя за столом и пить – но никогда не напиваться до такого состояния, чтобы начинало двоиться в глазах или клонило в сон.

После того как были приняты законы Августа, брак с такой женщиной стал для римлянина невозможным. В Риме существовало большое число женщин, которых нельзя было брать в жены: проститутки, бывшие проститутки, владелицы борделей, женщины, которые получили свободу от владельцев этих заведений, женщины, приговоренные к наказанию за уголовное преступление, женщины, которые изменяли мужу и были пойманы на этом, актрисы, настоящие или бывшие.

Всех их, без исключения, ожидала одинокая старость без любви, а если они неправильно разыгрывали свои карты, то и нищета. До нас дошло жестокое, мстительное и лишенное всякого сочувствия стихотворение, посвященное такой женщине, дожившей до той поры, когда ее очарование исчезло. Его написал добросердечный Гораций.

Сулла, как никто другой, любил компанию актеров и актрис; Цицерон не скрывал своего восхищения выдающимся актером Эзопом; императоры Гай и Нерон не могли жить без театра; и множество женщин из высших слоев общества, позабыв обо всем, теряли голову от актеров. А ведь власти Рима всегда считали, что актерами становятся лишь выходцы из самых угнетенных классов, даже из криминального мира. По закону о муниципальном управлении в Италии, предложенному Юлием Цезарем, сыновья актрис и актеров не имели права занимать должность городского советника. По законам Августа членам сенаторских семейств запрещалось жениться на актрисах. Положение актрисы в лучшем случае приравнивалось к положению отпущенницы, в худшем – проститутки.

Рабыни, отпущенницы и наложницы

Катон Старший, реалистически мыслящий человек, желая получить

от своих рабов большую отдачу, дошел до того, что признал мужчин-рабов человеческими существами и создал для них в своих имениях бордели. К концу существования республики, когда многие люди начали уже мыслить реалистично, крупные рабовладельцы стали понимать, что для рабов, как и для других мужчин и женщин, семейная жизнь и дети являются источником счастья и, соответственно, способствуют повышению эффективности их работы. А дети, родившиеся в семьях рабов, могли бы восполнить нехватку невольников, поступавших из заморских владений. И к концу республики, во времена Варрона, римляне уже поощряли создание семей у рабов; во времена же Колумеллы (середина I века н. э.) рабыни, родившие ребенка, могли получить такую же награду, как и отпущенницы. Женщин, имевших более трех детей, Колумелла отпускал на свободу.

Тем не менее браки среди рабов не имели законного статуса. Отношения между ними называли не браком, а контуберном, то есть «жизнью под одной крышей». Тем не менее дело было сделано. Семьи рабов ничем не отличались от семей других людей, в них были муж и жена, родители и дети, которые общались друг с другом на обычном языке семейных отношений. Сохранилась прекрасная надпись из Карфагена, сделанная на надгробии мужчины и женщины, которые жили и умерли рабами: Виктора, скончавшегося в возрасте сто два года, и Урбики, дожившей до восьмидесяти лет. Памятник на их могиле поставил их сын, посвятив его «самым преданным родителям». Он стал отпущенником и занял важный пост на императорской службе.

Женатый раб, получая свободу, первым делом, естественно, старался выкупить свою жену (с которой тут же заключал законный брак) и детей.

Рабыня, которая привлекла внимание своего господина, не имела иного выхода, как стать его любовницей или одной из многочисленных любовниц, если он был женат. Такая судьба, очевидно, выпала на долю многих девушек-рабынь, живших при дворах императора Августа и, с полного одобрения Мессалины, императора Клавдия. Даже если она была его единственной фавориткой, отношения рабыни с женой хозяина часто были вполне приличными; когда умер Сципион Африканский, его жена отпустила на свободу его любимую рабыню и даже нашла ей мужа-отпущенника.

Но часто владелец рабыни не был женат, и если был молод, то мог влюбиться в нее так сильно, что даже подумывал о женитьбе. Он мог сделать это, даровав ей свободу, – если, конечно, не состоял членом сенаторской семьи.

Однако случаи, когда юноша из семьи сенаторов хотел жениться на

рабыне, были крайне редки; судя по эпитафиям на могилах, выкупали рабынь и женились на них в основном отпущенники и демобилизованные солдаты. Во многих случаях, конечно, они хотели придать законный статус – иногда потому, что женщина была беременна, – отношениям, которые уже существовали. По законодательству Августа, отпущеннице, которая вышла замуж за своего бывшего господина, а потом бросила его, не позволялось вступать в повторный брак без его согласия.

Если мужчина из хорошей семьи хотел освободить рабыню и жениться на ней, он не мог не понимать, что из-за снобизма, господствовавшего в тех слоях общества, где он вращался, положение его жены будет очень сложным. Поэтому многие – и мужчины, и их рабыни – предпочитали просто жить вместе, не оформляя отношений. Женщина в этом случае становилась наложницей. Гораздо приличнее, считали в ту пору, если господин сделает отпущенницу своей наложницей, а не женой и хозяйкой в своем доме.

Наложничество было очень удобным общественным институтом, который признавался римским законом; более того, законодательство Августа даже его поощряло. Мужчина и женщина жили во всех отношениях как муж и жена; ничто не отличало их от женатых супругов, за исключением одного – «брачных чувств» или «намерений». Поскольку психологические условия подобного рода вполне очевидны, ряд внешних обстоятельств (например, отсутствие приданого) указывал на то, что это не брак, а наложничество. Дети, родившиеся у наложницы от римлянина, не считались законными. И не становились таковыми даже в том случае, если их родители в конце концов вступали в законный брак. Таких детей при Константине стали называть природными детьми (*liberi naturales*).

Наложничество делало брак возможным для тех, кто, по законам Августа, не имел права жениться. До 197 года н. э. солдатам легионов вступать в брак запрещалось, но никто не мешал им заводить наложниц (с которыми, после окончания службы, они могли оформить законный брак). Холостой сын сенатора или даже сам сенатор мог жить с отпущенницей, сделав ее своей наложницей.

До тех пор пока наложница была женщиной, на которой мужчина, из-за различия их социального положения, не мог жениться, их отношения вполне могли быть счастливыми. Проблемы возникали только в том случае, если препятствием для брака служила неспособность родственников девушки обеспечить ей приданое. Всем известно, какие склоки сопровождают установление размера приданого в современной Италии; среди представителей среднего и низшего класса римского общества тоже

было много ругани. Без сомнения, нельзя исключать случаев, когда мужчина предлагал девушке стать его женой, если у ее семьи имелись деньги для приданого; если же нет, то он брал ее в наложницы. В пьесе Плавта «Тринуммус» молодой человек по имени Лесбоник страдает оттого, что не может найти денег на приданое для своей сестры: «Я не могу позволить, чтобы люди говорили, что, отдав тебе сестру без приданого, я обрек ее на то, чтобы она стала тебе не женой, а наложницей. Если я это сделаю, люди сочтут меня величайшим из негодяев».

Женатые мужчины, по-видимому, не имели наложниц; неизвестны нам и случаи, когда в первые годы империи мужчина имел не одну, а нескольких наложниц.

Статус наложницы вполне позволял женщине жить с мужчиной высокого социального положения. После смерти жены Катон Старший обнаружил, что его сын и невестка крайне недовольны тем, что он открыто живет с одной из домашних рабынь. Он мог бы освободить ее и сделать своей наложницей, и, скорее всего, так бы и поступил (вместо того чтобы порвать с ней и позже вступить в ужасный мезальянс), если бы его сын и невестка не возражали против этой девушки. Веспасиан, потеряв жену, весь период своего императорства жил с наложницей (до самой ее смерти), которой была отпущенница Антония Ценис. Она спокойно жила во дворце, никому не переходила дорогу, сколотила крупное состояние и помогала огромному числу людей, совсем этого не афишируя. Примеру Веспасиана последовали императоры во II веке н. э. Антоний Пий и Марк Аврелий после смерти своих жен взяли себе наложниц. Марк Аврелий сделал это, не желая приводить в дом мачеху. Одновременно он поздравил себя в своих «Размышлениях», что недолго пробыл в руках наложницы своего деда, которая занималась его воспитанием. Таким образом, он понимал, что влияние наложницы на детей не всегда бывает хорошим. В конце II века Коммод, хотя и был молод и не имел детей, избавившись от своей жены, не стал вступать в новый брак, а взял себе в наложницы великолепную Марцию, которая стала ему хорошей спутницей и сослужила миру хорошую службу, убрав его с дороги.

Это уважаемое наложничество не имело ничего общего с тем развратом, которому в III веке предавался Гордиан II. Нам известны имена двадцати двух его наложниц, каждая из которых родила ему по три или четыре ребенка. Этот факт породил самую остроумную шутку Гиббона в его книге «История упадка и разрушения Рима».

Гордиан открыто заявлял, что женитьба – это не для него. Веспасиан и императоры II века считали наложничество самой предпочтительной для

вдовца альтернативой второму браку. В более поздние времена мы встречаемся с молодыми людьми, которые жили с наложницами (вероятно, из-за того, что социальный статус женщин, которых они полюбили, был ниже, чем их собственный) и имели от них детей, но которые, по политическим или другим соображениям, решили или были вынуждены жениться на других. Надо признать, что отставленная наложница получала хорошую компенсацию, ибо ей надо было где-то жить и воспитывать детей. Император Констанций, живший в III веке, был, как полагают, внебрачным сыном императора Клавдия и родился от наложницы. Его собственный сын Константин родился от наложницы Елены, от которой он отказался, чтобы жениться на Феодоре. Константин до брака тоже жил с наложницей и имел от нее сына Криспа, который родился, когда ему не было еще и восемнадцати. Поэтому можно сделать вывод, что, несмотря на статус незаконнорожденного, сын наложницы не был окружен позором.

История не сообщает нам, как относились жены к отставленным наложницам своих мужей. Но мы знаем о человеке, который поставил бок о бок надгробные памятники для своей жены и наложницы. Сын такой женщины – если, конечно, пример императора Константина типичен – любил мать, но, естественно, ревновал ее к своим законным сводным братьям.

Отношения между свободной женщиной и мужчиной-рабом складывались конечно же совсем не просто.

В Риме не считалось приличным, если римлянка-женщина освобождала раба, чтобы выйти за него замуж, если сама не была отпущенницей и они оба не были когда-то рабами, или если раб достался ей по завещанию, где было написано, что она должна его освободить и стать его женой. Септимий Север полностью запретил такие браки.

Однако институт наложничества продолжал существовать, и число свободных женщин, которые жили со своими рабами, было, во времена Клавдия, очень велико. Это вызывало тревогу у тех, кто не собирался или не имел данных для того, чтобы стать цензором по таким делам. Таким был императорский отпущенник Паллант; согласно Клавдию, именно он написал проект резолюции, принятой сенатом в 52 году н. э., знаменитой *senatus-consultum Claudianum*. Согласно ей, женщина, сделавшая своим наложником раба без согласия его господина, сама обращалась в рабство; если же хозяин давал свое согласие, то она получала статус отпущенницы. Так пишет Тацит. Гай, однако, предполагал, что дети от таких союзов в обоих случаях считались рабами, пока Адриан не изменил закон. После

этого если мать оставалась свободной, то ее ребенок также был свободным человеком.

Глава 12. Святые, религиозные и божественные женщины

Святые женщины

Чары девственниц-весталок по-прежнему воздействуют на историков и писателей. Чтобы понять, каково было их значение, представим себе, что в современной Италии остался один-единственный женский монастырь и в нем живет всего шесть монахинь! И надо помнить, что весталки выполняли свои религиозные обязанности под пристальным наблюдением римского правительства.

В юго-восточной части древнеримского форума располагалась огороженная территория. Здесь бок о бок стояли Регия, дом верховного жреца и коллегия жрецов; официальная резиденция верховного жреца и фламينا (фламиника) Диалиса; храм Весты (частично восстановленный, он дошел до наших дней), в котором весталки поддерживали огонь; Дом весталок, Атриум Весте, куда сегодня приводят туристов полюбоваться на золотых рыбок, а в древности жили девственницы-весталки. Официальная резиденция Рекса Сакрорума располагалась неподалеку.

Деятельность всех этих заведений олицетворяла религиозные функции древнего царского дома. Девственницы-весталки, в лице главной девственницы, Вирго Весталис Максима, олицетворяли собой в религиозных делах жену древнего царя (который сам частично преобразился в верховного жреца). Все вместе весталки олицетворяли дочерей древнего царского рода. Однако с этим согласны не все историки. Впрочем, по поводу деятельности весталок у ученых нет никаких разногласий: они носили воду из колодца; следили за тем, чтобы священный огонь в храме Весты не угас, и присутствовали на многих глубоко укоренившихся религиозных церемониях государства. Среди общественных обязанностей, которые они выполняли, можно выделить одну главную – весталки оберегали пищу и питание государства, символом которых был священный огонь, а благополучие этого зависело от того, насколько аккуратно они выполняли свой долг. И главное, они должны были оставаться девственницами без единого пятнышка на репутации.

Избрание девственницы-весталки происходило в среднем раз в пять лет. Верховный жрец отбирал двадцать девушек – от шести до десяти лет,

оба родителя которых были еще живы, и из этих кандидаток выбиралась новая весталка. Во времена республики в конкурсе участвовали только дочери самых благородных семейств, сначала только патрицианки. В первые и срединные века республики недостатка в кандидатках не было; но времена изменились, и Август значительно понизил социальный ценз – в V веке н. э. ему пришлось допустить к конкурсу дочерей отпущенников.

После того как выбор был сделан, девочку «забирал себе» верховный жрец, который называл ее Аматою и произносил традиционную формулировку принятия в орден. Новая весталка уже больше не подчинялась власти своего отца и навсегда покидала семью. После этого она не имела права наследовать владения семьи, даже если ее ближайшие кровные родственники умирали, не оставив завещания; если она тоже умирала без завещания, то ее собственным кровным родственникам от нее не доставалось ничего. То, чем она владела, переходило в собственность государства. Став весталкой, девушка приобретала право составить завещание, ибо обладала юридической независимостью; с самого начала она получала собственные деньги – вероятно, в количестве, равном ее приданому. В первые века империи эта сумма, одобренная сенатом, могла достигать до двух миллионов сестерциев, то есть в два раза больше того, что получала в качестве приданого девушка из богатой семьи. Был даже случай, когда кандидатке, которой не удалось стать весталкой, выплатили миллион сестерциев. Если кандидаток, желавших стать девственницей-весталкой, не находилось, то их привлекали взятками. Впрочем, при общественной экономике это случается довольно часто.

Итак, еще не осознавая, какие испытания и искушения ждут ее в будущем, девочка обрекала себя на тридцать лет девства. Когда весталке исполнялось сорок лет или на год или два меньше, ей разрешалось покинуть Атриум и начать нормальной жизнью и даже выйти замуж (если удавалось найти подходящего мужчину). Поэтому неудивительно, что, когда приходило время покидать Атриум, многие предпочитали продолжать – а это им позволялось – вести неестественный образ жизни и, возможно, завоевать себе, в качестве скромного утешения, место в исторической хронике. Так прожили свою жизнь Оция, ставшая весталкой в 38 году до н. э. и умершая, прослужив пятьдесят семь лет, в 19 году н. э., а также Юния Торквата, прослужившая весталкой шестьдесят четыре года. Те, кто возвращался в мир, редко выходили замуж; существовало поверье, что браки с бывшими весталками не приносят счастья.

Дитя в возрасте шести-десяти лет вступало в очень узкий круг женщин; из пяти ее соратниц самая старшая уже приближалась к сорока

годам или была гораздо старше. На тридцать долгих лет, если позволит здоровье, ее домом становился Атриум, который она могла покидать только для государственной службы; не менее восьми часов каждые сутки, с одной из подруг, она должна была исполнять свой долг – поддерживать священный огонь. В пределах коллегии «три старших» имели определенные привилегии, а старшая весталка, Вирго Весталис Максима, пользовалась неограниченной властью и огромным уважением.

Все они подчинялись коллегии жрецов, председателем которой был верховный жрец. Если одна из весталок заболела и ее нужно было удалить из Атриума для лечения, жрецы собирались, чтобы выбрать дом – под руководством уважаемой матроны, – куда ее надо было отправить. А если весталок обвиняли в каких-нибудь прегрешениях, то судили их те же жрецы под руководством верховного.

В течение года в Риме проходило несколько религиозных праздников, в которых официально должны были участвовать весталки. Целый ряд религиозных функций, связанных с культом земли и основополагающими принципами жизни, могли выполнять только они. 14 или 15 мая они бросали в Тибр соломенные чучела с самого древнего моста в Риме, и для новеньких это, вероятно, был самый радостный праздник в году. Сокровищница весталок считалась символически главной сокровищницей государства; с 7 по 14 июня ее открывали для проверки. С 15 октября кувшин в сокровищнице наполняли кровью, которая вытекала из головы специально зарезанной «октябрьской лошади»; 15 апреля туда высыпали прах тридцати одной телки, которых приносили в жертву на празднике фордицидии и после этого сжигали. Этот прах собирали помощницы главной весталки. Пепел и кровь смешивали и поливали ими костер из соломы, через который 21 апреля, в праздник парили, прыгали люди. Между 7 и 14 мая три старшие весталки собирали, сменяя друг друга, зерна полбы, обжаривали их, мололи и пекли соленые пироги – *mola salsa*, которые ели в праздник Весты (9 июня), на церемониях 13 сентября и во время луперкалий – 15 февраля.

Для того чтобы как-то разнообразить монотонную жизнь, девственницы-весталки пользовались почетными и приятными привилегиями. Их, например, приглашали на обеды. До нас дошел рассказ об одном банкете, устроенном 24 августа 69 года до н. э., на котором присутствовали четыре весталки – конечно же самые старшие, а две младшие, как Золушки, сидели дома и присматривали за огнем. На обеде отмечалось официальное введение в должность нового фламينا Мартиалиса (жреца бога Марса). Жрецы сидели за двумя столами, а

женщины (в их число входили жена нового фламина и его теща) – за третьим. Сохранилось и меню этого пира; по сравнению с ним банкет гурманов из компаний лондонского Сити показался бы трапезой бедняков. Было подано тридцать блюд, включая аспарагус, устрицы (столько, сколько пожелал каждый из присутствующих) и изысканные паштеты самых разных видов.

Девственницы-весталки во время праздников ездили по улицам Рима в экипажах. На публике им прислуживал ликтор. Когда они выступали свидетельницами в суде, от них, как и от фламина Диалиса, не требовали клятвы. Если приговоренный к казни по пути на эшафот случайно встречал весталку, то ему даровали жизнь. А при Августе и его преемниках весталки не только посещали театр, но и сидели на местах для привилегированных лиц, рядом с дамами императорской семьи. Когда величайшую из этих дам, вдову Августа, причислили к лику богинь, они стали жрицами ее культа.

Их вмешательство, особенно в моменты кризиса, было неоценимо. Императрица Мессалина, в своей последней попытке смягчить сердце Клавдия, послала к нему старшую весталку. И когда в 69 году н. э. Вителлий пытался остановить победный марш армии Флавиана на Рим, письмо командиру этой армии доставили именно весталки. Священная неприкосновенность позволяла им хранить важные документы, например завещания ведущих государственных мужей и даже завещания императоров, которые сами были верховными жрецами.

А каковы были отношения весталок с мужчинами – кому разрешалось входить в Атриум днем и никогда – ночью?

Чистота весталок была залогом и гарантией доброго здоровья Рима и его спасения; как часто, помня об этом, они, должно быть, молили Весту помочь им не поддаваться искушению. А искушение принимало разные формы. Случалось, девушки против воли влюблялись без памяти. Были, без сомнения, периоды религиозного и морального послабления, когда вся коллегия предавалась разврату, и с самых первых дней новенькую убеждали не строить из себя святую, а следовать примеру других. Ей говорили, что никто ничего не узнает. Так и было, пока не наступали времена испытаний или политических брожений, когда политики предавали гласности скандалы, связанные с весталками, желая завоевать себе дополнительные очки.

Таким национальным бедствием стал разгром при Каннах в 216 году до н. э. Разумеется, раздались голоса, что причину поражения надо искать не на поле боя, а в самом Риме, где завелась гниль. И две весталки, без всякого разбирательства, были объявлены виновными в поражении. В

конце II века до н. э. вся коллегия погрязла в разврате; в 114 году верховные жрецы провели расследование и осудили одну из весталок; на следующий год, по приказу трибуна Педукея, обвинившего жрецов в пристрастности, светский суд вновь рассмотрел это дело и осудил двух весталок, которые в прошлом году были признаны невиновными. Домициан в указах от 83 и 90 годов н. э. признал, что коллегия погрязла в грехах, и ни его отец, ни брат не смогли исправить положение.

Бывали времена, когда даже невинные весталки испытывали страх. Люди считали, что разврат распространился столь широко потому, что священный огонь погас, или потому, что одежды и манеры весталок стали легкомысленными; в другие времена весталки становились жертвами политических интриг. В исторических книгах Рима находим интересные рассказы о том, что в далеком прошлом некоторые весталки были обвинены в самых невероятных преступлениях, а потом выяснилось, что эти обвинения – ложные. Весталку по имени Эмилия заподозрили в недостойном поведении из-за того, что по ее небрежности якобы огонь погас. Она стала молиться Весте и бросила кусок полотна на холодные угли. Неожиданно эти камни озарились чудесным сиянием – и все убедились, что она ни в чем не виновата. Другая весталка, Туцция, в аналогичных условиях доказала свою невиновность, принеся из Тибра полное решето воды, не пролив при этом ни капли.

В 73 году до н. э. весталку Фабию, сводную сестру Цицероновой жены Теренции, обвинили в том, что она уступила домогательствам Катилины, а Лицинию в том, что она отдалась своему кузену, знаменитому Крассу. Обе были оправданы. Не было никаких причин обвинять в грехе первую, а вторую – и подавно. Да, Красс пробыл некоторое время наедине с кузиной; но он собирался купить у нее участок земли и уговаривал продать его подешевле.

Однажды верховные жрецы вынесли обвинение весталке, которую оговорил ее раб. Эту женщину, подозреваемую в страшном преступлении, на время отстранили от обязанностей и запретили общаться с ее рабами – ибо против нее было выдвинуто обвинение в инцесте. А обвинение в инцесте, наряду с государственной изменой, считалось тем случаем, когда раба дозволялось пытаться, чтобы он дал показания против своего владельца. После этого она предстала перед судом жрецов.

Если обнаруживалось, что весталка не уследила за священным огнем и он погас, она получала выговор от понтифика Максима. Если весталку признавали виновной в сексуальных извращениях, то ее партнера забивали кнута в комитиуме, а ее саму замуровывали заживо в подземной комнате

под кампусом Сцелератус у ворот Коллина. Если же к смерти через повешение приговаривали добропорядочную девушку из светской семьи – как это случилось с юной дочерью Сеяна, которая, вероятно, участвовала в интригах своего отца в 31 году н. э., – то палач овладевал ею, когда веревка уже обвивалась вокруг шеи несчастной, поскольку казнить девственниц считалось плохой приметой.

Плутарх оставил нам мрачное описание казни провинившейся весталки:

«В небольшую подземную комнатку ведет лестница. В комнате имеется кровать, зажженная лампа и небольшое количество необходимых для жизни вещей – хлеб, вода в кувшине, молоко и масло. Их оставляли для того, чтобы римлян не мучила совесть и чтобы никто не мог обвинить их в том, что они заморили голодом женщину, освященную божественным ритуалом.

Жертву приносят на форум на носилках с задернутыми шторами. Ее связывают и затыкают рот кляпом, чтобы она не кричала. Люди уступают дорогу и сопровождают процессию в полном молчании и глубокой скорби. Нет в мире более жуткого зрелища, а в Риме – внушающего больший страх.

Когда кортеж достигает места назначения, прислуга развязывает пленницу; верховный жрец молится в тишине, протягивая руки к богам, желая объяснить им необходимость того, что он делает, а потом берет осужденную за руку, при этом лицо ее скрывает плотная накидка, и проводит к лестнице. Когда она начинает спускаться, он и другие жрецы отворачиваются. Потом лестницу поднимают, а вход в комнату закрывают и засыпают толстым слоем земли, сровняв его с окружающей поверхностью».

Конечно, такие события случались не каждый день. За всю римскую историю нам известно не более десяти случаев, когда весталки подвергались такому наказанию.

Ученые по-разному объясняют происхождение этого обычая. Согласно одной версии, неверность весталки считалась у практичных римлян «чудом» (вроде рождения младенца-урода), поэтому ее нужно было убрать с глаз долой. Другие ученые утверждают, что с того момента, когда верховный жрец «берет» ее к себе, она символически становится его женой, и он наказывает весталку и ее соблазнителя точно так же, как муж наказывает свою супругу за измену. Однако ни одно из этих объяснений не внушает доверия. Ответ лежит в самых древних, неизвестных нам религиозных культах Рима.

Вряд ли такое ужасное наказание применялось в последние сто

пятьдесят лет существования республики. Поэтому кажется весьма странным, что его возродили в конце I века н. э. В 83 году н. э. император Домициан, считавший себя божеством и репутация которого не была еще подмочена ужасным скандалом (смертью его собственной племянницы, которую он совратил), с упорством, достойным пуританина, решил улучшить нравы государства^[31]. Он заявил, что Веспасиан и Тит прекрасно знали, что коллегия весталок предается разврату, но это их не очень огорчало. Собрались жрецы; один из них не выдержал напряжения и умер от разрыва сердца. Трех весталкам – половине всей коллегии – было предложено покончить с собой, а их соблазнитель отправили в ссылку. Но на этом дело не закончилось. Через несколько лет жрецов стали время от времени собирать, но не в Риме, а на Альбанской вилле Домициана. На одном из этих собраний главная весталка Корнелия, освобожденная от предыдущего судилища, в ее отсутствие была приговорена к замуровыванию заживо, а ее предполагаемый соблазнитель был забит до смерти. Домициан поручил коллегии верховных жрецов привести этот позорный приговор в исполнение.

«Понтифы тут же явились, чтобы казнить и похоронить Корнелию. Она протягивала руки к Весте и другим богам, и среди ее мольбы много раз слышались крики: «Как может Цезарь обвинять меня в разврате, когда, выполняя свой священный долг, я принесла ему победу и триумф?» Было ли это сказано в надежде спастись или в насмешку, из уверенности в своей чистоте или из презрения к императору, кто знает? Была она виновна или нет, но, подчинившись своей судьбе, и вправду производила впечатление невиновной. Когда она спускалась по лестнице в могилу, край ее платья за что-то зацепился; она повернулась и высвободила его. Палач предложил ей руку, но она отвернулась и отпрянула от него, словно, желая подчеркнуть свою невиновность, хотела уберечь свое нетронутое, чистое тело от прикосновения к чему-то грязному».

Так Плиний Младший описывал ее конец в письме к бывшему претору, который спрятал у себя одну из отпущенниц Корнелии и благоразумно удалился в добровольную ссылку. Позже его обнаружили на Сицилии, где он, ради пропитания, давал уроки красноречия.

Коллегия весталок не была уничтожена. В 215 году н. э. император Каракалла удовлетворил свою похоть, соблазнив одну из весталок, а потом велел заживо похоронить ее саму и двух ее подруг. Несколькими годами позже, в 220–221 годах н. э., по религиозным соображениям или из простого каприза, император Элагабал женился на весталке по имени Аквиллия Севера. Ради нее он развелся со своей первой женой и освободил

Аквиллию от всех ее обетов. По-видимому, они неоднократно разводились и снова вступали в брак. Детей у них не было; Элагабал очень жалел об этом, поскольку заявил в сенате, что раз он сам был верховным жрецом, а его жена – жрица, то их дети не должны быть простыми смертными.

Как в залах колледжей Оксфорда и Кембриджа, основанных женщинами, на стенах висят портреты их бывших покровителей, так и в Атриуме весталок стояли статуи верховных весталок на пьедесталах с надписями. Многие из них сохранились до наших дней.

Если понтифику Максиму разрешалось, в обычном порядке, жениться на ком он захочет и когда захочет (этот факт подтверждает, что в глубокой древности это пост появился в результате нововведений), то жрецы Юпитера, Марса и Квирина должны были брать в жены только тех женщин, родители которых поженились в результате очень сложного обряда конфарреатио. Этим жрецам разрешалось вступать в брак только по этому обряду. Но даже после этого жены фламина Квиринала и фламина Марса сами не были жрицами.

Жены же рекса Сакрорума (регины Сакрорум) и фламина Диалиса должны были быть жрицами – последняя жрицей Юноны. Они обязаны были строго соблюдать форму одежды и подвергались целому ряду табу. Фламинике Диалису разрешалось подниматься только на три ступеньки лестницы, кроме «греческих лестниц» (мы не знаем, в чем их особенность); она не имела права мыться в мае, а в первую половину июня или в те мартовские дни, когда танцевали жрецы Марса (Салии), – причесываться; в первую половину июня им также не разрешалось стричь ногти. Для фламина Диалиса жена была просто необходима – для того чтобы сохранить за собой этот пост, он должен был жениться; ему не разрешалось разводиться, а если жена умирала, то он обязан был покинуть свой пост.

Во времена империи в провинции появились жрицы культа тех женщин из императорской семьи, которые были причислены к лику богинь.

В самом Риме, в эпоху республики и империи, бывали времена, когда общественные трагедии или чудеса, внушавшие политический страх, вынуждали правительство обращаться к жрецам за советом, какие жертвы и какому богу надо принести. Если жрецы, в своей мудрости, решали, что надо умиловить богиню Юнону, то в Риме собирали «трижды по девять» незамужних девушек (девственниц), а иногда – замужних дам (матрон). В 207 году до н. э. двадцать семь девушек, облаченных в длинные платья, исполняли в честь Юноны песнь, которая, на наш вкус, показалась бы чересчур грубой, и при этом отбивали ритм ногами. Через семь лет новые двадцать семь девушек снова спели эту песню. После великого

пожара в Риме в 64 году н. э. шестьдесят четыре замужние женщины принесли Юноне искупытельные жертвы.

Религиозные женщины

В некоторых религиозных ритуалах женщинам участвовать запрещалось – например, во время принесения публичных жертв Геркулесу на ага тахита, а в сельской местности – регулярных жертв ради благополучия стад. Аналогичным образом, на женских религиозных церемониях, вроде культа Бона Деи, мужчины присутствовать не могли.

Два раза в году женщины, и только они, воздавали почести этой богине. Первый раз – 1 мая, в ее храме на Авентине. Второй – в одну из ночей в начале декабря; причем дату выбирали каждый раз по-новому, неизвестно, по какому признаку.

Этот праздник, продолжавшийся всю ночь, происходил в доме старшего курульного магистрата. Он, вместе с другими мужчинами своей семьи, проводил эту ночь в другом месте; все изображения мужчин и самцов животных: статуи, картины и мозаики, которые нельзя было убрать, завешивали покрывалами.

Хозяйкой была, разумеется, жена магистрата; в ее доме собирались дамы из общества и весталки, которые присутствовали на празднике официально (они, вероятно, время от времени покидали дом, чтобы проверить, не погас ли огонь в храме Весты). Играла музыка, лилось вино, но собравшиеся соблюдали ряд строгих табу. Вино называли молоком, а кувшин, из которого его наливали, – горшком с медом. Центральным моментом праздника было принесение в жертву свиньи. Дома в центре Рима были невелики, и можно представить себе, как душно и тесно было в доме магистрата и какой там стоял запах. О том, что здесь происходило, мужчины знали только по рассказам женщин. Плутарх полагал, что вечер проходил столь же благопристойно, как и вечеринка у миссис Прауди, а Ювенал думал, что женщины устраивали оргию.

В 63 году до н. э. этот праздник отмечался в доме консула Цицерона (за один или два дня до ареста участников заговора Катилины). В 62 году его провели в Пресинкте, официальной резиденции понтифика Максима, Юлия Цезаря, но не потому, что он был верховным жрецом, а потому, что в тот год занимал пост претора. Где и с кем он сам обедал, нам не известно. В доме всем заправляли его мать Аурелия и ее дочь Юлия. Ц. Октавий, будущий император Август, родился годом ранее, и Аурелия стала

прабабушкой, а Юлия – бабушкой; обе затмили бесплодную жену Цезаря Помпею, которая, вероятно, была номинальной хозяйкой.

Ночью к Аурелии пришла рабыня по имени Габра и сообщила ей ужасную новость – по дому бродит мужчина, переодетый арфисткой. Аурелия вышла к нему и велела убраться прочь, что он и сделал. Мы не знаем, был ли он замечен другими женщинами, но им объяснили, что произошло, и замужние дамы, как только вернулись к себе домой, рассказали об этом случае мужьям. Весталки, в этом ли доме или в своем Атриуме, снова провели необходимые церемонии, ибо в их обязанности входило проследить, чтобы с Римом и его великой империей не случилось ничего плохого из-за пустячного проступка этого незнакомца.

Мы не знаем, была ли ночь очень темной и хорошо ли видела Аурелия. Она твердо заявила, что узнала незнакомца – это выдающийся молодой мужчина, недавно избранный квестором и отпрыск, хотя уже несколько дискредитировавший себя, одной из лучших семей Рима. Аурелия утверждала, что это был П. Клодий. Весь Рим заполнили слухи (мы не знаем, кто их распускал – может быть, сама Аурелия, а может, и нет), что он вошел в дом, чтобы соблазнить жену Цезаря, пользуясь тем, что гости увлечены праздником.

Политическая респектабельность – которая вращается вокруг своей собственной оси – требовала проведения публичного расследования, нисколько не смущаясь тем фактом, что предполагаемое преступление не наказуемо ни одним законом. Интриганы пустили в ход все свои уловки и сумели убедить Цицерона поддержать тех, кто требовал расследования. Жрецов и весталок попросили официально выразить свое отношение к этому делу, поскольку и те и другие имели верховного жреца, Юлиа Цезаря, своим председателем. Надеялись, что благодаря их свидетельствам Клодия можно будет осудить. Цезарь развелся с женой, очень мудро заметив, что «жена верховного жреца должна быть вне подозрений», но, продолжая дружить с Клодием, дал всем понять, что не считает его поступок преступлением. Симпатии общества были целиком на стороне Клодия.

Клодий заявил, что у него есть алиби – в ту ночь, когда проводились ритуалы в честь Бона Деи, он был в Интерамне, в девяноста милях от Рима. Эти слова опровергли три свидетеля: мать Цезаря и рабыня, которая сказала, что его видели в доме, а также Цицерон, заявивший, что Клодий заходил к нему утром того дня, когда устраивался праздник, поэтому добраться к ночи до Интерамны не мог. Судьи признали Клодия невиновным, Цицерон и его друзья не сомневались в том, что их

подкупили. Историки, которые, подобно ручным спаниелям, следуют за Цицероном, вторят вердикту суда. Все они единодушно признали Клодия виновным.

Хотелось бы узнать о празднике Бона Деи в следующем году. В чьем доме он проводился? Приставили ли ко всем дверям стражу? Была ли приглашена Аурелия? Прошел ли этот праздник спокойно, а не так, как в прошлом году?

История «Клодий среди дам», в отличие от «Ахилла на Сциросе», прославилась очень широко, и Ювенал написал на эту тему прекрасную сатиру, где праздник Бона Деи превратился в оргию, во время которой женщины напились до умопомрачения, открыли двери и стали звать к себе мужчин. Клодий, понимая, к чему идет дело, побыстрее убрался прочь. Просто смешно; использовать эту сатиру в качестве исторического источника и заявлять, что ритуал Бона Деи превратился в обычную попойку, – значит демонстрировать отсутствие чувства юмора и способности рассуждать здраво, отчего сам Ювенал пришел бы в ужас.

Но достаточно о праздниках, которые отмечали одни женщины. В общих религиозных культах, связанных с домашним хозяйством и государством, женщины, как и мужчины, соблюдали все необходимые формальности и одновременно демонстрировали тот религиозный цинизм, который царил, особенно в образованных слоях общества, в последний век существования республики. Тем не менее замужние женщины высших слоев общества, взяв с собой детей, посещали официальные религиозные церемонии, и, вне всякого сомнения, при Августе делали это напоказ, поскольку император попытался вновь ввести в моду традиционную религию. Так что женщин и детей можно было увидеть на празднике Ага Рацис.

Однако влить новую кровь в мертвую религию, основы которой были сильно поколеблены, Августу не удалось. Римский мир в конце гражданских войн очень сильно отличался от Рима, которым управлял Сулла пятьдесят лет тому назад. Благодаря контактам с восточными правителями, передвижениям войск на Восток и обратно и быстрому развитию морской торговли в Средиземноморье границы мира сильно расширились. Из стран Востока в Рим ввозили кое-что поважнее, чем предметы роскоши. Сюда импортировали восточные религии: в особенности культ сирийских богов – Изиды и Митры. Число евреев в империи постоянно увеличивалось, и с течением времени в Рим пришло христианство.

И хотя римляне называли восточные культы суевериями, считая

единственно верной лишь римскую религию, эти культы сразу же привлекли к себе массу людей. Это были живые религии, в отличие от римской, которая уже умерла. Эти религии привлекали людей мистицизмом и давали им надежду; они имели личное духовное содержание, что было ново, а идеи очищения и искупления их возвышали. Новые божества были тесно связаны с личной жизнью человека, в отличие от римских богов, которые больше напоминали влиятельных землевладельцев, живущих где-то далеко, и самое большее, на что человек мог надеяться, – так это на то, что они оставят его в покое, если он будет регулярно и в срок платить аренду.

Женщины более податливы, чем мужчины, – это всем известно; и Ювеналу было нетрудно высмеивать женщин за то, что они легко поддавались влиянию шарлатанов и самозванцев, которые встречались среди проповедников новых культов. Однако гораздо важнее то, что женщины более религиозны, чем мужчины, и они, конечно, не могли не поддаться влиянию того, что в новых культах было особенно привлекательно.

Сильнее всего влияние новых религий проявилось среди представителей полусвета – то есть среднего и низшего классов; здесь самым привлекательным для женщин стал культ Изиды. Но его-то римские власти как раз и не хотели признавать. Под влиянием Антония триумvirат на короткое время разрешил его; но храм Изиды в пределах римских стен появился только в годы правления Гая Калигулы, хотя за их пределами они уже стояли.

Культ Изиды – как и культ Цереры – предписывал в определенные периоды полное воздержание от удовольствий плоти, и поскольку куртизанки, по своей профессии, были приверженцами этого культа, то в эротических стихах они постоянно жаловались на тяготы, налагаемые на них этой богиней. Жена могла воспользоваться доверчивостью мужа и, сказав, что идет в храм Изиды, отправиться на свидание с любовником. В 19 году н. э. разразился грандиозный скандал, жертвой которого стала женщина по имени Паулина. Она была молода, красива, богата, добродетельна и знатна, как утверждает Иосиф. Все это, может быть, и правда, но вряд ли она была умна. Всадник по имени Деций Мунд, которому она отказала в своей милости, подкупил жреца Изиды, и тот сообщил Паулине, что с ней хочет провести в храме ночь Анубис. Она рассказала об этом друзьям и спросила разрешения у своего недовольного мужа, и дело сошло бы Мунду с рук, если бы он не стал хвастаться своей победой. Несчастливая женщина пожаловалась мужу, а тот – императору.

Тиберий велел провести расследование, в результате которого жрецы были распяты, а поклонники культа Изиды, вместе с четырьмя тысячами человек, высланы на остров Сардиния. Это было сделано для того, чтобы очистить страну от разбойников, «а если их там погубит климат, то никто не станет жалеть». Мунд, к удивлению римлян, избежал ссылки, хотя причиной этого, вероятно, было совсем не то, что думал Иосиф: «Если он и согрешил, то его подвигла на это любовь».

Среди отправленных в ссылку были и евреи, ибо в Риме разгорелся еврейский скандал. Один вороватый еврей, высланный из Иудеи, вместе с тремя помощниками обманом забрал деньги у женщины благородного происхождения по имени Флавия. Он уверял ее, что пошлет их в Иерусалим для раздачи бедным, но на самом деле присвоил.

В городе Трастевере была большая еврейская община, и, поскольку иудеи не так активно убеждали людей обратиться в их веру, как позже это делали христиане, римское правительство относилось к ним более благосклонно, чем к другим восточным культам. Некоторые женщины из высших классов общества проявляли к иудаизму большой интерес; даже императрица Пoppея – которая, впрочем, держала целую свиту астрологов – хорошо разбиралась в еврейской религии; некоторые даже считали, хотя и ошибочно, что она сама ее исповедует. Общественное мнение не позволило Титу жениться на Беренике и дать римлянам еврейскую императрицу.

Самыми первыми в Риме обратились в христианство мужчины и женщины из беднейших слоев общества; однако существует мнение, что в I веке н. э. две женщины из богатых семей приняли христианство (а вовсе не иудаизм, как утверждают языческие источники). Первой была Помпония Грецина, жена Аула Плаутия, который командовал войсками, вторгшимися в 43 году н. э. в Британию, а позже стал ее первым губернатором. Эта выдающаяся женщина, возможно, была знакома с Тацитом. С того самого года, когда ее муж завоевал Британию (в том же году умерла женщина, которой Помпония была очень предана, – Юлия, внучка императора Тиберия), – Помпония прожила еще сорок лет, так сильно и безутешно горюя о ее смерти, что многим это казалось не совсем естественным. В 57 году, на третий год правления Нерона, ее судили, обвинив в том, что она исповедует иностранную религию, и, по обычаю, передали решение ее судьбы в руки мужа. Тот, следуя той же традиции, собрал всю семью и попросил вынести приговор его жене. Семья признала Помпонию невиновной, и она прожила еще двадцать шесть лет, исповедуя свою мрачную религию.

Но в какую же веру обратилась Помпония? В иудаизм или в культ

Изиды? Но ведь ни тот ни другой не были запрещены! А может, она подхватила свою «болезнь» в Британии, когда жила там вместе с мужем, и эта «болезнь» была древним культом друидов? Была ли она христианкой? А может, учитывая приговор ее родни, источником ее меланхолии была вовсе не религия?

Второй мученицей христианства стала Флавия Домицилла, племянница императора Домициана, вышедшая замуж за своего троюродного брата, Флавия Клеменса, кузена императора. В 95 году н. э. ее ненормально вялый муж сначала, по воле Домициана, стал консулом, а потом был казнен. Его вместе с женой обвинили в ереси. Домициллу сослали на остров Пандатерия (Вентотене). Римское кладбище за пределами города, расположенное в Тор-Маранцио, по Ардатинской дороге, где были христианские катакомбы, находилось в поместье, когда-то принадлежавшем Домицилле. Христианское предание, которое подкрепил своим авторитетом Евсевий, утверждает, что она умерла мученической смертью. По мнению одних, ее вынудили умереть сразу же после кончины мужа; другие утверждают, что она долго терпела различные мучения, а третьи убеждены, что она никогда не была женой Клеменса, а сохранила девственность и относится к высшей категории мучениц.

Следует, однако, отметить, что Евсевий, писавший в IV веке, является самым ранним источником сведений о том, что она была христианкой. Есть основания полагать, что христианские катакомбы появились не ранее II века н. э.; высказывалось даже предположение, что тем нероманским «суеверием», в которое она обратилась, было вовсе не христианство, а иудаизм.

Во II и III веках н. э. быстрое распространение христианства затронуло и двор императора. Как было сказано выше, добрым другом христиан была Марция, наложница Коммода, а когда пришло время официального признания христианства в начале IV века, женщины из семьи Диоклетиана и Константина глубоко сочувствовали этой вере. Елена приняла христианство не только сердцем, но и умом – у нее было собственное мнение по многим доктринам веры.

Женщины, причисленные к лику богинь

В 90 году до н. э., когда против Рима восстали его итальянские союзники, высокородной Цецилии Метелле приснился сон, будто бы богиня Юнона Соспита решила покинуть свой храм, а вместе с ним – и

Рим. И было из-за чего: женщины использовали его как общественный туалет, а одна собака даже оценилась в корзинке, стоявшей у подножия статуи богини. Во сне Юнона Соспита предсказала, что на город обрушится целая череда несчастий, вскоре это и произошло. Впрочем, поддавшись уговорам Цецилии, Юнона согласилась остаться. Таков был сон. Цецилия велела очистить храм и вернула ему прежнее величие. Этому сну Цецилии суеверные римляне приписали свою победу в войне. «Чудеса освобождения навеки запечатлелись в сердцах людей. Чудо, которое сотворила Цецилия в ходе войны за наследство, увенчало ее таинственным ореолом, выделившим среди всех других женщин». Как много при изучении истории может дать недостаток доказательств и богатое воображение француза!» (Каркопино Дж. Сулла).

Из всех женщин, которые были обожествлены в Риме, мало кто удостоился таких похвал.

Египтяне времен фараонов искренне верили, что царь и его супруга являются богами, а в эллинских царствах Восточного Средиземноморья, которые появились после походов Александра Македонского, правителей причисляли к лику богов после их смерти (этот обычай был порожден греческим культом героев), а в некоторых случаях, через два или три поколения, и даже при жизни. Они становились объектом поклонения, у них появлялись свои храмы и жрецы, а у цариц – жрицы. Когда все эти эллинские государства пали под ударами римских войск, потребовалось очень много усилий, чтобы убедить их жителей, привыкших к низкопоклонству, не оказывать подобных почестей проконсулам, приехавшим из Рима; а когда в Греции и Восточном Средиземноморье Антоний стал появляться перед народом в костюме Диониса, это шокировало только римлян, ставших жертвой Октавиановой пропаганды.

Тем не менее в Риме Юлий Цезарь повторил историю Ромула. Когда тот умер, его объявили богом Квирином; Юлий Цезарь был убит в 44 году до н. э., и через два года сенат объявил его богом – Дивом Юлием. Был сооружен храм Дива Юлия. Август умер в 14 году н. э., и сенат проголосовал, чтобы он был объявлен Божественным Августом. Ему построили храм и назначили жрецов (Содалес Аугусталес).

Так появились два новых бога, но богинь еще не было.

Когда в 29 году н. э. умерла вдова Августа, Юлия Августа, наверняка по Риму пошли слухи, что ее причислят к лику богинь. Однако к тому времени она была столь же непопулярна, как и ее сын Тиберий; а Тиберий недвусмысленно заявил сенату, что обожествление правителей он не одобряет – за исключением, разумеется, Августа.

И все-таки первой римской женщиной, объявленной богиней, стала сестра капризного императора Гая Калигулы Друзилла, которой было всего двадцать один год. Она умерла 10 июня 38 года н. э., а 23 сентября ее объявили богиней. Римляне к тому времени уже решили, что, хотя практика обожествления людей родилась не в Риме, ее нужно проводить в традиционной римской манере – перед тем как вынести официальное постановление о причислении к лику богов, следовало дожидаться какого-нибудь чуда. После того как в июле 44 года до н. э., во время игр в честь покойного Юлия Цезаря, на небе появилась комета, дополнительных доказательств его божественной сути уже не требовалось. После смерти Августа случилось несколько чудес: с погребального костра взлетел орел; один сенатор под присягой поклялся, что видел, как этот орел поднимается в небеса. Доказательства подобного рода получить было не трудно, и они удовлетворили всех. И вот теперь один сенатор, бывший когда-то претором, заявил, что наблюдал, как Друзилла возносится на небо в сопровождении других богов. Он поклялся богами (в их число включили и Друзиллу), что говорит правду. Его словам поверили, и в награду за свою наблюдательность он получил миллион сестерциев.

Божественной Друзилле не построили храма, и даже алтарь, за который проголосовал сенат, так и не был сооружен. А когда, менее чем через два года, Гай был убит, о богине Друзилле быстро забыли, хотя до нас дошли две надписи, которые говорят о том, что в окрестностях Турина ее культ просуществовал до восшествия на престол Клавдия. Этот император хорошо понимал, что надо исправить несправедливость и пусть поздно, но соединить свою бабушку с супругом на небесах. И ее признали богиней (правда, мы не знаем, какие формальности были при этом проведены); в храме Божественного Августа установили ее статую, а ответственными за отправление ее культа были назначены весталки.

Что касается остальных, то обожествление женщин в I веке н. э., хотя и отражало глубокую скорбь или раскаяние убийц, означало лишь то, что сенаторы становятся все более раболепными и всегда готовы угодить императору. Было даже высказано мнение, что все люди, рожденные в императорской семье или породнившиеся с ней в результате брака, обладают от рождения божественной сутью. Впрочем, разумные римляне в это не верили. Появилось несколько новых богинь, причем некоторые из них были еще детьми, и вся их божественность была в высшей степени эфемерной: Клавдия Августа, дочь Нерона и Пoppей, умершая в 63 году н. э. в возрасте четырех месяцев, и Флавия Домицилла, дочь Веспасиана, скончавшаяся еще до его восшествия на престол. Причисляли к лику

богинь и таких дам, поведение которых было далеко от божественного, – жену Нерона Пoppею, которая умерла от удара мужа ногой в живот, и дочь Тита Флавия Юлию, племянницу Домициана, скончавшуюся при еще более трагических обстоятельствах. Весьма показательным был поступок Пета Фраза, который приблизил его кончину, – он отказался присутствовать на заседании сената, на котором Пoppея была объявлена богиней.

Во II веке стали обожествлять более подходящих женщин. Все они были выдающимися личностями: жена Траяна Плотина, его сестра Марциана и его племянница Матидия (при Адриане), жена Адриана Сабина и – каким бы ни был их нравственный облик – старшая и младшая Фаустины, жены Антония Пия и Марка Аврелия.

Глава 13. Повседневная жизнь римских женщин

Одежда

Белье женщины состояло из легкой нижней туники – безрукавки, сорочки и fascia или strophium, чего-то вроде бюстгальтера. Сверху надевались туника (которая начиная с I века до н. э. стали называться столой) и палла. Хотя девушки когда-то носили тогу, в первые годы существования империи от этого обычая отказались, и уважаемые в обществе римлянки их больше никогда не надевали. Это одеяние, которое на мужчинах и мальчиках свидетельствовало о достоинстве римского гражданина, а иногда даже говорило о его социальном положении, у женщин стало облачением проституток – и тех, кого судили и признали виновными в измене мужу.

В ранние годы республики женщина, выходя из дома, не должна была демонстрировать свое тело – совсем как современные монахини. Говорят, что Ц. Сульпиций Галл развелся со своей женой только потому, что она вышла из дома с непокрытой головой.

Стола женщины доходила до пола; палла должна была покрывать ее голову, но ко времени Августа, как демонстрируют нам скульптуры в «Ара Пасис», женщины иногда накидывали ее на голову, а иногда – нет. Палла больше всего походила на очень длинную прямоугольную шаль; ее нижний край спускался до колен. В таком виде она просуществовала до III века н. э., а потом была укорочена. Другая накидка, покороче, называлась рициниум, и к концу республики, неизвестно по какой причине, превратилась в траурное покрывало. Еще одним головным убором была рика, что-то вроде платка, который, по-видимому, носили жрицы.

Современной формой столы или туники является неотрезное по талии платье с рукавами в стиле кимоно. Его шили из двух кусков ткани одинаковой длины, которые представляли собой переднюю и заднюю части платья и сшивались по бокам снизу вверх на три пятых своей длины. Несшитые куски ткани потом отгибались, вперед и назад, образуя воротник или фартук. Верхняя часть платья, спереди и сзади, собиралась или укладывалась складками на плече – собранные куски прочно сшивались, – и группы складок соединялись на плечах либо брошью, либо швом, оставляя шею и подмышки открытыми. Под грудью завязывали пояс. Таким образом, римская матрона была stolata; писатели уделяли особое

внимание одному участку столы, инстите. Это был низ платья, который живописно окутывал женские ноги. Некоторые полагали, что это оборка, но ни на одной женской статуе оборок мы не видим. Скорее всего, это была кайма, а поскольку на скульптурах она совсем незаметна, ее, вероятно, нашивали на нижний край столы, и она, по-видимому, отличалась от всего одеяния по цвету.

В современном динамичном мире ничто не меняется так быстро, как фасоны женского платья. Поэтому весьма удивительно, что римские женщины во II веке н. э. (как видно по их статуям) одевались одинаково и довольно однообразно. Единственный отрывок во всей римской литературе, где говорится о разнообразии женского платья, находим у Плавта, в пьесе «Эпидик», созданной в начале II века до н. э. (впрочем, этот абзац, как и многие другие у Плавта, скорее всего, относится к эллинистической Греции, а не к современному ему Риму). В весьма вольном переводе этот отрывок звучит так: «Что это за женщины, господин, которые каждый год придумывают новые названия для одежд? Свободная туника, обтягивающая туника, голубое белье, внутренняя, холодный край, туника «Маргаритка» или «Крокус», туника с рубашкой – или без нее, – мантилья, царская или экзотическая, волнистая или расцветная, ореховая или восковая – во всем этом нет ни крупицы смысла».

И этот отрывок сообщает нам правду. Совершенно очевидно, что женщины не могут жить без новшеств в одежде. мода конечно же менялась каждый год, но изменениям подвергались не покрой и форма столы, а ткани и их расцветка.

Аристотель писал о шелке еще в IV веке до н. э., но разведением шелковичных червей в Европе занялись только в VI веке н. э. Шелк ввозили из Китая, и он был крайне дорог – стоимость фунта шелка в III веке н. э. равнялась фунту золота. Однако широкому распространению шелковых тканей мешала не только их высокая стоимость, но и то, что шелк был очень тонок и прозрачен – такая ткань считалась неприличной и не подходящей для римлянок. Не зря Элагабал все время носил шелковые одежды, а его добродетельный преемник Александр Север облачался в них крайне редко.

Плотность шерстяной ткани значительно различалась по сезонам: зимнюю одежду шили из толстых тканей, а летнюю – из тонких.

Красота женских одежд зависела от их расцветки. «Пурпурные» с золотом одеяния считались верхом экстравагантности, о чем свидетельствуют прения в сенате по вопросу об отмене закона Оппия. Пурпурными называли самые разные цвета – от голубого и красного до

багряного. Цветам давали причудливые названия: темно-розовый (цвет черной розы), строгий и блестящий алый, аметистовый и «цвет застывшей крови, черный на первый взгляд, но сверкающий, если его поднести к свету». Красители получали из моллюсков под названием пурпуровая улитка, или багрянка. Замечательные свойства их секрета впервые были обнаружены и пущены в коммерческий оборот жителями Тира в Восточном Средиземноморье. Плиний Старший со знанием дела описывает процесс получения красителей из этих улиток.

Римляне использовали также растительные и минеральные красители, которые позволяли получить богатую палитру красок: морской волны, шафрана, парфянского мирта, аметиста, бледной розы, фракийского журавля, желудя, миндаля, как сообщает нам Овидий. Простые расцветки рекомендовалось подбирать под цвет кожи: смуглым женщинам шел белый, а бледным – черный.

Были цвета, которых приличные женщины избегали. Зато они были популярны у проституток, им, кроме того, разрешалось обнажать ступни. Они носили сандалии, украшенные драгоценными камнями. Порядочные матроны не могли об этом и мечтать.

Тертуллиан и учителя христианства считали роскошные одежды частью суетного стремления людей к удовольствиям. Предположим, что Ева облачилась в роскошные шелка, окрашенные тирийскими красителями. Разве сумели бы они ее утешить, когда она была изгнана из рая и умерла? Если Всевышний одобрял такие цвета, почему он не сотворил овец с пурпурной и алой шерстью? Насколько убедительными казались подобные аргументы тем, на кого они были рассчитаны, сказать невозможно.

Прически

Прическа и ее обдумывание, вполне естественно, занимали у женщин много времени. Укладку волос делали женские парикмахеры (*tonstrix*, *ornatrix*) или рабы, которые специально обучались этому искусству. И не надо верить Марциалу и Ювеналу, которые описывают нам приведенные ниже сцены, утверждая, что они происходят ежедневно: истеричная хозяйка, рассвирепев из-за ошибки, которую допустила рабыня, впивается ей в лицо ногтями, хватая за руки и царапает их остро заточенными щипцами для завивки, рвет на ней волосы или бросает в нее зеркало. На фресках из Помпей мы видим более спокойную и, будем надеется, более правдоподобную картину: матрона смотрится в зеркало и, по-видимому,

довольна своим видом. В сцене, описанной Ювеналом, участвуют не менее трех рабынь; на каменном рельефе в музее Трира тоже изображены три невольницы: одна причесывает госпожу, другая держит перед ней зеркало, и лица у них совсем не напряжены.

Моду на прически устанавливали дамы императорского двора. По их многочисленным портретам на монетах, по которым порой нельзя определить, кто там изображен, и по бюстам, имевшим портретное сходство, которые можно с большой долей вероятности атрибутировать, хорошо видно, как сильно менялись прически. В то же время даже при дворе не все дамы рабски следовали моде, а в среднем и низшем классах общества прически и вовсе были весьма разнообразными. Прическа, подходящая одному типу лица или форме головы, совсем не годится для других, как указывал еще Овидий.

Во времена республики юные девушки укладывали волосы очень просто, зачесывая их назад и собирая узлом, который скрепляли заколкой. Женщины постарше надевали на голову сетку, сплетенную из тонких нитей (*reticulum*), которую украшали небольшими золотыми мушками. Изображение головки с такой сеткой сохранилось в музее Аквилеи. Фортуната Тримальхио хвасталась, что ее сетка сплетена из чистого золота. Весталки носили старомодную прическу – локоны, обвязанные узкими ленточками (*vittae*), укладывали в форме конуса (*tutulus*).

Ленточки и заколки никогда не выходили из моды. Простые полоски из грубой шерсти, символы чистоты и чести замужней женщины, которыми раньше обвязывали конусообразную прическу, уступили место льняным или шелковым лентам ярких расцветок. Они имели разную форму и размер и вплетались в волосы по-разному. Часто их делали из дорогих тканей, обшитых золотой бахромой, скрепляли заколками или небольшими золотыми пряжками, украшенными жемчугом и другими драгоценными камнями, и тогда они теряли свой утилитарный характер и превращались в украшения. Самыми великолепными и дорогими были диадемы.

Если судить по монетам и бюстам, в эпоху Юлиев-Клавдиев прически постоянно менялись, однако в целом они были двух типов: в одном случае волосы разделяли двумя проборами, а в другом – одним, посередине головы. В прическах, относящихся к первому типу, которые называли «стилем Октавии», поскольку именно такие носила сестра Августа, центральную прядь волос зачесывали вперед и сооружали надо лбом валик (тупей), а остальные волосы опускали вниз, где они соединялись с боковыми прядями, и завязывали их в узел. Трудно поверить, что прически подобного типа были так же красивы, как и более простые, которые их

сменили. Волосы делили на прямой пробор, и пряди волос укладывали на висках волнами или длинными локонами опускали на плечи, а остальные собирали в узел у основания шеи.

То, что Юлия, дочь Тита – жизнь которой безжалостно погубил ее дядя Домициан, – была очень красива, не вызывает сомнений. Именно она, по-видимому, дала толчок к появлению необычайно причудливых женских причесок, которые вряд ли уступают по своей экстравагантности прическам XVIII века. В это время женщины проводили долгие часы, завивая волосы щипцами, а люди, если судить по сатирам Ювенала, были очень вспыльчивы. Локон громоздился на локоне, и на голове сооружали целую башню, больше похожую на шедевры кулинарного искусства, чем на прическу, или, хуже того, на сухую губку. Сзади волосы заплетали в косички, которые укладывали кольцами, так что прическа напоминала плетеную корзинку. Все это великолепие надо было созерцать только спереди, и женщинам на пирах и праздниках приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы никто не увидел, что у них на затылке. «На ее голове высится несколько этажей. Увидев ее спереди, решишь, что это Андромаха. Сзади же она кажется в два раза ниже – перед тобой совсем другая женщина» – так насмеялся над модницами Ювенал.

Такие прически Марциал называл «волосным шаром», а Статий – «волосным стогом». Это было время, когда бедная рабыня из сатиры Ювенала подверглась порке только потому, что один из локонов ее госпожи выбился из прически. Иногда диадема делила прическу на две части, а иногда – венчала ее. Применялись ли каркас или фальшивые волосы для создания всего этого великолепия, мы не знаем. Как не знаем и того, разбирались ли прическа перед сном, а утром создавалась заново. Возможно, это просто был парик, который на ночь снимали, а днем снова надевали, ибо на некоторых бюстах четко вырисовывается линия раздела между лбом и волосами.

Плотина, по-видимому, изобрела свою собственную прическу. Волосы, свободно спадавшие на лоб, поднимали и связывали на макушке. Этот хвост подгибали, и получившийся валик укладывали надо лбом в виде диадемы, доходившей до верхушки ушей (см. фото 13, а). Через полвека Сабина решила упростить прически. Она стала расчесывать волосы на прямой пробор, чтобы они волнами ниспадали ей на плечи. Старшая Фаустина носила другую прическу – она укладывала косы на голове кольцами, и они напоминали спящую змею. Ее дочь, с каждым годом предпочитавшая все более простые прически, сначала тщательно расчесывала волосы и связывала их узлом в виде шиньона на затылке, а в

конце жизни носила короткую, до середины шеи, завивку. Эта простая прическа уступила в конце II века тяжелой завитой волне волос, которые, подобно шапочке-балаклаве, плотно облегли голову. Такую «шапочку» мы видим на голове Юлии Домны. Позже волосы иногда собирали сзади в форме плоского, некрасивого боба, а во времена Елены красиво взбивали на затылке, перевивая пряди нитями с нанизанными на них драгоценными камнями, как в эпоху Тюдоров^[32].

Молодые девушки причесывались не так, как старые женщины, и если их матери слепо копировали прически двора, то их дочери шли своим путем. Во все периоды империи создавались портреты девушек, волосы которых были разделены на прямой пробор и очень мило завиты. Их локоны падали на плечи или на спину или делились, по примеру греческих причесок, на части. Такой стиль причесок немецкие ученые назвали уродливым словосочетанием – Melonen-frisur.

Христианин Тертуллиан, живший в Африке на два столетия позже Овидия, был абсолютно не согласен со знаменитым римлянином. Овидий славил все виды удовольствий, которые дарует человеку тело, и стремился облагородить его; Тертуллиану же хотелось, чтобы весь мир стал таким же аскетичным, как и он. Женщин надо исправлять, как и всех других людей, считал он. Они не должны тратить так много времени и размышлений на свои прически.

«Все эти усилия по укладке волос – какой вклад они внесут в твое спасение? Почему ты не оставишь свои волосы в покое? Ты то поднимаешь их вверх, то опускаешь, то взбиваешь, то расчесываешь. Одни женщины тратят все свои силы на то, чтобы завить волосы, а другие оставляют их прямыми или волнистыми. Многим это кажется вполне естественным, но только не тебе. Ты прилагаешь невероятные усилия, чтобы сделать из своих волос нечто вроде гобелена, а в другой раз – вроде футляра на голове, и покрытие твоей головы, нечто вроде шлема, бывает похоже на поднятую платформу, укрепленную на твоём затылке» (Тертуллиан. О женском культе).

«Лысина не украшает человека. Подхваченные старостью, наши волосы падают, словно осенние листья, сорванные с деревьев холодным ветром. Когда волосы у женщины седеют, она красит их германскими травами и с помощью искусственных средств пытается найти цвет, который лучше всякого природного. У нее густые волосы – не важно. Она швыряет деньги и приобретает волосы какой-то другой женщины. Она покупает их не моргнув и глазом... Если у женщины волосы не в порядке, она должна

поставить у ворот часового или сделать себе прическу в храме Бона Деи^[33]. Однажды я неожиданно заявился к одной даме. Она так всполошилась, что надела парик задом наперед». Так писал Овидий в «Искусстве любви».

Волосяные накладки носили женщины, у которых были очень тонкие волосы; парики – те, у кого волосы были повреждены (из-за неумелой окраски или чрезмерного увлечения щипцами для завивки). Иногда их надевали женщины, имевшие здоровые волосы, но желавшие изменить их цвет; вместо того чтобы краситься, они предпочитали носить парик. Наверняка среди германских женщин было много блондинок, которых, захватив в плен, остригали, чтобы продать их волосы изготовителям париков в Риме.

Женщины в Древнем Риме, как и сейчас в Италии, имели в основном темные волосы, и римлянки, очевидно, мечтали стать блондинками не меньше, чем современные итальянки. Между рыжим и льняным цветом волос было много градаций; у Поппеи были, например, светлые волосы, и Нерон в своем стихотворении называл их янтарными. Иногда цвет волос был натуральным; чаще всего – нет.

Даже в древние времена, когда женщины вели затворнический образ жизни, считалось вполне законным «окрашивать волосы в рыжий цвет с помощью золы», чтобы порадовать своих мужей. Чтобы стать блондинкой, римлянки использовали вещество под названием *spuma Batava* (батавская пена) или «Висбаденские мыльные таблетки» (*pilae Mat tiasae*). Именно их Овидий и называл «германскими травами».

Плиний Старший приводит рецепт мыла, изобретенного в Галлии для окраски волос в рыжий цвет – *rutilandis capillis* – «которое было доступно в жидкой и в твердой форме и которым в Германии чаще пользовались мужчины, чем женщины». Это была смесь жира, предпочтительнее козьего, и золы, предпочтительнее березовой.

Естественно было бы предположить, что состав, описанный Плинием (в современных словарях его совершенно неправильно переводят как «вялое серебро»), и есть та самая краска, о которой писали Овидий и Марциал. Эксперименты, однако, показали, что, хотя он образует густую пену и великолепно промывает волосы, окрашивающих свойств у него нет.

Сомнительно, чтобы германские мужчины красили волосы; Тацит в своем трактате о Германии ничего об этом не пишет. То, что они мыли голову отличным шампунем, вполне вероятно, и если грязные волосы после мытья обнаруживали свой естественный рыжеватый оттенок, то иностранец вполне мог принять мыльный раствор за краску для волос. Состав краски, описанной Овидием и Марциалом, вероятно, был другим

(хотя и производился в Германии); а может, в «шампуне» Плиния имелся еще какой-нибудь ингредиент, о котором производители ему не сообщили. И это вполне естественно, ибо Рим был большим рынком сбыта этого товара, и рассказывать свои тайны конкурентам никто не хотел.

Но история на этом не заканчивается. Сохранился рассказ Плутарха, который в основных чертах повторяется в нескольких других источниках, о том, как в эпоху Веспасиана жил некий галл Юлий Сабин из Линна, который хвастался, что является прямым потомком Юлия Цезаря по линии своей галльской прабабушки. В 70 году н. э. он принимал участие в восстании Цивилиса на Рейне и, если бы оно завершилось успехом, сделался бы первым кандидатом на трон. Когда же стало ясно, что восстание скоро будет подавлено, Юлий Сабин вернулся домой и сжег свое жилище прямо над собственной головой. Все думали, что он сгорел вместе с домом, но он спрятался в подвале и прожил там девять лет! Об этом знали только самые близкие друзья Сабина и его жена Эппония, которая навещала его в подвале. За эти годы она родила ему двух сыновей, которых отец, вероятно, там же и вырастил. После девяти лет такой необычной жизни (во время которой Эппония, оставив в подполе мужа, ездила в Рим, в тщетной надежде добиться для него прощения), ее привезли в Рим и, вместе с мужем, предали ужасной казни. Сыновья, однако, уцелели и дожили до совершеннолетия, и Плутарх встретился с одним из них, когда ездил в Дельфы. Так что историк, вероятно, получил сведения из надежного источника.

Необычным в этом рассказе является тот факт – которого, кстати, нет ни в одной другой версии, – что, поскольку все думали, будто муж Эппонии умер, ей приходилось, в обоих случаях, скрывать от соседок свою беременность, причем делать это нужно было при посещении бани. «Существует мазь, которую женщины втирают в волосы, чтобы они стали золотистыми или рыжими; в нее входит жир, который раздувает плоть и увеличивает ее объем. Она обильно мазала этим составом все части своего тела, за исключением живота, и раздувшееся тело его скрывало». Так утверждает Плутарх. Однако эта история не может быть правдой. Эппония не могла делать вид, что красит волосы всякий раз, когда моется. Вероятно, она использовала мыльный раствор, описанный Плинием, который покрывал пеной все ее тело, а вовсе не увеличивал его размер.

Мужчины не всегда одобряли стремление женщин изменить цвет своих волос; до нас дошло стихотворение, в котором Проперций сурово отчитывает за это Цинтию. Если женщина красит волосы в синий цвет – а

это был тот цвет, в который красили свое тело бритты, – никто не будет ею восхищаться. И почему, спрашивает Проперций, она думает, что «бельгийский цвет» лучше естественного оттенка ее волос?

Косметика и драгоценности

«Если бы ты увидел утром только что вставшую с кровати женщину, то обнаружил бы, что она уродливее обезьяны. Вот почему она запирается и не допускает к себе ни одного мужчины; ее окружают уродливые старухи и целая толпа служанок, которые столь же уродливы, как и их госпожа, и покрывают ее лицо разными мазями. Ибо женщина не просто смывает остатки сна холодной водой и приступает к дневной работе. Нет, для того чтобы сделать более ярким свое бледное лицо, она использует бесчисленные бальзамы в виде мазей. Как и во время общественных процессий, слуги по одному подходят к ней, держа в руках какой-нибудь предмет: серебряный тазик, баночку, зеркало, различные коробочки, которых хватило бы на целую аптеку, кувшины, полные всякой гадости, зубные порошки и средства для чернения век».

Этот насмешливый рассказ о туалете женщины был, разумеется, написан мужчиной (*Лукиан. Любовники*), как, впрочем, и все дошедшие до нас рассказы о том, что творилось в римских салонах красоты. В эллинских комедиях – и в комедиях Плавта – советы молодым женщинам о том, как надо краситься и причесываться и какие платья надевать, давали опытные куртизанки, владелицы борделей или какой-нибудь мужчина, хорошо изучивший женщин, которых были его любовницами. В элегиях – сначала греческих, а потом и римских – советы дает сам поэт, и третья книга «Искусства любви» Овидия – это, по сути, учебник для женщин. Точно так же некоторые из стихотворений Проперция содержат указания, как надо за собой ухаживать. Вместе с тем до нас дошли творения, содержащие ядовитую критику женщин, авторов которых никак нельзя назвать женоненавистниками: Ювенала, Марциала и Лукиана, юмориста, жившего во II веке, отрывок из которого мы цитировали выше. Все они мужчины.

Все это называлось словом *cultus* (украшение). Сюда входили косметика и духи (*mundus*), а также ювелирные изделия (*ornatus*). Само собой разумеется, что для огромного числа женщин все это составляло главный интерес в жизни, в особенности для личных клиентов Овидия, дорогих куртизанок. В языческом Риме только весталкам запрещалось украшать себя – они знали, что вся эта суета не для них. Их судьба

решилась еще в 420 году до н. э., когда «Постулия, девственница-весталка, была судима за инцест, которого не совершала, но подозрение пало на нее из-за того, что она всегда появлялась на людях красивой и обладала слишком острым умом для весталки. Суд признал ее невиновной. Сообщая приговор от имени коллегии понтифов, верховный жрец велел ей прекратить шутить, а в одежде и внешности следить за тем, чтобы выглядеть святой, а не красавицей» (Тертуллиан. О культах женщин).

Позже христианские женщины стали получать такие наставления от своих учителей. Тертуллиан ненавидел косметику не меньше, чем сложные прически, – он считал, что это попытка улучшить творение Бога.

В музеях всех стран, которые когда-то входили в состав Римской империи, полным-полно витрин, где выставлены зеркала, пустые баночки из-под помады, расчески, щипчики для выщипывания волос, заколки и другие предметы, украшавшие туалетные столики римских женщин. Поэты пошли еще дальше.

В качестве основы для косметики использовалась такая неприятная вещь, как жир, скапливавшийся на овечьей шерсти. Ювенал, большой насмешник, описывал мужа, который не мог уснуть ночью из-за сильного запаха крема. Этим кремом жена намазала свое лицо, а на щеки пристроила кругляшки из хлебного мякиша. Так она готовила свою кожу к завтрашнему макияжу, с помощью которого собиралась соблазнить своего любовника.

В сотне сохранившихся до наших дней строчек поэмы Овидия «Как красить женское лицо» приводится несколько советов по приготовлению мази для лица. Для одной надо смешать овсянку, земляные бобы, яйца, порошок из оленьих рогов, оброненных на землю, луковицы нарциссов, смолу, мед и пшеничную муку из Тосканы; для другой – обжаренные люпины, вареные бобы, свинцовые белила, пену красной селитры, иллирийский ирис. Для отбеливания кожи лица женщины использовали свинцовые белила (*cerussa*), мел или мелосские белила; кроме того, женщины накладывали румяна. В качестве теней для век и для рисования стрелок, удлинявших глаза, применялась сажа. Несомненно, женщины красили и губы.

«Если заботишься о своем лице, наверняка будешь выглядеть красиво», – писал Овидий.

Покупные духи поступали с Востока, а в Италии – из Капуи. Сепласия, парфюмерный рынок Капуи, славился на весь римский мир, а «Сепласиум» называли римским одеколоном. Поппея, которая за три коротких года своего правления стала законодательницей мод, ввела в употребление стойкие духи, которые получили ее имя и надолго пережили

ее саму. Впрочем, мало кто из ее поклонниц мог приобретать средство, которое она употребляла для ухода за кожей: ежедневно Помпея принимала ванну из молока пяти сотен ослиц!

Проститутки, которых мы так часто встречаем в поэмах Марциала, слишком сильно душились; эту ошибку, вероятно, совершали даже такие культурные женщины, как Цинтия.

Богатые женщины во времена империи имели очень много золота и драгоценных камней.

Когда в 195 году до н. э. обсуждался закон Оппия, золото было единственным драгоценным металлом, которым пользовались женщины. Говорят, что его запасы после возвращения Суллы с Востока в I веке до н. э. сильно возросли, а ввоз драгоценных камней оттуда же начался после триумфа Помпея в 61 году до н. э. В империи богатые римские женщины имели драгоценные и полудрагоценные камни самых разных видов: опалы, сапфиры, изумруды, бериллы, яшму, сардоникс, карбункулы, топазы, ониксы, алмазы (которые ввозили главным образом из Индии и тогда еще не умели гранить) и конечно же жемчуг. Драгоценными камнями украшали серьги, ожерелья, браслеты, кольца, броши, диадемы для волос и сандалии (только не у уважаемых матрон).

Мы узнали о том, какие драгоценные камни носили римские женщины, из различных источников. Две надписи, относящиеся к императорскому периоду и найденные в Испании, перечисляют драгоценности, которыми были украшены две статуи. Одну из них воздвигли на могиле женщины согласно ее завещанию. Коробочка с украшениями была найдена в Лионе в 1841 году; сейчас ее можно увидеть в Музее изящных искусств этого города, а в Национальном музее в Неаполе выставлены прекрасные украшения, найденные в доме Менандера и на вилле Боскореале в Помпеях. Другие крупные хранилища мира, например Британский музей, демонстрируют посетителям много прекрасных вещей. Кроме того, Плиний Старший и другие писатели – Сенека и сатирики – подробно рассказывают нам о том, какие драгоценности носили римские женщины. Они выступают не знатоками, а моралистами, подчеркивая вульгарность тех женщин, которые обвешивали себя украшениями с головы до ног. Они писали, как некрасиво смотрится такая женщина по сравнению с римскими матронами легендарной Античности, которые одевались очень просто и не носили никаких украшений. Они раздумывали о том, сколько ловцов жемчуга должно было погибнуть в Индийском океане, у арабского побережья и в Персидском заливе, чтобы римлянки могли позволить себе

такую экстравагантность, и с тревогой рассуждали об оттоке денег из империи в страны Востока. По оценке Плиния Старшего, Рим каждый год терял из-за этого сотню миллионов сестерциев. «Вот сколько стоят нам роскошь и женщины».

С Севера поступало мало ценных вещей, за исключением янтаря (с Балтики). Британский жемчуг был очень мелок и плохого цвета.

Если верить Плинию, больше всего денег женщины тратили на украшение своих ушей, покупая жемчужные серьги, чем на другие части тела. Сенека как-то обмолвился, что некоторые женщины носят в каждом ухе по два или три поместья. Серьги часто были очень тяжелыми, и от долгой носки форма ушей сильно изменялась.

«Самой большой похвалой жемчужинам, – писал Плиний, – считается заявление, что они белые, как квасцы. Самыми красивыми считаются продолговатые. Те, что расширяются книзу и имеют форму флакона для духов, именуются *elencli* (грушевидные). Женщины похваляются ими, подвешивая на пальцы или используя две или три жемчужины в одной серьге... называя их «кастаньетами», видимо, им нравится слушать стук жемчужин друг о дружку: в наши дни их носят даже бедные – существует поговорка, что жемчуг для женщины, выходящей из дома, все равно что лакей».

Говорят, что в последние годы республики Цецилия Метелла, чей муж, сын уважаемого друга Цицерона, консула в 57 году, вынужден был развестись с ней из-за ее романа с недостойным зятем того же Цицерона, Долабеллой. Став женой богатого, но неуравновешенного сына актера Эзопа, Цецилия растворила в уксусе жемчужину стоимостью миллион сестерциев. Клеопатра пошла дальше ее. Она носила в ушах жемчуга на десять миллионов сестерциев и проглотила эту сумму одним глотком, растворив в уксусе одну из жемчужин и выпив этот раствор^[34].

А Плиний увидел на пирушке, устроенной по случаю простой помолвки, Лоллию Паулину, в волосах, ушах, на шее и на пальцах которой было драгоценностей на сорок миллионов сестерциев. И это в то время, когда она еще не вышла замуж за императора Гая Калигулу, так что драгоценности были ее личные, а не из императорской казны. В другом слое общества Сцинтилла, подруга Фортунаты, жены Тримальхиона, которых объединяла страсть к вульгарности, носила пару прекрасных золотых серег в медальоне, висевшем на шее; демонстрируя их, она похвалялась тем, что благодаря щедрости ее мужа ни одна женщина не может соперничать с ней в обладании такими жемчугами. Услышав эти слова, муж презрительно бросил, что, если бы у него была дочь, он отрезал

бы ей уши, чтобы она не говорила такой ерунды. В одном из двух дошедших до нас брачных контрактов (сохранившихся в Египте и составленных около 100 года н. э.) в списке драгоценностей невесты упоминается «одна очень длинная серьга».

Богатые жены бедных мужей тратили все свои деньги на ювелирные украшения. Если бы их упрекнули в этом, они, вероятно, заявили бы, что украшения, как и золото, не теряют своей ценности и поэтому являются хорошим вложением денег. Но это означало бы, что они обладают хорошим вкусом и утонченным воспитанием; у вульгарных женщин, естественно, об утонченном вкусе не могло быть и речи. Чтобы убедиться в этом, достаточно было только присоединиться к Тримальхиону и его друзьям на пирушке: «После этого Фортуната расстегнула браслеты на своих толстых уродливых руках и показала их Сцинтилле, чтобы та их оценила. Потом она сняла сандалии и, наконец, сетку для волос, которая, как она продолжала настаивать, была сплетена из золотых нитей. Тримальхион, наблюдавший эту игру с большим интересом, велел передать ему все драгоценности. «Господа, – заявил он, – я хочу, чтобы вы увидели цепи и побрякушки, которыми обвешивают себя наши женщины; вот так нас, бедных ублюдков, и разоряют. О боже, она, должно быть, нацепила на себя шесть с половиной фунтов чистого золота. Тем не менее должен признаться, что у меня есть браслет, который весит добрых десять фунтов!»

Бани

Вероятно, в первые века существования республиканского Рима люди мылись слишком редко; во времена империи они стали мыться слишком часто. Бани, общественные и частные, все время улучшались; когда-то они были темными и мрачными (и, вероятно, в них очень дурно пахло), но потом, благодаря большим окнам, получили хорошее освещение. Члены состоятельных римских семей иногда мылись дома, а иногда посещали общественные бани. В сельских виллах начиная со II века до н. э. появились свои бани. Если бы в начальный период империи туристы увидели виллу в Литернуме, в которой жил на покое Сципион в начале II века до н. э., они бы (если бы среди них не было моралистов вроде Сенеки) поехали от мысли, что можно мыться в такой маленькой и, главное, темной бане. В некоторых крупнейших домах Помпеев были личные бани, а также на вилле Тайн за пределами их. У Цицерона на вилле в Тускулуме тоже имелись бани, и в последнем письме, которое он написал Теренции

перед разводом в 47 году, содержатся указания о сооружении бассейна с холодной водой (*labrum*) в горячей комнате (*caldarium*). Плиний на своей вилле в Лаурентине тоже завел бани, а в соседней деревне имелось целых три общественных, «что очень удобно, если приезжаешь неожиданно или если живешь там такое короткое время, что нет никакого желания разводиться огонь в своей собственной бане».

Баня в частном доме, первоначально называвшаяся *lavatrina*, появилась раньше, чем общественная (*balneum* или *balneae*), которую римляне позаимствовали у греков.

Во II веке до н. э., как пишет Плавт в пьесе *Truculentus*, баня располагалась внутри дома, и куртизанка Фронезия так долго в ней мылась, что ее любовник Диниарх сказал: «Думаю, что рыба, чья жизнь – одна большая баня, плещется в ней меньше времени, чем Фронезия. Если бы женщины позволяли нам любить их столько времени, сколько они проводят в бане, то их любовники превратили бы любителей бани в людей». В «Мостелларии» описывалась холодная баня – а в условиях средиземноморского лета это необходимейшая вещь. Купаться в ней обожала куртизанка Филематия. В этих пьесах, которые создавались в начале II века до н. э., вполне могла быть описана жизнь эллинского мира, ведь первоначально это были греческие пьесы, а Плавт просто перевел их на латынь. Тем не менее для римской аудитории они не казались чем-то странным, а через сто лет, когда посещение бани для состоятельных людей стало привычкой, эти пьесы воспринимались еще живее. Очень любила ходить в общественные бани мать Августа и, только утратив свою красоту, стала стесняться появляться голой среди банной публики.

Были такие любители бани, которые мылись по несколько раз в день. Но обычно римские мужчины, в самом Риме и за его пределами, ходили в баню после дневного приема пищи (если они обедали в полдень) или после шести – в восьмом или девятом часу (по-нашему – в два-три часа дня). Клиент считал очень утомительным, если его патрон, которого он должен был сопровождать в баню, надеясь получить вознаграждение, купался в десятом часу. Вечером или даже еще позднее в таких беспорядочных семьях, как у Трималхиона, хозяин и гости мужского пола ходили в баню в безуспешной надежде протрезветь. Если же хозяйка (из тех, что описывал Ювенал) отправлялась в баню после десяти часов, то есть ночью, когда ее гости уже собрались и ждали начала обеда, то это считалось проявлением крайнего неуважения к ним. В общественных банях Рима во времена республики это было невозможно, ибо бани на ночь закрывались. А вот за его пределами, как показало обнаружение большого числа ламп в самых

старых банях Помпеев, они были открыты и ночью. Во времена империи в Риме установилась такая же практика.

У Варрона есть отрывок, из которого можно понять, что самые древние общественные бани имели два отделения – для женщин и мужчин, однако это вызывает сомнение. Во всяком случае, в Теануме Сидицине такого не было, как свидетельствует знаменитая история о жене консула. Однако самые древние бани Помпеев (II век до н. э.) были отдельными. Такие бани располагались в двух примыкавших друг к другу зданиях и имели одинаковое устройство. Благодаря тому что их разделяла одна стена (а входы были отдельными), достигалась большая экономия топлива, поскольку система отопления у них была единой. В целом отделения в женских банях были меньше по размеру и не так богато и изысканно украшены, как в мужских. Археологи установили, что оформление интерьеров в банях многих городов, от Везелея и Цирена до Помпей и Геркуланума, было схожим.

В римской бане была прихожая, которая вела в раздевалку (аподитериум), где – как и в теплой комнате (тепидариуме) – имелись полки с отделениями, куда клали одежду и полотенца. Из тепидариума посетитель переходил в калдариум (по-нашему – парилку). Температуру в обеих комнатах регулировали с помощью труб, проложенных под полом и в стенах, по которым подавался горячий воздух. В калдариуме стоял бак с водой, из которого она поступала в горячую ванну и фонтан (лабрум), где мыли лицо и руки. Вернувшись из горячей бани в тепидариум, посетитель шел в холодную комнату (фригидариум). Такой план имели термы Стабия (терма – баня), имевшие отделения для мужчин и женщин, которые были построены во II веке до н. э., бани на форуме, созданные в последние годы республики, а также в Помпеях, и термы в центре Геркуланума, появившиеся в первые годы правления Августа. В женском отделении бань в Геркулануме комнаты имеют сводчатый потолок, стены в прихожей отделаны простыми красными панелями, а между нею и тепидариумом устроена небольшая комнатка для хранения белья. Пол в тепидариуме украшает мозаика с изображением Тритона, окруженного дельфинами и рыбами. В калдариуме стоят красивые мраморные скамьи, на которых пропотевшие женщины отдыхали перед заходом в горячую баню и где сегодня в жаркий день сидят туристы, наслаждаясь прохладой.

Интересно отметить, что в женских парилках температура была ниже, чем в мужских, и в них не было ничего похожего на комнату с сухим жаром (лаконикум), которая имела в мужских отделениях. Это было обнаружено при изучении системы обогрева Стабианских бань в Помпеях.

Женские бани подобного типа не имели обширной палестры (двора), где мужчины после мытья могли заняться спортивными упражнениями или просто полежать на открытом воздухе, зато при женских часто устраивали салоны красоты и тому подобные заведения. А неподалеку располагались кафе.

Женщинам в банях прислуживали мужчины-рабы, и мужчины-рабы делали им массаж после водных процедур.

В мужские бани вход женщинам был запрещен. В Трастевере в Риме сохранилось объявление III века н. э.: «Мужские бани. Женщинам вход запрещен. По приказу». Однако в Пренесте, судя по надписи, 1 апреля, когда приносились жертвы Фортуне Вирилис, женщины из низших слоев общества совершали этот обряд, а возможно, даже и мылись в мужской бане.

Женщины носили в банях одежду из двух частей (*subligar*), а иногда – даже более дорогие костюмы (*balnearis vestis*). Мужчины надевали кожаные штаны (*aluta*), хотя, приходя в мужские бани, они часто раздевались догола.

Мужчины платили за вход четверть асса, а женщины – вдвое больше.

Там, где была всего одна баня, мужчины и женщины пользовались ею по очереди. О подробностях такого мытья в первые годы империи мы узнали из надписи, сохранившейся в Лузитании (Португалия). В ней говорится о законе *metalli Vipascensis*, который регулировал работу бань с минеральной водой на медных рудниках. Хозяин бань обязан был открывать их утром для женщин, с рассвета до седьмого часа (около часа дня), а для мужчин – с восьмого часа (около двух часов дня) и до девяти часов вечера (второго часа). Что касается мужчин, то их время соблюдалось. Утром, когда в банях мылись женщины, большинство мужчин работало в шахтах. Как обычно, женщины платили за мытье больше – один асс против половины асса для мужчин.

Трудно сказать, сколько было бань, в которых мылись люди обоих полов одновременно. О совместных помывках впервые упоминает Плиний Старший. Он пишет, что, если бы герой республики Фабриций вдруг воскрес, он был бы шокирован этим. Квинтилиан, совсем не глупый человек, утверждал, что если женщина моется в бане вместе с мужчинами, то это говорит о том, что она развратна. Императоры II и III веков (Адриан, Марк Аврелий и Александр Север) запретили женщинам ходить в одну баню с мужчинами. И наконец, совет Лаодикеи в 320 году н. э. запретил мужчинам-христианам мыться совместно с женщинами.

Между тем последние по времени постройки бани в Помпеях, Центральные термы, имели один, а не двойной набор банных помещений,

да и во времена тщательных раскопок в Остии нашли то же самое; никаких отдельных женских бань там не было. Этот результат, а также ряд отрывков из Марциала, где он пишет о мужчинах и женщинах, моющихся вместе, может свидетельствовать о том, что, несмотря на неодобрение властей, общие бани пользовались популярностью в народе, и начиная с первых лет империи – за исключением тех периодов, когда императоры вводили запрет на общие бани, – они были обычным явлением.

Впрочем, против этого существуют весомые аргументы. Во-первых, если бы такая практика существовала повсеместно, то мы нашли бы упоминания о ней в произведениях древних авторов, в частности Ювенала, а также моралистов. Во-вторых, женщины, о которых писал в своих эпиграммах Марциал, были, очевидно, проститутками. Еще одним аргументом служит тот факт, что если отдельные бани были заменены на общие, то и устройство их стало бы другим, а этого не произошло.

Истина заключается вот в чем. В империи существовали разные бани. Бок о бок с роскошными императорскими термами в Риме работали более скромные заведения; аналогичным образом в крупных городах вроде Остии имелись разные категории общественных бань. По мере того как строились новые мужские бани, прежние передавались в распоряжение женщин. Флавианова реконструкция бань Стабиана в Помпеях показывает, что даже после сооружения двух новых бань эти самые старые в городе бани по-прежнему работали. То же самое могло быть и в Остии.

Одновременно существовало большое число заведений, в одних из которых мылись бедные люди, а в других – развратники. В первые годы империи в Риме насчитывалось 170 бесплатных теплых бань, а ко времени Плиния Старшего их стало еще больше. Среди заведений более низкого класса были, несомненно, и такие, что приносили приличную прибыль людям, которые, не будь этих бань, открывали бы еще более сомнительные заведения. Они предназначались для людей обоих полов, идеи которых были высоки, а нравственный облик очень низок. В этих банях мужчины часто купались голышом, да и женщины порой следовали их примеру. Посетители таких заведений славились своей распущенностью – именно их и описывал Марциал. Это были бани, которые справедливо проклял Квинтилиан, а просвещенные императоры пытались – но безуспешно – закрыть.

Если же меня спросят, где в Остии, например, мылись уважаемые женщины, то я отвечу, что некоторые из раскопанных бань, которые кажутся нам мужскими, были, вероятно, таковыми только сначала, а потом их стали использовать женщины. А быть может, в некоторых банях, как и в

португальских, для женщин отводились определенные часы.

Женщина у себя дома

В первые века существования Римского государства римляне занимались в основном сельским хозяйством, и их дома, большие и малые, были сельскими усадьбами. Пока муж обрабатывал землю, жена занималась домашним хозяйством. У нее хранились ключи от кладовых и шкафов; она воспитывала детей. И чем больше и богаче была семья, тем больше у нее было рабов – и дома, и в поле.

В бедных семьях девочки, как и мальчики, ходили в школу – их обучали школьные учителя. В богатых семьях дети учились дома. Прясть и ткать девочек, под наблюдением их матери, учили рабыни. Домашнее производство тканей, которое никогда не прекращалось в семьях бедняков, в богатых домах сохранилось до первых лет империи. В конце существования республики, в 52 году до н. э., в городском доме М. Эмилия Лепида, который позже стал триумвиром, ткацкий станок стоял в зале (атриуме). Когда туда ворвалась взбунтовавшаяся толпа, он был разбит вместе с кушеткой, на которой устраивалась жена Лепида – «женщина, добродетели которой вошли в поговорку», – чтобы наблюдать за работой ткачихи. Август, как мы уже говорили, носил дома одежду, изготовленную руками его женщин, и настаивал, чтобы традиция домашнего ткачества не прерывалась.

Если судить по надписям в колумбарии, где захоронен прах рабов и отпущенников Ливии, среди них было много людей, отвечавших за ее гардероб: пятеро чинили одежду, двое наблюдали за работой, шесть женщин изготавливали ткани, один человек шил плащи, один был портным и двое – сукновалами. Аналогичным образом в склепе другой семьи, Статилиев Таури, сохранился прах восьми прях, одного поставщика шерсти, четырех человек, занимавшихся мелким ремонтом, четырех ткачей, двух красильщиков и четырех сукновалов.

Колумелла, живший в середине I века н. э., писал, что такой образ жизни сохранялся в его молодые годы, но постепенно, особенно в богатых семьях, он стал меняться. В сельских домах обязанности госпожи дома теперь выполняла приходящая женщина – жена управляющего. Носить изготовленную своими руками одежду стало не модно; ее покупали, хотя это было гораздо дороже, в магазинах.

В современном мире покупка мебели и украшений для дома входит в

обязанности жены, и многие очень любят это занятие. Нынешние мужья часто помогают своим женам, но римские женщины мебелью интересовались мало. Комнаты были маленькими и, по современным меркам, скудно обставленными. В письмах Цицерона находим рассказ о том, как он покупал бюсты для своей библиотеки (и вряд ли советовался по этому вопросу с Теренцией), а Плиний рассказывает о том, что Цицерон однажды потратил полмиллиона сестерциев на покупку стола. Столы, особенно сделанные из цитрусовых пород дерева (иногда – с ножками, украшенными слоновой костью), и кушетки с инкрустациями из панциря черепах или драгоценных металлов, могли позволить себе только очень богатые люди. Женщины, впрочем, тоже иногда покупали что-то для дома: «одна мать семейства, при этом не особенно богатая», заплатила за черпак для вина 150 тысяч сестерциев. Но в целом женщины предпочитали тратить деньги на драгоценности. Покупкой мебели увлекались мужчины; Плиний рассказывает нам, что, когда муж ругал жену за то, что она тратит много денег на жемчуг, жена часто бросала ему в ответ: «А кто обожает покупать столы?»

Кто заказывал и оплачивал фрески и мозаику? Когда дело касалось выбора художника, темы, цвета и рисунка, имела ли жена право голоса? Об этом нам ничего не известно.

Мы не знаем, сколько времени уходило у женщин на выполнение домашних обязанностей и наблюдение за рабами. Элий Аристейд в своей книге «Римская речь», написанной в середине II века н. э., утверждает, что «хозяйство, в котором приготовлением пищи, уборкой постелей и сметанием пыли занимается один и тот же человек, – это хозяйство нищего человека». Для того чтобы найти в Риме мать семейства, которая выполняла бы все многочисленные обязанности, которые лежат на плечах современных женщин, нам пришлось бы опуститься на самое дно общества.

До середины II века до н. э. хозяйка принимала активное участие в домашних делах; еще до 164 года до н. э. она сама пекла хлеб. После этого появились пекарни, в богатых домах завели многочисленную кухонную прислугу, а «за повара давали столько же денег, сколько за коня».

Хозяйка, вероятно, отдавала распоряжения и присматривала за приготовлением пищи для своей семьи. Мы не можем сказать, отвечала ли она за подготовку тех роскошных обедов, которые в последние годы республики и первые годы империи время от времени устраивались в богатых домах и которые так шокировали мужчин, чья нравственность была столь же высока, а аппетит столь плох, как и у Сенеки. Не знаем мы и

о том, присутствовала ли хозяйка дома на этих пирах. Сенека ничего не говорит нам об этом; впрочем, вряд ли уважаемая женщина и малые дети становились свидетелями тех безобразий, которые порой позволяли себе участники подобных мероприятий.

В домах, где хозяином был мужчина вроде Тримальхиона, жена делала все то, что полагалось делать хорошей домохозяйке. Во время обедов Фортуната вместе со слугами сновала из обеденной залы в кухню и обратно, а когда, покончив с едой, монументальный каменщик Хабиннас звал ее и спрашивал, почему ее нет, Тримальхион отвечал, что она никогда не выходит к гостям, пока не убедится, что серебро заперто в шкаф, а рабы накормлены.

Не следует думать, как ни пытаются убедить нас сатирики и моралисты, что пиры (не важно, превращались ли они в оргии или нет) часто устраивались только во дворце императоров, а в домах обычных людей – весьма редко. Обеды даже в богатых домах, с гостями или без, проходили чинно и спокойно, и на них присутствовали все женщины семьи. До эпохи Августа они сидели (на этрусском саркофаге изображены сидящая за столом жена и полулежащий на кушетке муж), а потом возлежали, как и мужчины, очень грациозно в высших слоях общества и менее грациозно в домах, где жили люди, подобные Тримальхиону.

То же самое справедливо и для употребления алкоголя. Если жена Тримальхиона напивалась допьяна, то женщины из аристократических семейств инстинктивно, а также помня о правилах, установленных Овидием для своих не столь утонченно воспитанных дам, старались вести себя прилично. Если они и пили, то очень мало. Ни в одном цивилизованном обществе не любят пьяных женщин, а в римском обществе их просто не выносили.

Женщина, несомненно, участвовала в застольных разговорах. Женская беседа – *Sermo* – часто становилась предметом похвалы. Жена Мецены Теренция развлекала гостей веселой беседой. Саллюст не очень любил Семпронию, но вынужден был признать, что она умела вести беседу. Макробий замечает, что неудачная дочь Августа Юлия очень хорошо говорила. Ювенал терпеть не мог женщин, которые слишком много болтают; гораздо приятнее беседовать с женщинами, которые говорят не громко и по делу. Здесь надо опять вспомнить поучения Овидия; он советовал женщинам говорить сдержанно и спокойно и хорошо знать предмет, который обсуждают образованные люди.

В третьей части своей книги «Искусство любви» Овидий советует читать классику (греческую поэзию) и к тому же интересоваться

современной литературой. Его слабый аргумент, гласящий, что если замужняя женщина прочитала его книгу, то она не воспользовалась советом не читать ее до конца, свидетельствует, что даже в респектабельных домах образованные женщины любили читать все, что было написано и опубликовано. Более того, в Риме, в том числе и в уважаемых семьях, существовали женщины талантливые и не очень, которым нравилось (а может, они искали в этом утешения) писать или заниматься другими формами творчества. Это были *doctae puellae*, дамы, наделенные литературным талантом, о котором, как писал Овидий, многие мечтали, но немногие имели. Как мы уже говорили, жена Плиния Младшего положила стихи мужа на музыку. Агриппина Младшая описала жизнь своей семьи, а Бальбилла, которая путешествовала по Египту с Адрианом и Сабиной, была не единственной римской женщиной, которая писала стихи. Одна одаренная поэтесса, жившая во времена Августа, включила в четвертую книгу стихов Тибулла шесть своих трогательных элегий, которые на века запечатлели ее страстную любовь к «Церинтию». Ее звали Сульпиция, она была племянницей и, вероятно, подопечной М. Валерия Миссалла Корвина, которая входила в состав его литературного кружка (как и Тибулл). Это, вероятно, очень тревожило ее мать и дядю. А вот стихи ее тезки, другой Сульпиции, похоже, очень смущали ее мужа Калена. Они поженились во времена Домициана и прожили пятнадцать счастливых лет; и вот, вдохновленная экстазом, который испытывала в супружеской постели, поэтесса принялась описывать его в стихах. До нас дошли две эпиграммы Марциала, страстного поклонника ее поэзии: «Пусть все молодые жены, желающие порадовать своих мужей, читают Сульпицию; пусть все мужья, желающие порадовать невест, читают Сульпицию... Она описывает чистую и верную любовь, ее игры, радости, ласки и подначки. Тот, кто хорошо взвесит ее стихи, скажет, что нет девушки шаловливее, чем она, нет девушки искреннее, чем она... Если бы она училась с тобой в одной школе, Сафо, или была бы твоей учительницей, ты стала бы более образованной и более добродетельной». Рукопись, обнаруженная 1493 году в Боббио, как считают некоторые исследователи, содержит семьдесят строк ее стихов.

Это вовсе не жемчужина непорочного эротизма, это беседа, написанная безупречным гекзаметром, которую ведут между собой Сульпиция и ее муза. Предполагается, что эти стихи появились в эпоху Домициана и отражают мрачные настроения тех лет. Их написала не женщина, а начитанный, но не очень талантливый поэт, живший спустя несколько веков после смерти Марциаловой Сульпиции.

Танцы в Риме вовсе не были бальными. В отличие от ритмичных движений под музыку, которые совершали в определенные религиозные праздники хористки, танцы представляли собой пантомиму или балет и напоминали сольные танцы, которыми привлекают в наши дни клиентов самых непритязательных ночных клубов. Танцы-пантомимы, по теме и манере исполнения, были часто крайне неприличными – самыми популярным были пантомимы, в которых изображался адюльтер. Девушки, как видно из мозаики IV века н. э. на Пьяцца-Армерина на Сицилии, исполняют танец в бикини, выставляя напоказ почти все свое красивое тело. Танцы такого рода в древности, как и в наши дни, были делом профессионалов, (например, девушек из Кадиса). Актрисы, согласно римскому закону, относились к разряду проституток (и вполне возможно, не без оснований), поэтому танцы не считались развлечением, и римские отцы вовсе не желали, чтобы их дочери развлекались подобным образом, а сыновья танцевали с подобными девушками. О пении римляне были такого же мнения.

Отношение римлян к танцам и пению разительно отличалось от греческого. В первые годы правления Августа на это обратил внимание Корнелий Непот, предвидев в своей книге «Жизнь Эпаминонда из Фив» удивление своих римских читателей, обнаруживших, что он упоминает имена учителя музыки и учителя танцев Эпаминонда. «Читателям не стоит судить иноземные обычаи с точки зрения своих или допускать, что другие люди должны разделять их мнения о том, что достойно презрения, а что – нет. Нам не надо говорить, что, по убеждению римлян, занятие музыкой недостойно знатного человека, а танцы считаются совершенно безнравственными. Зато в Греции все это считается самым подходящим и приятным развлечением».

Однако эту точку зрения, уже за сто лет до Непота, отказывалась принять молодежь. В 129 году до н. э., в последний год своей жизни, Сципион Эмилиан, оплот старого порядка, рассказал римлянам о своем горьком опыте. Когда он отказался поверить, что юношей и девушек из хороших семей видели с музыкальными инструментами в руках в компании артистов, знаменитых своим безнравственным поведением, его отвели в школу танцев, где его взору предстали пятьсот девушек и мальчиков, включая одного юношу, который танцевал с кастаньетами. Этот танец, по мнению Сципиона, «постеснялся бы исполнить и раб, который не имеет никакого понятия о нравственности». А ведь юноша был сыном человека, которого хотели назначить на очень важный пост.

В последнем веке существования республики был достигнут

компромисс. Танцы были разрешены, но только не в общественных местах; и они не должны были выходить за рамки приличий. Печально знаменитая Семпрония была проклята Саллюстом не за песни и танцы, а за то, что пела и танцевала как профессионал. В третьей книге «Искусства любви» Овидий рекомендовал молодым женщинам петь и играть на музыкальных инструментах, а Статий в I веке н. э., увидев, как его падчерица танцует, решил, что это придает ей особое очарование. Закон не запрещал танцы, если их исполняли дома и если они не выходили за рамки приличий. Танцы устраивались для членов семьи и гостей; очень часто сами гости просили хозяев станцевать. Тримальхион, вероятно, был очень недоволен, что никто из гостей не попросил его жену станцевать для них, ведь ей этого очень хотелось; однако не надо думать, что в таком доме ее танец отличался бы сдержанностью и утонченностью.

«Ионические движения», которые разучивали взрослые девушки и которые вызывали сильное негодование Горация, были, очевидно, более смелыми, чем танцы, считавшиеся в то время допустимыми. Гораций утверждал, что подобные «движения – это первый шаг к моральному падению; сегодня танцы – завтра измена мужу». Тем не менее, когда танцевала Теренция, жена его покровителя Мецена, Гораций не возмущался, поскольку она исполняла не сольный и не парный танец, а танцевала в составе хора, причем церковного. Да и мог бы ее танец считаться неприличным, если дети обоего пола пели песню, написанную самим Горацием?

Кроме весталок самостоятельно управлять своей собственностью могли только женщины, которые, по законам Августа, родили трех, а в Италии (или в самом Риме, если они были отпущенниками) – четырех детей. За пределами Италии надо было обзавестись пятью детьми. Таким женщинам и их мужьям присваивалось почетное звание продуктивных родителей. Женщины, вышедшие замуж в результате той или иной примитивной брачной церемонии, полностью зависели от своих мужей (*in manu*) и, будучи их женами, не имели никакой собственности. Женщина, вступавшая в свободный брак (если, по законам Августа, она не приобрела независимости как многодетная мать), находилась под властью своего отца. После его смерти она получала опекуна (тутора) – это был человек, которого называл ее отец в завещании. Если же он этого не сделал, то она могла подать прошение, чтобы им стал кто-то из ее родственников или человек, назначенный магистратом. Женщина, находившаяся в браке *in manu*, став вдовой, тоже получала тутора, назначенного ей мужем или, с его

согласия, выбранного ею самой. Женщина не могла стать опекуницей даже своих собственных детей.

Таково было, по закону, положение женщины в конце республиканского и начале императорского периода. Однако женщина фактически была совершенно независима, поскольку опекуны обычно не принимали своих обязанностей всерьез; если тотор надоедал вдове, ей был достаточно подать прошение претору, чтобы его заменили на кого-нибудь более подходящего. Если же ей требовалась реальная помощь в сложных жизненных обстоятельствах, то она сама просила назначить ей администратора или «куратора».

Женщина, имевшая собственность, могла передать ее в управление своему мужу, который обязан был отчитываться перед ней о доходах, или же управлять ею сама, с помощью своих собственных агентов и рабов. Такую независимость женщин очень не одобрял Катон Старший. Собственность подобного рода, завещанная Цециной ее второму мужу, стала предметом в деле, в котором Цицерон в 69 году до н. э. защищал права этой женщины. А с конца I века н. э. до нас дошла эпиграмма Марциала, в которой он предупреждал мужа остерегаться «зубастой акулы» – агента его жены и, как предполагал Марциал, по совместительству ее любовника. Это была одна из слабостей красавчика агента; второй была его лживость.

В руках женщин из императорской семьи, должно быть, находилась очень крупная собственность. Мы можем судить о размере личного штата слуг Ливии по количеству урн с прахом ее рабов и отпущенников, которые были обнаружены в колумбарии на Аппиевой дороге. Бур, закончивший свою жизнь префектом гвардии, был когда-то ее агентом.

Многие женщины, без сомнения, имели свое собственное дело. Часто это были вдовы, которые продолжили дело умершего мужа. В Италии, за пределами Рима, было много отпущенниц и женщин, которые владели верфями. Клавдий предлагал им особые награды, если они будут участвовать в его программе по созданию флота. Кроме того, судя по надписям, существовали женщины-врачи, лечившие в основном дам.

Помимо серьезных и уважаемых занятий, было конечно же много прихотей, на которые богатые дамы, как и богатые мужчины, бросали свои деньги. Уммидия Квадратилла держала личную труппу танцовщиц, которые выступали не только у нее дома, но и на публике. Когда она умерла в возрасте более восьмидесяти лет, в 107 году н. э., эту труппу унаследовал, вместе с двумя третями ее собственности, внук Уммидии, формалист и резонер, который жил в доме своей бабки (с двадцати четырех лет – вместе

с женой) и упорно отказывался посещать их представления. После смерти Уммидии танцовщицы один раз выступили на публике, а потом он от них избавился. Это была ужасная старуха – так думал и Плиний, который был полностью согласен с мнением ее внука.

Женщины за пределами своего дома

Женщины выходили из дома в лавки за покупками и в бани, наносили визиты, посещали храмы или какие-либо публичные зрелища. Клиенты порой приходили к своему патрону вместе с женами, надеясь получить подачку крупнее. Одевшись понаряднее, жены ходили с мужьями на пиры. Из восьмидесяти сенаторов, которые однажды пировали с императором Отоном, многие явились с женами.

Женщины не имели права передвигаться по Риму в экипажах; право ездить в карпентуле, небольшом крытом фургоне, запряженном двумя лошадьми, имели только весталки и государственные жрицы. Эту привилегию получили в свое время и две императрицы: Мессалина и Агриппина Младшая.

Женщины обычно перемещались в высоком переносном стуле (*rella*) или на носилках (*lectica*). Для коротких расстояний более удобным бы стул, а если его надо было нанимать, то и более дешевым. Длительные путешествия совершали в носилках (паланкинах), для переноски которых нанимали, по моде того времени, восемь рабов из Вифинии. Носилки были гораздо более респектабельными и удобными, чем стулья. Они имели крытый верх и занавески, а порой даже окошки.

В городе использование носилок было ограничено законом. Юлий Цезарь разрешал передвигаться в них только в определенные часы и исключительно женщинам определенного возраста. Домициан запретил куртизанкам и проституткам пользоваться носилками. Скорее всего, в паланкинах ездили только женщины определенного положения в обществе. Кассий Дион сообщает о крытых «паланкинах, в которых носят сенаторских жен».

К III веку, очевидно, существовало столько же разновидностей носилок, сколько машин в наши дни. Как мы уже упоминали, Элагабал дал своему женскому сенату задание разработать правила, определявшие, кому какие носилки полагались по социальному положению.

К женским путешествиям из дома в храм авторы элегий и сатир относились весьма скептически. Они отправлялись в храм Изиды или Бона

Деи, куда мужчинам вход был воспрещен; главной их целью, по мнению сатириков, были свидания с мужчинами. «Есть ли смысл приставлять к женщине охранника, – спрашивает Овидий, – если в Риме так много театров, если она посещает гонки на колесницах, если она участвует в празднике Изида, если она ходит на церемонии, предназначенные только для женщин, ибо Бона Дея запрещает присутствие мужчин (если, конечно, она их сама не пригласила), если есть бани, если всегда есть больная подруга, которую надо проведать, – больная подруга, которая всегда с радостью предоставит в ее распоряжение кровать». Овидий, конечно, пишет не о жене, а о любовнице, которую ревниво охраняет; но если такие возможности предоставляются одним женщинам, то ими могут воспользоваться и другие.

Глупо, однако, было бы думать, что все женское население Рима состояло только из таких женщин, которых высмеивали Ювенал и Марциал и с такой неприязнью описывал Овидий. Большинство женщин, без сомнения, выходили из дома, чтобы зайти в лавку, или посетить друзей, или по другим привычным и совершенно безобидным причинам. Если бы они читали Овидия и Ювенала, то были бы шокированы, узнав о том, что есть женщины, которые живут совсем другой жизнью.

Наличие театра и цирка предоставляло для женщин и мужчин одну из самых привлекательных черт столичной жизни. Поэтому удивительно, что жена Сатия, не любившая ни того ни другого, не хотела уезжать из Рима.

«Если женщины идут на представление, они идут, чтобы представить себя», – писал Овидий. И это естественно; они не были бы женщинами, если бы их не заботило, какое впечатление они произведут. Сатирик, конечно, писал о тех, кто обвешивался украшениями с ног до головы. Но наверняка в театре или цирке было много просто красиво одетых женщин. Разумеется, императрица не могла себе позволить, чтобы ее не замечали; Агриппина Младшая, облаченная в платье, которое было сшито из тканей, сотканых из золотых нитей, и наблюдавшая за морскими маневрами Клавдиевых кораблей, несомненно, притягивала всеобщие взоры.

Женщины и мужчины в цирке сидели рядом. Август считал, что женщинам не подобает смотреть соревнования атлетов (включая борьбу), и издал указ, по которому им запрещалось появляться в цирке раньше пятого часа (около одиннадцати часов), когда состязания атлетов уже завершались. Женщинам разрешалось смотреть гонки на колесницах, которые они обожали не меньше мужчин.

Во времена республики женщины сидели рядом с мужчинами и в театре. Именно здесь, в 79 году до н. э., в возрасте пятидесяти лет, Сулла

познакомился с молодой, хорошо воспитанной кокеткой Валерией, которая стала его шестой женой. Проходя мимо него на свое место, она выдернула из его плаща нитку, а когда он обернулся, извинилась и сказала, что сделала это для того, чтобы позаимствовать у него удачу. Сулла спросил, кто она такая. «После этого они ловили взгляды друг друга, оборачиваясь и обмениваясь улыбками, – и в конце концов договорились о том, что поженятся» (Светоний. Жизнь божественного Августа).

Во времена империи мужчины и женщины в театре и в цирке стали сидеть отдельно. Весталки имели специальные места, где к ним могли присоединиться дамы из императорской семьи, а другие женщины смотрели представление, сидя в специально отведенном для них месте, и могли общаться с мужчинами только во время прогулки в портике. В театре они могли привлечь к себе внимание только так, как это сделала Эмилия Лепида. Она устроила во времена Тиберия целое представление, продемонстрировав все свои недостатки. Насколько грубыми и безнравственными были подобные фарсы, мы можем только догадываться, ибо их описания до нас не дошли. Пантомимы, обычно на мифологические сюжеты, отличались крайней непристойностью. Тертуллиан конечно же не был бесстрастным свидетелем. «Вы бережете свою дочь, – пишет он, – чтобы она не слышала ни одного грубого слова, а потом ведете ее в театр, где она слушает актеров и смотрит на их жестикуляцию».

Никто не станет отрицать, что в характере римлян были жестокие и греховные черты, унаследованные частично от этрусков. Римляне сильно отличались от греков – их мужчины и женщины не только восхищались боевыми качествами гладиаторов и тех, кто сражался с дикими зверями, но и, несомненно, наслаждались видом смерти. Тертуллиан совершенно справедливо выступал против этих зрелищ, да и многие римские язычники – Сенека, например, – относились к ним точно так же, как и христианин Тертуллиан. Единственное, что, к огромному сожалению, испортило его тексты, – это обещание христианам, которые не посещали бои гладиаторов и поединки с дикими зверями, что они получают в награду зрелище, полное торжества и ужаса, где увидят все, что надеялись увидеть в цирке, – агонию и пытки грешников в час Страшного суда.

Если мужчины вроде Цицерона и Сенеки не посещали представлений в цирке, то многие женщины тоже избегали подобных зрелищ. Жена Статия была не единственной, кто их не выносил.

То, что женщины высшего общества влюблялись в актеров пантомимы и танцоров вроде Мнестера, жившего во времена Клавдия, и Париса и Бафилла^[35], живших во времена Домициана, а также в возничих и

гладиаторов, подтверждают исторические документы и произведения сатириков. Мнестер и Парис были любовниками императриц. Как бы это нас ни шокировало, это явление вполне объяснимо с точки зрения психологии. Связь жены сенатора с гладиатором стала бы в наши дни настоящей сенсацией. Приведем великолепный и шокирующий рассказ Ювенала об этом событии (*Ювенал. Сатира 6, 83–113*):

Бросивши мужа, жена сенатора Эппия с цирком
В Фарос бежала, на Нил к славному городу Лага;
Сам Катон осудил развращенные нравы столицы:
Эта блудница, забыв о супруге, о доме, о сестрах,
Родиной пренебрегла, позабыла и детские слезы,
После же – странно совсем – и Париса забросила
С цирком.
С детства росла среди великих богатств у отца
И привыкла
Спать на пуху в своей золоченой, резной колыбели,
Но одолела моря, как раньше честь одолела
(Дешево стоило честь потерять на мягких сиденьях).
Смело и стойко она терренские вынесла волны
И далеко раздающийся шум Ионического моря;
Много морей ей пришлось переплыть.
Но когда предстоит им
Выдержать праведный искуc и честный,
То женщины трусят;
Их леденеют сердца, и от страха их ноги не держат.
Храбрости хватит у них на постыдное только дерзанье.
Если прикажет супруг на корабль зайти – тяжело ей:
Трюм противен, вонюч, в глазах все ужасно кружится.
Если с развратником едет, она здорова желудком,
Эту при муже рвет, а та, с моряками поевши,
Бродит себе по корме и охотно хватает канаты.
Впрочем, что за краса зажгла, что за юность
Пленила Эппию?
Что, увидав, «гладиаторши» прозвище терпит?
Сергиол, милый ее, уж давно себе бороду бреет,
Скоро уйдет на покой, потому что изранены руки,
А на лице у него уж немало следов безобразных:
Шлемом натертый желвак огромный по самому носу,

Вечно слезятся глаза, причиняя острые боли.
Все ж гладиатор он был, и, стало быть, схож с Гиацинтом.
Стал для нее он дороже, чем родина, дети и сестры,
Лучше, чем муж: ведь с оружием он! Получи этот Сергей
Меч деревянный – и будет он ей вторым Вейнтоном.

Заключение

Полного равноправия полов в Древнем Риме не было никогда – из-за убежденности мужчин в том, что женщина должна заниматься только своим домом, а мужчина – делами за его пределами. Эта идея изжила себя очень давно, но мужчины не хотели с ней расставаться. В сфере домашней экономики никто не подвергал сомнению власть женщины и ее знания и опыт. Она занималась едой, одеждой, слугами и воспитанием маленьких детей.

Именно поэтому мужчины считали, что она не может активно участвовать в общественной жизни, ведь для этого у нее нет ни знаний, ни опыта. Так что женщинам не давали права голоса; а о том, чтобы они заняли какой-нибудь общественный пост, мужчины даже подумать не могли. Во времена империи никто не сомневался в политической мудрости Ливии, Плотины или Юлии Месы, но от официального участия в делах управления они были отстранены. Предложений о том, чтобы женщина была избрана императрицей, даже не вносилось.

Аналогичным образом женщины не могли быть судьями; не могли они и защищаться в суде. До эпохи Юстиниана их запрещено было назначать даже опекунами своих собственных детей. Им не позволялось – если, по закону Августа, они не производили на свет требуемое число детей или не получали почетного звания многодетной матери – самостоятельно управлять своими делами.

Юристы называли женщин слабым полом и заявляли, что им не хватает твердости для того, чтобы конкурировать с мужчинами в суровых условиях общественной жизни. *Infirmitas consilii* (ненадежные советы) были любимым выражением ораторов. Но если у римлян хватало лицемерия, чтобы заявлять, что отсутствие необходимого опыта является для женщин непреодолимым барьером для участия в политической жизни, то они все же не решились утверждать, что женский ум на порядок слабее мужского.

Впрочем, женщины и не стремились вступать в мир политики, управления и закона. Мы не знаем ни одного случая, когда бы они потребовали изменить закон, желая получить законное право управлять мужчинами.

Только в одной области произошли крупные изменения – во времена республики старые формы брака, при которых жена была связана с мужем

нерасторжимыми узами, были замены свободной формой супружества. Об этом событии Фриц Шульц с восхищением писал: «Классический закон о браке – это впечатляющее, и, возможно, самое впечатляющее, достижение римского юридического гения. Впервые в истории цивилизации появился по-настоящему гуманистический закон о браке, то есть закон, основанный на чисто гуманистической идее супружества как свободного союза двух равных партнеров, который можно было свободно расторгнуть».

Странно, что после того, как женщины получили равноправие в браке, они не добились права самостоятельно управлять своей собственностью, которым обладали мужчины. Если бы идеи Августа о положении женщин были бы прогрессивными, а не реакционными и если бы у него не засела в мозгу мысль о том, что женщины должны произвести на свет определенное число детей, он, вероятно, довел бы реформу до конца. Ведь были же сделаны некоторые послабления в законах, которые защищали интересы женщин. Например, после Августа были отменены ограничения, касающиеся вопросов наследования женщинами собственности; а юристы империи продемонстрировали гуманистический подход в применении этого закона. И хотя в большинстве случаев женщина все еще должна была иметь наставника, к этому требованию относились как к пустой формальности.

В браке, несмотря на стремление законов Августа ограничить безнравственное поведение мужа, от него никто никогда не требовал добродетельной жизни, как от жены. В этом смысле обращение римского мира в христианство сильно изменило статус женщины. Были введены законы, которых так долго добивались стоики. По этим законам неверных мужей стали наказывать с такой же строгостью, как и неверных жен. И в эпоху христианства добродетельные незамужние женщины, которых преследовал Август, сделались предметом всеобщего уважения и даже поклонения.

Хорошо было бы повторить в конце этой книги то, о чем мы говорили в начале.

Стоит только вспомнить, какой огромный вклад в понимание социальной истории человечества начиная с XVIII века и до наших дней внесли книги, написанные женщинами, как станет ясно, что ученый, изучающий жизнь женщин в Древнем мире, не имеет тех источников, которые ему больше всего нужны. В обширной переписке Цицерона сохранились письма, которые он писал жене и дочери – единственным своим корреспонденткам; а письма, которые посылали ему они, до нас не

дошли. Молодой Плиний переписывался лишь с семью женщинами; из них шесть из десяти были посланы жене, тетушке жены и теще. По остальным четырем посланиям мы можем судить лишь о том, что он был очень великодушным другом для семей своих корреспонденток.

Очень хорошо, что женщины, жившие в одно время с Овидием, Марциалом, Тацитом и Ювеналом, не могли знать, что их потомки будут рассматривать их жизнь через призму сатирических творений этих авторов, думая при этом, что видят истинный облик женщин Древнего Рима.

---

notes

Примечания

1

Исключение составляла семья Цецилия Метелла, чья дочь имела два имени – Цецилия Метелла. *(Здесь и далее примеч. авт.)*

Все три сестры Трибуна П. Клодия, жившего в последние годы республики, звались Клодиями.

Женщина, которая, по утверждению Ювенала, восемь раз выходила замуж, до самой смерти носила имя, которое присвоили ей при рождении.

По рождению он был Эмилием Пауллом, но его усыновил Сципион Африканский.

Некоторые историки считали, что это был Кв. Сервилий Кепио, брат Сервилии и дядя М. Юния Брута, который убил Цезаря в 44 г. до н. э. Однако Кепио умер в 59 г. до н. э., усыновив своего племянника, которого по-прежнему считают М. Брутом, но который на самом деле после этого стал зваться Кв. Кепио Брутом. Вполне возможно, что Юлия была помолвлена именно с М. Брутом, ибо старший Кепио, вероятно, к тому времени был уже женат.

От Клавдия она родила сына и дочь Клавдию, которая с 43 по 41 г. до н. э. была помолвлена с Октавианом. От Курия – сына, который сражался в войске Антония в Актиуме и был казнен Октавианом после боя; от Антония – двух сыновей. Марка Антония Октавиан выбрал в женихи своей дочери Юлии. В 36 г. до н. э. тот стал его зятем и был убит в 31 г. до н. э., после Актиума. Иулл Антоний позже женился на племяннице Октавиана Марцелле, в 10 г. до н. э. стал консулом и был казнен во 2 г. до н. э. за участие в заговоре Юлии.

В 24 г. н. э., через три года после этой речи, закон был изменен, и римские чиновники стали нести ответственность за любые преступления, совершенные в провинции их женами.

Его дорогую жену звали Ливия; она была дочерью Друза и Антонии Младшей. Через два года после этой речи, в которой Друз с такой любовью говорил о ней, она была соблазнена Сеяном и участвовала в убийстве своего мужа.

Наложницы на самом деле впервые получили официальный статус в законодательстве Августа.

В 40 лет, по мнению римлян, человек переходил от молодости к старости.

Это было сказано о Цезонии, жене Гая Калигулы. Она (как утверждали сплетники) дала ему выпить возбуждающий влечение напиток, который оказался слишком крепким, и он сошел с ума.

Сын Клавдия и Мессалины.

Эти сады располагались на Пинчио, между современными улицами Дуэ-Мачелли и Порта-Пинчиана и были приобретены Мессалиной после конфискации собственности Валерия Азиатика. Он был арестован по ее совету в 47 г. н. э. и вынужден покончить жизнь самоубийством.

Юлию Ливиллу вернул из ссылки Клавдий, вступив на престол империи. Так что ее вторая ссылка последовала почти сразу же после возвращения.

Здесь и далее перевод Ф. А. Петровского.

Очевидно, нет – ведь они спали.

Получив известие о гибели Агриппины, арвальские братья (религиозная коллегия) собрались в Риме, но 28 марта не принесли никаких жертв; они сделали это в благодарность за спасение Нерона только 5 апреля.

6 ноября. В записях арвальских братьев отмечается, что в 57 и 58 годах н. э. в этот день приносились жертвы Юпитеру, Юноне, Минерве, Народному благу и Конкордии.

Согласно записям арвальских братьев, уезжая из Рима, он думал вернуться туда 23 июля, а вернулся 11 сентября.

Если, конечно, он не был родным сыном Адриана.

Упавшее с неба в ответ на молитвы основателя Трои деревянное изображение Афины Паллады, согласно легенде, превезенное из Трои Энеем, которое хранили весталки.

Галерий приходился Дайе дядей и был им усыновлен.

Закон Элия Сентия от 4 г. н. э. позволял *Latinus Iunianus* – рабу, частично, а не полностью освобожденному, – получать римское гражданство через год после рождения первого ребенка, если он женился на римской или латинской женщине, соблюдая все необходимые формальности.

Этот палец имеет прямую нервную связь с сердцем. Так, по крайней мере, утверждал Аулус Геллиус, ссылаясь на научные данные – египетские вскрытия умерших.

Единственное исключение – по особому разрешению Домициана – только подтверждает это правило.

Мы не можем утверждать, что эта фраза произносилась именно в тот момент. Невеста могла сделать это и позже, входя в дом жениха.

Примерно миллион с четвертью сестерциев: гигантская сумма!

То, что сын Клеопатры Цезарион родился от Юлия Цезаря, весьма сомнительно.

Это означает, что это был очень умный мальчик; ибо мальчики и магистраты носили *toga praetexta* (став взрослыми, они облачались в *toga virilis*).

Женщина, которая после развода признавалась виновной в измене мужу, конечно же отправлялась в ссылку и лишалась права снова выйти замуж.

Вполне возможно, что Домициан мог руководствоваться истинным желанием исправить нравы.

Династия Тюдоров правила Англией в конце XV – начале XVII века.

Доступ в этот храм был запрещен мужчинам.

Так говорит Плиний. Но если уксус не растворяет жемчуг сейчас, то и в далекие времена он его тоже не растворял. А если бы и растворял, то такой сильный растворитель должен был повредить желудок человека, который его проглотил. Так утверждает Х. Рэккем.

Более знаменитый танцор Бафилл жил раньше, во времена Августа.